

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№3(45) 2022

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ИНТЕРВЬЮ

Юрий ПРОКОФЬЕВ
«Могу сказать, кто виновен в развале
Советского Союза...»4

ПОЭЗИЯ

Антонина БЕЛОВА
«Я – голос тоскующей скрипки...»21

Пётр ГУЛДЕДАВА
«Я не хочу сжигать мосты...»31

Виктор КАШКИН
«Вольготно летом на природе...»36

Юрий БОГДАНОВ
Раннее50

Юлия КАУНОВА
Три дороги56

Инна ВАРВАРИЦА
«Вот и снег!..»71

Василий ЛОВЧИКОВ
«Как луч, спешу на помощь всем...»73

Валерий БОКАРЁВ
«Ты – Феникс, вечная Россия...»83

Евгений КАРУНИН
Российские перезвоны89

Инесса ИЛЬИНА-ФЁДОРОВА
«Мне судьбой назначено играть...»95

Евгений ХАРИТОНОВ
«Возвратите мне Россию...»98

Инна МУХИНА
«Зовёт нас пламя ледяное...»107

Тамара ПОТЁМКИНА
«Улыбайтесь, люди!..»113

Евгений ХАВАНОВ
«Иной полноты и не надо...»126

Галина РОМАНОВА
С тобой, Россия!132

Ирина ШАТЫРЁНОК
Грустная история146

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3(45) 2022

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 22.11.22.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ I-4833

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Сергей ФИЛИППОВ
«Судьбы заложники и пленники...».....149

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
Тайный советник. Штрихи к портрету
Каэтана Коссовича26

ПРОЗА

Екатерина ГЛУШИК
Мне надо тебя запомнить.....40

Анна МАЯКОВА
Накормила ли я голодного.....68

Юрий РЫЧЕНКОВ
Шутка судьбы.....76

Василий ПОЛЯКОВ
Осенний праздник клёна.....93

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Чистая совесть110

Александр АНДРЮШКИН
Взаимное убийство115

Татьяна ГРИБАНОВА
Рассказы.....161

Александр ЮДИН
Последний отморозок.....174

Юрий ПОКЛАД
Рассказы.....184

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгения ПОЛЯКОВА
«Жизнь» и «животные» – слова
однокоренные63

Максим ВОРОБЬЁВ
Война за историю. Мы должны
защищать историческую память
нашего народа128

Яков ШАФРАН
Западная цивилизация.....139

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир ЯКУШЕВ
«Впадают встречи в расставанья...».....102

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

В этом году исполняется 100 лет со дня образования государства СССР. На официальном уровне этот юбилей был фактически проигнорирован, что неудивительно и в каком-то смысле логично. Тем не менее, для миллионов наших соотечественников, а также граждан государств – бывших республик единого Союза, советское прошлое представляет собой незабываемый опыт жизни, основанной на принципах социальной справедливости, подлинного народовластия, интернационализма и традиционных ценностей. Семь десятилетий советской власти ознаменованы в истории России созданием уникальной формы государственности, грандиозными прорывами во всех сферах бытия, героической победой многонационального народа над немецко-фашистским агрессором, освоением космоса, немыслимыми прежде достижениями в общенародном благосостоянии и т.д. Для всего мира Советский Союз был онтологическим вызовом и примером того, что социальная справедливость возможна, если стремление к ней обеспечено передовым научным мировоззрением и опирается на волю народных масс. Не будет преувеличением сказать, что нынешний авторитет России во многом обусловлен наследием (материальным и духовным) Советского Союза. Поэтому значение столетнего юбилея СССР невозможно переоценить. Эта знаменательная дата является для нас поводом оглянуться назад, чтобы попытаться понять и осознать причины, по которым стало реальностью злонамеренное уничтожение государства победившей социальной справедливости и была совершена дискредитация самой идеи этого государства с позиций вульгарного, бытового материализма. Конечно, такая попытка ничего не изменит в прошлом, но она может создать предпосылки для осмысленного и перспективного будущего России...

Эта тема весомо отражена в журнале «ВЕЛИКОРОССЪ».

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2022

© Авторы, 2022

ИНТЕРВЬЮ

Юрий ПРОКОФЬЕВ

«Могу сказать, кто виновен в развале Советского Союза...»

На вопросы Светланы Замлеловой
отвечает Ю.А. Прокофьев

– Юрий Анатольевич, 30 августа умер Горбачёв. Конечно, о нём заговорили. Кто-то ругал, кто-то хвалил. Оказалось, что многие наши сограждане по сей день считают его честным, добродушным, немного наивным человеком, у которого что-то не получилось. Этаким романтиком перестройки, мечтавшим осчастливить человечество. А как Вы считаете, можно ли назвать Михаила Сергеевича Горбачёва романтиком?

– Считаю, на 100% уверен, что никакой это не романтик, не человек, который хотел как лучше, а получилось как всегда (выражаясь словами Черномырдина). Так сложилось, что я познакомился с Горбачёвым ещё до того, как он стал генсеком. Было какое-то мероприятие, связанное с выборами Черненко в Верховный Совет СССР, и меня посадили рядом с Горбачёвым. И мы с ним разговаривали. Оказалось, что мы учились почти что рядом, в общежитии он жил рядом с моим домом, в одном ЗАГСе мы – на Яузе – оформляли отношения с жёнами, в один ресторанчик «Звёздочка» ходили на Преображенке. В общем, оказалось, что-то нас связывает. Это был обычный разговор, из тех, что происходит в перерывах. Но потом, когда он стал Генеральным Секретарём и приехал к нам в горком партии по поводу замены Гришина на Ельцина, он меня узнал и сказал, что помнит. На этом наши разговоры окончились, потом всё было уже только официально.

Как большинство тогда, я воспринял его положительно, потому что он был молодой, энергичный, без гонора, без высокомерия. Ведь было ясно, что перемены какие-то нужны. И в области экономики, и в области политической деятельности. Просто назрели перемены, и потому все надежды

Юрий Анатольевич Прокофьев – советский партийный деятель. Член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), член ЦК КПСС (1990–1991), Первый секретарь Московского городского комитета КПСС (1989–1991). Депутат Московского городского Совета народных депутатов (1985–1990). Неоднократно избирался депутатом Куйбышевского районного Совета народных депутатов (г. Москва). Член КПСС с 1960. Кандидат экономических наук. Живёт в Москве.

были на Горбачёва. Но очень быстро эти надежды ушли, потому что выступал он как проповедник, говорил большие и длинные речи, однако всё это были одни общие фразы, никакой конкретики, никакого плана действия у Горбачёва не просматривалось. А потом появились и ошибки. Самая главная, первая ошибка его – это антиалкогольная кампания. До сих пор непонятно: как это могло произойти. Ведь 36% бюджета у нас – это монополия на алкоголь. И в царской России так было, и в Советском Союзе. И вдруг так сразу всё запретили. И чем восполнить 36% бюджета? Никто об этом не говорил, никто и не думал. Это был первый серьёзный удар по экономике нашей страны и по благосостоянию народа, потому что значительная часть бюджета шла на решение социальных вопросов. У нас льготы были достаточно большие и в образовании, и в здравоохранении, много жилья предоставлялось. И треть бюджета вдруг улетела. И это был первый вопрос к Горбачёву, когда появились к нему вопросы. В это время я был ещё секретарём райкома партии – должность не очень большая. Что там наверху делалось, я не совсем тогда представлял. Но потом, когда я стал Секретарём городского комитета партии, возникли уже более серьёзные вопросы по поводу деятельности Горбачёва. Например, зашла речь о создании Советов на постоянной основе. И сразу недоумение: а как будут складываться отношения Центрального Комитета и Верховного Совета? Раньше в Верховном Совете не было постоянно работающих депутатов, разрабатывался материал о принятии решения Верховного Совета, ЦК рассматривал, потом уже решение принималось. Как будут складываться отношения у Центрального Комитета, который не на постоянной основе работал (аппарат только постоянный), и Верховного Совета, где депутаты уже на постоянной основе? Я такой вопрос задал Зайкову – он был тогда Первым секретарём горкома партии. Он сказал: «А мы не думали, мы на Политбюро на эту тему не разговаривали». Видимо, он до Горбачёва донёс это, и когда мы с Горбачёвым столкнулись нос к носу на собрании, посвящённом годовщине рождения Ленина, он мне сказал: «Прокофьев, что ты там пугаешься? Есть живое творчество масс. Массы, – он употребил выражение Ленина, – решают, как строить социализм. А вы хотите, чтобы какие-то планы были, разработки какие-то. Это не дело. По мере развития и вопросы возникнут».

– Можно сказать, что политическая жизнь была пущена на самотёк?

– На самотёк, всё на самотёк. Хорошо была продумана – по моему мнению, с помощью Лукьянова – новая система представительных, исполнительных органов власти. Что касается партии, такие вопросы не поднимались. Партия, между тем, была не просто идеологическим органом. Это была структура управления государством на огромной территории. И всё, что принималось наверху – я имею в виду Совет министров, Верховный Совет, ЦК, – всё с помощью партийных организаций доводилось до исполнителей и решалось. Горбачёв принял все меры для того, чтобы руководящую роль партии устранить. И юридически это было сделано, и практически. Причём, не думаю, чтобы это делалось как-то интуитивно, в соответствии с ситуациями – ничего подобного! Просматривается совершенно чёткий план разрушения партии и страны.

– Значит, Горбачёва с чистой совестью можно назвать предателем?

– Вполне. Другой разговор – кто был за ним. Я не считаю Горбачёва настолько умным человеком, чтобы он сам смог разработать такую программу.

Кто-то ему советовал, направлял его. Один советчик хорошо известен – Яковлев Александр Николаевич. Крючков докладывал Горбачёву, что Яковлев был завербован, когда учился в Колумбийском университете. Он, Калугин и Бахирев, по-моему. Они были завербованы ЦРУ.

Кстати! Немного перескочу на другую тему... Когда Горбачёв стал Секретарём ЦК по сельскому хозяйству, он уехал в Канаду. Мне Лукьянов в своё время сказал, что это он виноват, что Горбачёв и Яковлев познакомились. В 1968 г., когда мы вводили войска в Чехословакию, Лукьянов от Верховного Совета обеспечивал информационную поддержку, а Яковлев – от ЦК. И они сошлись. А когда Горбачёв поехал в Канаду, то Лукьянов его напутствовал, что там посол – очень умный человек, ты присмотришь и прислушаешься. Посмотрел и прислушался. После чего от социализма решил перейти к капитализму. Появились тогда пустые фразы – «социализм с человеческим лицом», «больше социализма» и т.д., – призванные заморочить головы людям. А реально всё шло к тому, чтобы ликвидировать роль коммунистической партии и заменить общественно-политический строй – с социалистического на капиталистический. Сейчас вся эта линия отчётливо просматривается.

Была создана компартия Российской Федерации. Что это значит? Ведь не случайно такой партии не было раньше, потому что КПСС была унитарной организацией. И компартия союзной республики, компартия области обладали теми же полномочиями, правами, у них был один начальник – это Центральный Комитет партии. Как только создали компартию Российской Федерации, партийные организации регионов оказались на ступеньку ниже, и они уже не на ЦК выходили, а на компартию Российской Федерации. И партия превратилась из унитарной организации в объединение компартий союзных республик. Это уже подорвало ту основу, на которую опирался Советский Союз. Не знаю, насколько это достоверно, но мне рассказывали, что когда в 1936 г. Сталину предложили убрать пункт о самоопределении республик из Конституции, он сказал: не нужно, есть единая партия, которая всё цементирует, всё связывает. РСФСР была самой крупной республикой, и по населению, и по экономике, поэтому создание компартии Российской Федерации означало создание второго центра власти. Больше не было единой партии, единого центра, было объединение компартий союзных республик. На XXVIII съезде КПСС Политбюро было избрано уже в другом формате. Не руководители высших органов власти вошли в состав Политбюро – раньше были Председатель Совета министров, Председатель КГБ, Министр обороны, то есть люди, которые принимали решения, могли что-то реализовывать. А здесь получился совет Секретарей партийных организаций. Вошли в состав Политбюро только секретари ЦК союзных республик. Поэтому мы могли только обсуждать, но принимать решений Политбюро не могло. Горбачёв всё это делал сознательно. В июле 1990 г. прошёл XXVIII съезд КПСС, и до сентября Политбюро не собиралось. И только когда мы, несколько человек (Первый секретарь ЦК Компартии Молдавии Лучинский, Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Муталибов) решили пойти к Горбачёву и спросить: что происходит – Политбюро не собирается, что делается в стране, мы не представляем, – только после этого Горбачёв собрал Политбюро.

Почти одновременно с XXVIII съездом проходил съезд народных депутатов России. И там была принята Декларация о независимости Российской Федерации. Это был первый шаг к развалу страны, потому что теперь законы Российской Федерации считались выше законов Советского Союза. Мы это

понимали – я имею в виду руководителей республиканских организаций, – и просили Горбачёва, чтобы кто-то пошёл и выступил на съезде народных депутатов России. Горбачёв обещал, что такое выступление обязательно будет, чтобы предотвратить принятие Декларации о независимости России. Но никто туда не пошёл и перед депутатами не выступил. А можно было и не допустить принятие такой Декларации. Тогда у многих началась эйфория по поводу, что Россия теперь такая же, как и все, что теперь есть своё правительство и всё прочее. Это было очень глупо. И Горбачёв, как руководитель государства, это не остановил.

– Юрий Анатольевич, Вы говорите, что Горбачёв общался с Яковлевым, а Яковлев был завербован. Значит ли это, что Яковлев завербовал Горбачёва? И вообще, вербовал ли его кто-нибудь?

– Не могу сказать, что Горбачёва кто-то напрямую завербовал. Да ведь это необязательно. Можно действовать убеждением. Например, убеждать того же не очень умного Горбачёва, что какие-то решения пойдут на пользу стране, на пользу его авторитету. Я думаю, именно так и было.

– Решающим было влияние на Горбачёва именно Яковлева?

– Когда Горбачёв уезжал в 1990 г. в отпуск, он меня вызвал к себе и сказал: «Тут Яковлев собирается беседовать с Поповым (тогдашним мэром Москвы), прими и ты участие в этом разговоре». Яковлев позвонил мне и попросил, чтобы я пришёл раньше Попова. Мы встретились, и Яковлев очень аккуратно в течение получаса убеждал меня, что капиталистическая система хозяйствования значительно лучше социалистической. Приводил он какие-то очень примитивные примеры, вроде ремонта дороги возле посольства или ещё что-то. И вот полчаса убеждал меня. Потом приехал Попов, который недавно вернулся из Франции, где знакомился с системой управления Парижем. Из разговора тогда стало понятно, что Попов об управлении Москвой понятия не имеет. Он сравнивал с Парижем и не понимал, что те методы хозяйствования здесь просто неприменимы по многим причинам. Мэрия Парижа занимала организации для решения каких-то задач, а в Москве подобные организации подчинялись Мосгорисполкому и финансировались им же. В общем, даже Яковлев понял, что Попов не очень хорошо разбирается в этих делах. Но мы тогда не пришли ни к каким решениям. Когда же Горбачёв вернулся из отпуска, я отправился к нему рассказать об этой встрече и сказал: «Михал Сергеевич, мне кажется, Попов значительно ближе Яковлеву, чем я – и по взглядам, и по духу». На что Горбачёв (а он всегда подыгрывал) ответил: «Знаешь, я думаю, у Яковлева такие мысли есть, которые он даже высказать боится». То есть он совершенно чётко представлял ту линию, которую проводил Александр Николаевич. И в значительной степени именно он направлял Горбачёва. По существу, Яковлев вёл двойную игру. С одной стороны, он выступал как работник Центрального Комитета партии. А с другой – всячески старался (он в отделе пропаганды был) строить работу органов пропаганды так, чтобы нанести максимальный ущерб мироощущению, мировосприятию советских людей, молодёжи, в первую очередь.

Знаете, Светлана, мне Дроздов Юрий Иванович – бывший начальник нелегальной разведки – сказал, что в списке лиц влияния на Горбачёва стояли Яковлев, Шеварднадзе и Примаков. Примаков был советский человек, это абсолютно точно. Но он считал, что нужно что-то менять, надо перестраиваться.

И его влияние на Горбачёва тоже было значительным. Так что неправильно было бы говорить, что влиял на Горбачёва один Яковлев. А самое главное, что Горбачёв попал под влияние Тэтчер. В книге генерал-лейтенанта внешней разведки Д.В. Епишина есть изложение письма Тэтчер Рейгану о том, что с Горбачёвым можно работать. Есть и её характеристика Горбачёва как человека властолюбивого, с очень большим самомнением, легко поддающегося чужому влиянию.

– Юрий Анатольевич, в 80-е годы был такой стишок: «По России мчится тройка: / Мишка! Райка! Перестройка!» Какую роль Раиса Максимовна сыграла? Всегда считалось, что и она оказывала на Горбачёва огромное влияние.

– В июле 1991 г. у меня была беседа с Лукьяновым. Он позвонил в выходной день, я был на работе. Мы встретились, разговаривали. И он тогда сказал, что в течение последнего года Горбачёв никого из ближайшего окружения не слушает. А слушает он только то, что ему рекомендует Раиса Максимовна. Это слова Лукьянова.

– Значит, страной ещё и Раиса Максимовна руководила?

– Да. Что ещё можно сказать. Как политик такого уровня Горбачёв был достаточно малограмотным человеком. Например, он с большим удивлением узнал, что 40% промышленности Австрии является государственной собственностью. Он мне говорил об этом. Я сказал тогда: «Михал Сергеич, так это не секрет. Во Франции есть поговорка: как работает Рено, так живёт Франция. Рено – это государственное предприятие». В большинстве развитых государств, кроме США, от 30 до 40% промышленности принадлежит государству. А Горбачёв такой элементарной вещи даже не знал. И достаточно часто так получалось, что он высказывал удивление по общеизвестным вопросам. В области экономики он был совершенно необразованный человек. Не представлял себе, что такое рынок, каким он бывает. Даже не знал, что рынок был и у нас в сталинское время.

– Те же артели, например?

– Артели, кооперативы... Где-то порядка 30% производства, большая часть товаров народного потребления – до 70% – всё это производили артели и промышленная кооперация. При Хрущёве все артели, все промышленные кооперативы были подчинены исполнительным комитетам регионов и стали просто местной промышленностью. Коллективная собственность была ликвидирована, всё ушло государству.

– В те годы все, кто выезжал за границу, в соцстраны, могли видеть, что там не было советских проблем, не было дефицита, можно было купить всё, что угодно. У нас же постоянно и везде были очереди, которые всех раздражали, и постоянно все чего-то «доставали». Видимо, эта разница и объяснялась отсутствием в СССР небольших предприятий?

– Конечно! Решить, сколько надо выпустить, например, светильников, было Госплану достаточно сложно – спрос всё время менялся. Скажем, по продовольствию можно планировать, потому что ясно, сколько люди потребляют, это идёт из года в год, только наращивать надо. А вот, скажем, сколько ты времени будешь держать один и тот же холодильник, это уже сложно

будет подсчитать. Но в таких деталях Горбачёв не разбирался. На XXVIII съезде выступал академик Абалкин и говорил, что уже отстаём, что надо реконструировать экономическую систему. А Горбачёв на него просто накричал: что вы тут учите, мы не глупее вас и знаем, как надо управлять экономикой. Хотя я считаю, что академик Абалкин был одним из наиболее видных наших деятелей в области экономики.

– А что нужно было менять?

– Во-первых, нужно было решать экономические проблемы. То, что сделали китайцы. Они отпустили на свободу мелкие и средние предприятия. Предприятия, которые выпускают пуговицы, носки и прочее. Нам тоже нужно было начинать с этого. Обязательно. Потому что управлять такой огромной машиной детально Госплан не мог. Второе – у нас был очень тяжёлый экономический контур. Порядка 75% промышленности – это оборонка и тяжёлое машиностроение. Если страна живёт благополучно, должно быть 50х50. А те, кто «под зонтиком» США находился, у них вообще 25% занимала оборонка и тяжёлая промышленность. Остальное – производство товаров народного потребления. Нужно было менять структуру экономики.

– То есть у нас была мобилизационная экономика? Можно сказать, доставшаяся с военных времён?

– Да, это была экономика мобилизационного плана. Сейчас немного по-другому всё происходит. Разрабатывается, скажем, новый тип танка. Сразу его не внедряют во все танковые подразделения. Какое-нибудь подразделение разрабатывает следующее поколение. Одно за другим идёт. А тогда разрабатывали танк – и всё массово заменяем. Наверное, это не совсем правильно. Так что нужно было менять структуру экономики, потому что одной из причин её разрушения был перекоп. После 1970 г. пришли к такому выводу, что нужно добывать нефть и газ, продавать и на эти деньги покупать товары народного потребления.

– Ошибка, сохраняющаяся по сей день?

– Да, эта ошибка сохраняется. Слава Богу, не в таком размере, как раньше. Когда были разработаны директором ЦРУ Кейнси пять пунктов плана по окончательному удушению Советского Союза, туда входил и пункт, связанный с увеличением производства в мире нефти и газа. С тем, чтобы сбросить цены. И цена с 35 долларов за баррель упала до 10-11. А это себестоимость производства нефти и газа в СССР. И денег, чтобы покупать товары народного потребления, не стало. Плюс, мы уже с Вами говорили, сокращение бюджета на 36% за счёт антиалкогольной кампании нанесло огромный ущерб государству.

– Юрий Анатольевич, в книгах Вы пишете об искусственном дефиците. Это было помимо дефицита, связанного с потерей доходов?

– Искусственный дефицит был только в последний год, когда уже накалилась обстановка, и народ не понимал: войны нет, техногенных или природных катаклизмов нет. И товаров народного потребления тоже нет. Чтобы купить кусок колбасы, часовую очередь нужно выстоять. Вот тогда это было. Подтверждает это и Рыжков, хотя в то время он уже не мог действовать, потому что вся власть ушла от Правительства в Советы народных депутатов,

которые возглавлялись людьми типа Попова. Было выступление Попова на межрегиональной депутатской группе, когда он говорил, что нужно сейчас такую политику провести, чтобы народ взбунтовался против существующей власти в связи с дикой нехваткой продовольствия и товаров народного потребления. Реально в июле-августе 1991 г. на подъездных путях к Москве стояли рефрижераторы с мясом, с маслом и другим продовольствием. Они просто не выгружались, их специально держали. И как раз в то время были абсолютно пустые прилавки.

– *А можно ли как-то односложно определить, почему распался Советский Союз? Или это комплекс причин, который нельзя развязать?*

– Могу сказать, кто виновен в развале Советского Союза. Первое – это элита. Советская элита всех уровней – государственная, партийная, научно-техническая, творческая... Потому что было и непонимание, и откровенное предательство. Началось с того, что руководство не могло ответить на те вызовы, что предъявляло время, не могло решить проблемы. А потом всё больше элита стала склоняться к тому, что надо менять общественно-политический строй. Причём брали в пример высокопоставленных чиновников, предпринимателей на Западе... Почему бы нам так не жить? То есть абсолютно чётко: элита предала. Это первое. Второе – влияние Запада, который всегда старался разрушить Россию. И Российскую империю, и Советский Союз. В чём заключалось это влияние? Надо было подорвать экономику России и так довольно тяжёлую. Во-первых, была запущена легенда о «звёздных войнах», что заставило нас искать способы противостояния Америке. Всё это требовало, конечно, больших вложений. Во-вторых (уже говорили об этом), резкое снижение цен на углеводороды, с тем, чтобы у России не было средств для приобретения товаров.

Второе – были объединены усилия разведки – Моссад, Ми-5, ЦРУ. И всё для того, чтобы создать внутри России пятую колонну. Это они успешно сделали.

Третье – сам советский народ. Считали, что будут работать как при социализме, а жить как в самых развитых капиталистических странах не все живут. Значит, элита – раз, коллективный Запад – два, и сами люди – три. Люди сами пошли на это. Причём некоторые вещи для меня до сих пор непонятны. Приезжал ко мне на приём, попросился для беседы ректор физико-технического института – МФТИ. «Юрий Анатольевич, не могу понять, – говорит он. – Вы можете объяснить? Почему у нас достаточно умные люди, доктора наук, кандидаты наук так поддерживают Ельцина и так стремятся разрушить Советский Союз?» И я не понимаю этого.

У нас тогда было порядка пятидесяти «говорящих голов», все одного плана. Это тоже, кстати, заслуга Александра Николаевича. Людей просто оболванивали.

– *Сергей Георгиевич Кара-Мурза пишет о том же в своих книгах – «Манипуляция сознанием», «Потерянный разум»... Какое-то всеобщее умопомрачение. Умные, образованные люди верили в дичь, в пустяки, в то, что легко опровергалось здравым смыслом. Что это было?*

– Люди даже как-то не могли соотнести. Я встречался с научно-технической интеллигенцией. Говорил им: первыми пострадаете вы. Почему? Да потому что не будут вкладывать деньги в новые разработки. Будут выжимать

из того, что уже есть, что уже сделано. Так и вышло: всю отраслевую науку под корень зарубили, фундаментальную урезали. Там, где раньше работали инженеры, техники, учёные – всё! Ничего нет. Они ушли работать челноками.

– *Неужели пропаганды было достаточно, чтобы всю страну оболванить в такое короткое время? Что здесь сошлось?*

– Не только пропаганда. Активно работала пятая колонна, очень большой урон нанесла. Потом то, о чём мы с Вами уже говорили: отсутствие товаров народного потребления. Я состоял на партийном учёте на электрозаводе имени Куйбышева и не мог ответить, когда меня спрашивали рабочие: почему после работы – достаточно тяжёлой физической работы – нужно ещё стоять в очереди, чтобы что-то купить, что-то «достать». И я не мог объяснить, потому что объяснений этому не было. Я пытался говорить об этом с Горбачёвым, но это было абсолютно бесполезно. Я выступал активно, когда резко подняли цены на детские товары. У нас всегда детские товары продавались по цене ниже себестоимости. А мне отвечали: ничего, весь мир так живёт, детские товары везде дороже. И весь разговор.

– *Юрий Анатольевич, многие уверены, что Советский Союз распался, потому что своё отжил. Как Вы считаете, мог бы Союз и дальше существовать, как-то меняться, отвечать на вызовы времени? Возможно такое?*

– Возможно. Вполне было возможно сохранить Советский Союз, если бы у руководства было такое желание. Но у руководства такого желания не было. Я считал и считаю Горбачёва предателем. Один такой момент: в своё время Дроздов Юрий Иванович мне рассказывал, что Горбачёв, выступая в Стамбуле перед студентами, заявил, что основной целью его жизни было разрушить коммунизм, разрушить коммунистическую партию. Закончил он своё выступление словами, что сейчас всё хорошо, всё нормально, Советский Союз распался, компартии нет, сейчас надо ликвидировать компартию Китая – единственная осталась коммунистическая сила в мире. Недавно эта тема возникла на передаче у Соловьёва. И Соловьёв показал интервью Горбачёва, когда его спрашивают, действительно ли он так выступал? Горбачёв не ответил прямо. Он стал выкручиваться, что-то там говорить. Но не сказал, что такого выступления не было.

А тогда, вскоре после его выступления в Стамбуле, появился текст в словацкой или сербской газете, корреспондент которой был на встрече Горбачёва со студентами и записал эту речь.

– *Сейчас эта цитата есть в интернете на русском языке.*

– Да. Поэтому когда говорят, что у него были хорошие намерения, но что-то не получилось – ничего подобного! Была чёткая линия на разрушение Советского Союза. И что ещё. У меня были очень хорошие отношения с Аркадием Ивановичем Вольским. Так сложилось, он был начальником 3 цеха на ЗИЛе, а я проходил у него практику. С Вольским у меня состоялось несколько бесед. И он рассказывал, как Горбачёв стремился разрушить партию. Это была его основная задача, потом провести перестройку оказалось уже несложно.

В 1990 г. я был у себя на родине – в Узбекистане. И Секретарь Бухарского обкома партии – кстати, единственная, по-моему, Секретарь обкома женщина у нас была в то время – она говорила: «Юрий Анатольевич, ну пускай Михал Сергеевич нам скажет, что надо делать, чего он хочет получить в

результате. Мы же всё сделаем. Зачем всё разрушать, когда мы могли бы всё сделать так, как надо». Кстати, Каримов так и поступил у себя в Узбекистане. У меня был разговор с Каримовым и Муталибовым во время XXVIII съезда партии. И я спросил: «Ребята, вы почему с националистических позиций выступаете?» На что получил ответ: «Ты, что, не видишь, что ли, куда Горбачёв тянет? Хочешь – иди вместе с ним вались. А мы будем проводить самостоятельную политику».

– *Чтобы сохранить свои республики, пришлось прибегнуть к национализму? То есть они уже тогда начали готовиться к выходу из СССР?*

– Именно так. Если говорить о Политбюро, там какие-то высказывания против политики Горбачёва были. Выступали и Секретарь ЦК компартии Украины, и Секретарь ЦК компартии Азербайджана. И Рубикс выступал – это Латвия. Но там совершенно другая была ситуация. Кстати, тогда уже было заметно, что в разных республиках разные ситуации. И разную надо было проводить политику. Где-то и разрешать демонстрации, а где-то и запрещать. Требовался разный подход. Этого не было, потому что стояла другая задача.

В своих статьях по поводу августа 1991 г. я привожу такой пример: в марте 1991 г. Горбачёв уже собирал людей, документы готовились, всё было сделано для введения особого положения. А путч организовали с той же целью, с которой сейчас проходят «цветные революции», когда признают действительными итоги выборов и т.д. Здесь просто сделали попытку якобы государственного переворота. Но это не мог быть государственный переворот, поскольку в ГКЧП входили Председатель Совета министров, Министр обороны, глава КГБ... Ну всё руководство страны было! Поэтому они не могли совершить государственного переворота, свергнуть самих себя. Они намеревались отстранить от власти президента.

– *Вы пишете, что чрезвычайное положение готовились ввести ещё в марте. И что его так или иначе обязательно ввели бы, поскольку ситуация в стране ухудшалась. Вплоть до шахтёрских бунтов, до забастовок...*

– Это весной 91-го, а летом, в августе – самое неподходящее время для введения чрезвычайного положения. Отпуска, дискуссии все затихли, появилось какое-никакое продовольствие, сельхозтовары. Поэтому август – самый неприемлемый для таких действий месяц. Почему всё-таки ввели чрезвычайное положение? Потому что в июле был пленум ЦК партии, и решили в октябре провести внеочередной съезд партии – двадцать девятый. И рассмотреть вопрос о руководстве партии. Поэтому, я считаю, ускорили события, устроили этот фиктивный переворот, чтобы не допустить проведения XXIX съезда, после которого Горбачёв – и это совершенно точно – Генеральным Секретарём не остался бы.

– *Есть мнение, что участники ГКЧП растерялись, не сориентировались...*

– Как можно растеряться, когда армия в руках? Комитет госбезопасности, такие силы были, такие возможности...

– *Значит, итоги путча были известны заранее? А путчисты просто участвовали в инсценировке?*

– Да. Совершенно верно, участвовали в инсценировке. Хотя сами в значительной части не знали, что им уготована такая роль. Пуго, например, всё понимал. Поэтому его и застрелили. Понимал Бакланов Олег Дмитриевич. Всё, по-моему. Тизяков, Стародубцев просто боролись за сохранение советского строя. Язов тоже. О том, каким должен быть итог, знал наверняка только один человек – Крючков.

– *Получается, путч – это своего рода майдан. Первый на территории СССР.*

– Да, своего рода майдан. Позже, когда Горбачёву доложили, что собирается эта тройка в Белоруссии распустить Советский Союз, он мог бы просто всех арестовать. Но не сделал этого. Руководитель КГБ Белоруссии говорил тогда: «Была бы команда, мы бы всех их арестовали». То же самое говорил и Толстой – начальник управления госбезопасности Крыма: была бы команда не пустить Руцкого и его товарищей к Горбачёву, они бы не доехали до Фороса, улетели бы в ущелье. Но никто такой команды не давал. А кто должен был дать такую команду? Крючков.

– *Горбачёва принято называть «форосским пленником», которого путчисты якобы изолировали. Он был лишён связи, лишён возможности как-то повлиять на ситуацию, даже записал какое-то видео-обращение к народу... Это тоже неправда?*

– Где-то в десяти минутах ходьбы от дома – гаражи. Там стояли машины, в которых работали радиостанции, и они могли организовать связь не только с Москвой, но и с любой точкой мира. Такая серьёзная обстановка в стране, а глава государства уезжает в отпуск. Как это может быть?..

– *Нельзя допустить, что это легкомысленный человек?*

– Нет, я не считаю, что он легкомысленный человек. Не очень умный, недостаточно образованный для своего поста – это так. Но он хитрый был. Такой пример приведу. На XXVIII съезде партии я, выступая, сказал о том, что готовится интервенция в Ирак, что Америка собирает под своё крыло другие страны, и мы не должны допустить этой авантюры. Примерно так я выступил. И когда американцы всё-таки напали на Ирак, ночью мне звонит Горбачёв. Никогда такого не было. В два или в три часа ночи. И говорит: «Юрий, мне сейчас звонил Буш, предупредил, что они нападают на Ирак. Я его уговаривал, уговаривал. Но он так и не отказался от атаки». Зачем он мне позвонил? Только одно: он запомнил, что единственный человек, который на съезде выступил против, это Прокофьев. И позвонил ночью, чтобы я потом не смог говорить: вот, мы допустили... Нет! Он против был, он убеждал Буша не нападать, но не убедил.

– *Примитивная хитрость...*

– И менее значительные вещи были. Выступаю на пленуме, критикую Горбачёва. Горбачёв после пленума оставляет рабочих членов ЦК, берёт меня под руку и ведёт на беседу с ними. То есть показать, что мы с ним заодно. И таких примеров очень много. Повторюсь: он хитрый был. Хитрый и подлый. Ему не хватало кругозора. Хотя он оканчивал сельскохозяйственный и юридический, но всё равно кругозора ему не хватало, чтобы занимать такой руководящий пост.

– А как Вы относитесь к съёмкам Михаила Сергеевича в рекламе пиццы или сумок?

– Это просто позор. Опять сошлюсь на Соловьёва. Он показал полностью рекламу пиццы. В чём суть была? Не просто пиццу показали, нет! Восторженные люди восклицают: ах, ах, Горбачёв! Ура, да здравствует Михал Сергеич! Вот это как раз то, что Вы говорите: очень примитивно. Примитивная попытка приподнять себя в глазах народа. Я как-то говорил, что Ельцина не люблю меньше, чем Горбачёва. Потому что Горбачёв делал всё абсолютно сознательно. А у Ельцина было только одно – власть. И всё, больше ничего. Он заиклен был на собственной власти. А всё остальное его не интересовало. Горбачёв же разваливал Союз и ликвидировал партию абсолютно сознательно и абсолютно продуманно.

Больше того, это человек, который разрушил мироустройство – то, что существовало у нас. Человек, который разрушил державу, которая была, скажем так, опытным экземпляром в мироустройстве. Когда пытались создать нового человека, новую систему экономических взаимоотношений. И всё это было разрушено. Аналогов Советскому Союзу нет. И Китай не аналог, и Вьетнам. Может быть, Куба в какой-то степени. Огромный ущерб нанесён и государству, и народу. А сколько людей пострадало! Помню, были случаи, когда академики из-за того, что их отрасли разрушались, кончали жизнь самоубийством. Мы тогда на первое место в мире вышли по числу самоубийств. И всё это – Горбачёв! Это последствия его деяний. То, что сейчас происходит на Украине – это тоже он. Другой пример – Нагорный Карабах. Абсолютно никаких мер не принял, чтобы навести там порядок. Хотя его просили, чтобы ввели президентское управление в Нагорном Карабахе. Тогда и не было бы там столкновений, а так – до сих пор продолжается. Следы его деятельности ещё долгое время будут встречаться. И стране ещё долго предстоит работать, чтобы уменьшить тот ущерб, который он нанёс.

– Преодолеть «горбачёвщину»?

– Совершенно верно. И вот то, что, извините, распускают слюни по поводу Горбачёва – это абсолютно беспочвенно.

– Юрий Анатольевич, Вы сказали об элите, которая предала. И вот именно среди элиты, причём среди творческой элиты, было очень много скорбящих. Например, Маша Арбатова интересное суждение высказала. Она считает, что Союз не мог существовать, поскольку руководство республик отказалось входить в СССР; что Союз развалили путчисты, потому что сорвали подписание союзного договора; что Горбачёв вывел страну из тьмы, а тёмные люди, попав на свет, оказались неблагодарными. Естественно, она не одинока в подобном восприятии Горбачёва.

– Понимаете, Светлана, есть люди, которым есть за что хвалить Горбачёва. Например, миллионеры или миллиардеры, которых мы знаем и не знаем. Конечно, они будут хвалить Горбачёва – если бы не он, они бы не стали теми, кем стали. Вот техническая интеллигенция лучше поняла, что произошло. А творческая... Ну что говорить? Достаточно посмотреть, что из себя представляет творческая интеллигенция, какое творчество они несут в народ. Что от них ждать? Никогда я не соглашусь, что у Горбачёва были добрые намерения. Таковых не было.

– А как Вы думаете, чего он хотел-то в итоге? Неужели мечтал сумки рекламировать?

– Здесь у меня тоже есть непонимание. Если иметь в виду, что он тщеславный человек, так он добился всего. Расскажу такой случай. Годовщина «Независимой Газеты». Просит слова сатирик Александр Иванов. И, обращаясь в зал, говорит: «Я сейчас в перерыве беседовал с Михал Сергеичем Горбачёвым, бывшим генсеком, бывшим президентом. Вот он здесь сидит, он так со мной вежливо говорил, без всякого гонора...» И поворачивается к Горбачёву: «Михал Сергеич, можно я Вам задам вопрос?» Горбачёва похвалили, он соглашается: «Конечно, конечно...» Иванов спрашивает: «Вы были Генеральным Секретарём крупнейшей и сильнейшей партии в мире. Партии нет. Вы были руководителем великой державы. Её тоже нет. Это – как? Случайно у Вас получилось или нарочно? Я не понимаю». Горбачёв ему отвечает: «И хорошо, что не понимаете». Это не анекдот. Это то, что в действительности было. Поэтому чего он в конце концов добился – это совершенно непонятно. Но когда он был генсеком, президентом, Раиса Максимовна считала, что это для него недостаточно.

– «Не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою»?

– Речь шла о том, чтобы он стал генсеком ООН. То есть руководил бы в мировом масштабе. Можно только один вывод сделать, учитывая, что карьера тут роли не играла. Или играла, как возможность решать какие-то вопросы. Думаю, он был убеждённый противник советского строя и коммунистической партии. И он эти вопросы решил.

– Что можно сказать об исторической роли Горбачёва? И какое место в истории он займёт?

– Конечно, он займёт своё место в истории, и не последнее. Потому что он разрушил не только Советский Союз, но и существовавшую мировую систему. Была двухцентричная мировая система. Благодаря Горбачёву, Америка вышла на первое место в мире и стала гегемоном. Но благодаря ему же, в какую нищету в 90-е годы упал весь бывший советский народ! Но ущерб был нанесён не только советскому народу. Объединение Восточной и Западной Германии. А кто у восточных немцев спрашивал, хотят ли они объединиться с западными? Был там референдум? Нет. Принял Горбачёв решение – и всё. Другой пример. Я был в Болгарии в 2010 г. Мне говорили: «Мы любим русский народ, помним Советский Союз. Но вы же нанесли нам колоссальный ущерб, когда не стало Союза!» Был Совет экономической взаимопомощи. И болгары производили определённого типа технику, выращивали овощи. Вдруг всё это рухнуло. То есть мы в значительной мере подорвали экономику государств бывшего Совета Экономической взаимопомощи.

Или просто предательство по отношению к Хонеккеру, которого выдали – тяжело больного человека. Предательство по отношению к Наджибулле в Афганистане. А ведь он после вывода наших войск ещё три года удерживался у власти. Если бы мы продолжали помогать ему, возможно, такого конца не было бы в Афганистане. Так что Горбачёв по всему выходит предатель. Както в начале 90-х я смотрел передачу из Ленинграда. Передачу вели англичане или американцы. Беседовали с одним из руководителей Ленинградского района, он – бывший сотрудник КГБ. И уж как он перед ними расшаркивался, как унижался!.. В заключение, уже без него, корреспонденты один другого

спрашивают: «Как ты думаешь, он вот так – из-за денег или по глупости?» Второй отвечает: «А почему “или” – “или”? Из-за денег и по глупости». Вот если говорить о Горбачёве, это примерно так же: из-за стремления к власти, из-за того, что его так приподняли на Западе, он разрушил и страну, и мировое устройство. У меня есть статья «Ельцин. Смерть». Я писал там, кто и почему переживает из-за смерти Ельцина. Почему переживает Гайдар, почему Чубайс и т.д. Здесь то же самое. Переживают только те, кто получил дивиденды от разрушения Советского Союза. Остальные злорадствуют или плюются.

– Кто-то ещё жалеет, что Михал Сергеич избежал суда.

– Единственное, что меня в какой-то мере успокоило, так это, что не устроили пышных похорон. Побоялись сказать то, что надо было сказать. Но в то же время ничего вообще не сказали. А на похоронах – только переводчик его и Явлинский. Больше никого.

Чего бы мне ещё хотелось – чтобы отменили указ Дмитрия Медведева о награждении Горбачёва орденом Андрея Первозванного. Из тех людей, кто не заслуживает этого ордена, я знаю двоих – это Горбачёв и Назарбаев. Потому что «чистый» орден был. Только действительно заслуженные люди награждались. Не по блату, не по протекции.

– Юрий Анатольевич, Вы упомянули о воссоединении Германии. Но когда сегодня вспоминают об этом, то крушение Берлинской стены преподносится как большое благо, желанное для всех немцев. Есть кадры, как восточные немцы штурмуют якобы ненавистную им стену. Это не соответствует действительности?

– Знаете, в 1984 г. я отдыхал в Восточной Германии в международном лагере. Там были поляки, французы, чехи, мы – русские. И нам устроили поездку на теплоходе по озёрам вокруг Берлина. Всё вылизано! Всё просто прекрасно. И поляки тогда злились: мы их победили, а они живут лучше нас. И это действительно так: Восточная Германия жила лучше любой другой страны Восточного блока.

Из Западной Германии люди ехали в Восточную, чтобы купить продукты, чтобы в ателье что-то пошить или отдать вещи в химчистку. Людей среднего и старшего возраста Восточная Германия всем устраивала. Молодёжь – нет. И рушила стену молодёжь. Молодёжь прельщает то, что ярко, громко. Образ жизни на Западе был привлекательным для молодёжи. Но даже сегодня есть разница в миропонимании между восточными и западными немцами. Это сохраняется.

А в те годы уровень жизни в Восточной Германии был очень высоким. Например, мы заходили в обычные столовые – прекрасное меню, отлично приготовлено, большие порции. Немцы нам говорили, что какой-то советский журналист написал статью о том, что восточные немцы живут прекрасно, в столовых у них большие порции, всё дёшево. А в магазинах действительно всё было и всё дёшево. И Хонеккер вызвал руководителя пресс-службы и сказал, чтобы этот журналист в Германии больше не появлялся. «А порции, – сказал Хонеккер, – мы не уменьшим». То есть нет оснований говорить, что восточные немцы жили хуже, чем западные. А падение Берлинской стены – это тоже вроде майдана. Для этого была проведена большая подготовка. Другой пример. Осенью 1990 г. я был в Монголии. Официальная встреча с Секретарём

Монгольской революционной партии. Сообщает: «Юрий Анатольевич, приедете в Москву, доложите, пожалуйста, Александру Николаевичу Яковлеву – он у нас был, – что мы всё, как он говорит, делаем. Вот у нас и вторая партия появилась». А вечером он у меня на плече плакал: «Юра, зачем мы это делаем? Всё это очень плохо кончится». И примерно так же было в других странах. Всех убеждали, что надо вести себя, как Горбачёв. Против тогда выступал только Чаушеску, и его расстреляли. Остальные все пошли по этому пути. И везде след Александра Николаевича. Естественно, он не один, там целая команда. «Саудис» создавали – это Берёзов, Секретарь ЦК Компартии Литвы. Создавали по указанию из центра. Ивашко – заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС – создавал «Рух» на Украине.

– На Украине ведь особая ситуация. Ветеран СМЕРШа Ю.В. Тараскин вспоминал, что тот же Кравчук свою «трудовую деятельность» начинал в «сотне отважных юношей» ОУН (запрещено в РФ) при отделе особого назначения в качестве разведчика.

– У меня с бандеровцами свои счёты. Отец служил до 1947 г., после войны уже. И в 1946 г. его часть была в Закарпатье, в Черновцах. 46-й год – голод. У нас в семье четверо детей, кормить нечем. Младшая сестра плачет: «Мама, дай хоть одну барабулинку». А дома на всю семью – четыре початка кукурузы. И мама со старшей сестрой ходили на рынок, меняли одежду на еду. Однажды прибежали оттуда взмыленные, без еды и без вещей. Рынок был возле железной дороги. И бандеровцы на переход, на мостик поставили два пулемёта и рынок расстреляли. А там не только русские были, не только члены семей военнослужащих – просто обычные местные жители, торговали-то в основном одни украинцы.

– Как сегодня на оставленных территориях Харьковской области? «За сотрудничество с оккупантами...»

– Оставлять не надо было. Бучи, что ли, мало? Вот теперь ещё и Балаклея с Изюмом. А тогда отец выходил на патрулирование, а мама всю ночь не спала – ждала, когда он вернётся. Но об этом говорили только в анекдотах в советское время. Был такой анекдот: западенец поливает грядку с огурцами машинным маслом. Сын говорит: «Папа, что ты делаешь? Огурцы пропадут». А он отвечает: «Чёрт с ними, с огурцами. Главное, чтобы пулемёт не заржавел». Это в советское время рассказывали. То есть были люди, которые знали, что происходит. И хоть в виде анекдотов распространяли. А потом проспали Украину. Даже за последние восемь лет очень изменились настроения на Украине. Тогда только майданутые были, а сейчас там «воспитали» людей. И среди украинских военнослужащих, которые очень активно и мотивированно ведут борьбу с нами. А ведь там большое количество русских. И всё, о чём мы сейчас говорим – это тоже следствие деяний Михал Сергеича Горбачёва. Поэтому даже относиться к нему с малейшей долей симпатии – просто преступно.

– Выходит, весь мир от него пострадал? От простых людей до руководителей государств...

– И продолжает страдать! И переломить это будет крайне сложно. Только когда мир снова станет многополюсным, многоцентричным, можно будет говорить о том, что последствия его деяний преодолены...

– Юрий Анатольевич, как Вы думаете, возможно ли восстановление Советского Союза? Понятно, что вернуть ничего нельзя. Но восстановить экономику, общественно-политическое устройство, связи...

– Возможно. Но для этого нужна одна вещь. Надо, чтобы экономика России, так же, как и Советского Союза, давала 10-15% валового продукта мира. С тем, чтобы оказывать финансовую поддержку странам, которые раньше входили в состав Советского Союза. Я не беру Прибалтику. А в Среднеазиатских республиках, когда проводилось голосование о сохранении Советского Союза, 75-80% населения голосовало за Союз.

– Но с тех пор прошло много лет, выросло новое поколение, которое, возможно, и не захочет объединяться с Россией...

– Конечно! Как было, быть уже не может. И начинать надо, наверное, с того, что мы сейчас пытаемся делать – единый таможенный союз, единая валюта должна быть обязательно. Пока это даже с Белоруссией не получается.

– Но повсюду ещё и совершенно дикий национализм! Украина, теперь ещё и Казахстан отличается. Русских всюду унижают, вплоть до физического насилия. Какое уж тут объединение?

– В чём наша беда? Наша пропаганда, действия наших властей – и прошлых, и нынешних. Например, мы только сейчас узнаём о действиях бандеровцев, о том, что лагеря подготовки ещё в 40-м году были. О том, что в Белоруссии жгли сёла немцы, а украинские националисты, УПА (запрещено в РФ). Только сейчас об этом узнаём. Точно так же национализм был свойственен Назарбаеву. Хотя он и говорил о необходимости объединения и всё прочее. При нём стал развиваться национализм особенно. Токаев уже столкнулся с тем, что весь национализм вылез наружу. При Назарбаеве появились эти комиссии, которые ходили и проверяли: на каком языке говорят в магазинах и в транспорте. Сейчас всё очень сложно. Прошло тридцать лет. Сейчас тем, кто в руководстве, лет по 40-50. Это уже другое поколение, о Советском Союзе многие только слышали от старших.

– В Казахстане, как и на Украине, сегодня в школах преподают историю по учебникам, в которых нет истории. Вместо фактов – антинаучная чепуха, сказки. К чему это приводит, видно, опять же, по Украине. Что с этим делать?

– Мы об этом много говорим. И всё. Сколько средств было вложено в Среднеазиатские государства, в ту же Украину... Это была чисто сельскохозяйственная республика. И только в советские годы она стала промышленно-развитым краем. То есть восстановить союзное государство можно, но уже на другой основе.

– А к социализму можно вернуться?

– Понимаете, в чём дело? Можно спорить: что в Швеции – капитализм с человеческим лицом или социализм с капиталистическим лицом. Трудно сказать! Ведь в Швеции налог на прибыль до 70% достигает. А у нас был 13% и 15% – на 2% всего подняли налоги для людей, которые, по-моему, больше 5 миллионов имеют дохода. Поэтому трудно сказать. Такого социализма, какой был раньше, уже не будет. Это точно. Потому что всё держалось на идеологии, а идеологии у нас нет. Кроме Православия. До тех пор, пока

собственная идеология не выработается, ничего ожидать не стоит. Мы ничего и никому не можем предложить. Ни в области экономики, потому что у нас у самих средств недостаточно для собственного быстрого развития. Ни в области идей. Но чтобы восстановить или создать союзное государство, мы должны, во-первых, стать примером. А во-вторых, должны что-то предложить. Нам проще во многом, чем Европе, потому что все транспортные пути у нас сохранены, энергетика у нас в значительной мере общая тоже. То есть у нас есть основа для того, чтобы создать объединение, хотя бы на экономической основе для начала. А уже затем, если будет выработана своя идеология... В чём беда сейчас? Ни в одном из своих выступлений Путин не сказал, что у нас капиталистическая система хозяйствования.

– Слово «капитализм» действительно исчезло из обихода. Можно подумать, его боятся вслух произносить.

– Да, этого слова никто не произносит, его нигде не слышно. Хотя у нас реально капиталистическая система хозяйствования. Конечно, смешанная, потому что много и государственных предприятий. Хотя, например, Газпром – это акционерное общество. Большая доля принадлежит государству. Но там немало и зарубежных акционеров. Поэтому в любом случае, пусть даже с оговорками, но у нас – капиталистическая система хозяйствования. И об этом не говорится нашим руководством.

– Почему они не произносят это слово? Неужели боятся?

– Боятся. Путин сам говорил, что капиталистический способ производства – это тупиковый путь. И он же говорил о том, что развал Советского Союза – геополитическая катастрофа.

– Какой-то тупик получается. Куда-то забрели, а что дальше – непонятно. И никто выхода из этого тупика не предлагает.

– Когда происходят разговоры на эту тему, я всегда говорю, что русский народ идеократичен. «За Русь Великую», «За Веру, Царя и Отечество», «За Родину, за Сталина»... А сейчас за что? За миллиардеров наших, которые свои денежки сейчас прохлопали по собственной глупости?.. Нет, пока не будет переосмысления, пока не скажут на официальном уровне, какой вред нанёс Горбачёв, какой вред нанёс Ельцин, что произошло со страной в 90-е годы, движения дальше не будет. Всё равно всё упрётся в непонимание.

– И что нам остаётся? Уповать на спецоперацию? Правда, никто не понимает, что там происходит...

– Ну если эта спецоперация будет проводиться так, как сейчас проводится, быстрых результатов мы не получим. Это абсолютно точно. Пишут, что сейчас там у нас участвуют примерно 130 тысяч человек. А с украинской стороны – примерно 800 тысяч человек. Почти семикратное превышение. Вообще по поводу спецоперации я думаю, что это очень большой просчёт. Потому что считали, что стоит нашим войскам появиться, как все побегут с цветами. Причём не только наши, Кедми говорил, что стоит встать на рейде кораблям Черноморского флота, как Одесса поднимет лапки вверх. Ничего такого нет. Всё значительно сложнее. Когда народ стал выступать, говорить: почему мы не разрушаем пути сообщения, – вот тогда обстреляли подстанции электрические, чтобы на какое-то время недовольство прекратилось. Но это разово.

Потом разрушили ТЭЦ. И опять это разовый случай. Мне это абсолютно непонятно. Или у нас не настолько сильна и подготовлена армия, как об этом говорилось. Или уж я не знаю... Те же самые американские гаубицы. Хорошо, самолёты американские мы не сбиваем, даём им садиться. Но ведь с аэродрома присланное оружие надо доставить к полю боя. А что, у нас нет воздушной разведки – спутниковой, беспилотной? И что, нельзя уничтожить присланное оружие на подходе к линии разграничения? Несколько случаев было. Но опять же, это случаи, а не система. Если разрушения можно восстановить в течение нескольких дней, значит, атаки были безрезультатны, просто напугали.

А ведь другого выхода, кроме как победить, у нас нет. Я себе так представляю дальнейшие события по Украине. Всё, что касается левого берега Днепра, всё войдёт в Россию. Центральная часть с Киевом – это будет какое-то украинское государство. Западную часть раздерут между собой поляки, румыны и венгры.

И всё-таки остаётся очень много вопросов. Они всё больше накапливаются, и это не есть хорошо. Когда появляются сомнения, это опасно. Никаких сомнений быть не должно. Особенно во время войны. Сейчас важно победить.

– Юрий Анатольевич, большое спасибо, что нашли время побеседовать. Ваше мнение, как очевидца и участника событий, сейчас особенно интересно и ценно. Любителей переписывания истории не становится меньше, поэтому важно, чтобы люди могли услышать рассказ о недавнем прошлом из первых уст, узнать правду. Будем надеяться на лучшее.

ПОЭЗИЯ

Антонина БЕЛОВА

Антонина Васильевна Белова – поэт, профессиональный филолог-русист, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России. Стихи Антонины Беловой, написанные в традициях русской поэзии классического образца, посвящены вечным человеческим ценностям – красоте природы и человеческой души, силе любви и дружбы.

Живёт в Москве.

«Я – голос тоскующей скрипки...»

Август яблоком сорвётся,
Сад вздохнёт ему в ответ,
Из небесного колодца
Льётся чистый Божий свет...
Убегают дни, как дети,
Вырвавшись из цепких уз...
Нет таинственной на свете
Смены дней, их тайный груз
Мы несём, не внемля часто
Воле высшей – не земной,
Разбивая жизнь на части,
Обольщаясь новизной.
Вот и сад, земное зная,
Потерял паденьям счёт,
Словно чувствуя: иная
Жизнь за августом грядёт...

Сентябрьские капризы,
Надрывные слова,
Этюды и эскизы,
Где лишь едва-едва
Заметно отречение
Земного от небес,
И как найти значенье
В том, что зарделся лес,

И в том, что над холмами
Тревожен птичий клин,
Над суетными нами,
Что слепы – как один.

Прощай, Валдай, и вы, озёра,
И ситец неба, и цветы,
И даль манящей чистоты,
И глубина родного взора.

Пути, летящие над миром,
Соединить ли нам с тобой
Меж расставаньем и мольбой,
Меж вечностью седой и мигом?!

Поверь, потом вдали однажды
Вдруг сердцу станет горячо –
Коснись ещё, коснись ещё
Души, томящейся от жажды.

Прощай, Валдай, быть может, скоро
Я вновь напьюсь твоей красы,
Небесной чистой бирюзы
И синевы родного взора.

Дни-мотыльки, мельканье их
Неудержимо, скоротечно,
А нам, наивным и беспечным,
Всё кажется, весь мир затих
И не случится ничего,
Но боль святой незримой брани
До глубины сердца изранит,
Освобождая от всего.
Летите, дни, вас не сдержатъ,
И, брань святая, не кончайся,
И ты, душа, в ней обновляйся,
Вбирая Божью благодать.

Знай: ты не одинок,
Хоть тяжкий день глубок,
А ночь черней ужа,
И рана так свежа.

Хоть ночь длинней земли,
И нет огня вдали,
Напиться – ни глотка,
Но вот Его рука...
И вот Его завет:
Любить! Иного нет!

Ты – тяжесть созревшего поля.
Я – стебель зелёный и гибкий.
Ты – камень, свобода и воля.
Я – голос тоскующей скрипки.
Ты – сумрак, сомненье, созвучье
Крутой меланхолии сердца...
Я – тонкий ликующий лучик,
Я – капля в любовном наследстве
Твоём, светлоглазый виновник...
Как кровью осеннего леса
Обрызганный спелый шиповник,
Я – плод ожиданий и стресса.
Лицо, не вмещённое в раму,
В параметр футурума жизни,
В футляр твоей будущей драмы,
Я – ангел печальный на тризне.
Приду, когда будет жестокой
Боль в сердце и рана наружу...
Мне ведомы таинства сроков,
Ты верь – я приду, я не струшу.
Крылом поддержу твою душу.

Благословение

Вот эту руку, правую, десницу
Возьми взамен страданий и обид,
И пусть душа, как утро, обновится,
Как стебелёк, пробившись из-под плит...
И пусть печаль на дне души сгорит.

Не лги себе, ты знаешь жизни цену,
Ты видел смерть, но смерти торжество
Не победит души живой, и тлену
Бог не предаст, как тела естество.
Она томится здесь в тисках его.

Открой же руки, в тихие ладони
Прими Того, кто дал и ночь, и свет...
Душа растёт и в бедах не утонет,
Пока хранит святой Его завет –
И более глубокой тайны нет.

В вечернем небе крылья облаков,
Меж ними звёзд таинственных мерцанье,
Они как смысл небесного сказанья,
Сокрытого надёжностью замков...

Что знает Небо о живущих нас
И мечущихся в суете и брани,
Переходящих все святые грани,
Не слышащих небесный вечный глас?!

Там пишется о каждом свиток дел
Земных – и праведно-благих, и грязных,
И час наступит – в сонме ликов ясных
Услышан будет каждого удел.

Страшись, душа, пока ты на земле,
И помысла, и действия плохого,
И гневного беги слепого слова,
И мира, что века лежит во зле...

И в звуках литургии оживай,
И обновляйся у огня причастья
Сквозь слёзы покаяния и счастья –
На волю Божью в мире уповай!

В степь донскую, в раздолье вольное
Позови меня вновь, душа,
В неоглядное море знойное,
Где чуть слышен шёлк камыша
Вдоль реки, что змеёй ленивою
Ускользает за солнцем вслед,
Где ковыль серебрится гривой
На ветру – ему сотни лет...

Даль распахнута, пыль полынная,
Закудрявился друг-кермек,
И петляет дорожка длинная –
Ты иди, иди, человек.
Перелески акаций шумные,
Листья – кружево в синеве,
Слышу иволги звуки чудные,
Не увидеть её в листве...

И над всем синева глубокая –
Бесконечная, тихий свет,
Тайна близкая и далёкая,
Где найти на неё ответ?!
Затиhaю под взглядом вечности,
Пахнет полднем – настоем трав,
Степь, могучая в бесконечности,
Дремлет, тайну в себя вобрав...

Тайный советник

Штрихи к портрету Каэтана Коссовича

В Полоцком училище монахов-приаров, как и в других подобных учебных заведениях Российской империи, для наказания нерадивых учеников широко применяли порку. Секли розгами за опоздание на урок. Лупили ремнями за всякие ребячьи шалости. И, понятно, драли, как сидоровых коз, теми же «инструментами» за плохую успеваемость. Получил двойку – будь любезен, раздайся и ложись на лавку. Таков порядок.

Частенько приходилось ложиться на подобную экзекуцию и Каэтану Коссовичу, будущему учёному с мировым именем. Несколько неуклюжий, с крупной головой, он учился отлично по всем предметам, кроме математики. Ну, никак не давалась ему сия наука! Сложнее всего мальчику давалась цифра «семь».

– Десять без трёх – хорошо понимаю, а вот как появляется семёрка, я сразу делаюсь дурак дураком, – признавался Каэтан друзьям.

Однажды его выпороли за то, что он имел неосторожность на уроке математики произнести слова, показавшиеся учителю обидными. А процитировал он строчки из стихотворения Антиоха Кантемира: «Землю в четверти без Евклида смыслим, сколько копеек в рубле – без алгебры счислим».

Слова для учителя математики действительно обидные. Поэтому «счислили» умнику по полной, да к тому же ремнём, чтобы надолго запомнил. Экзекуцию Каэтан не забыл до конца своей жизни, а вот с математикой он так и не сладил. По свидетельству друзей, доходило до смешного – Коссович элементарно не мог рассчитаться в торговой лавке за продукты! Высыпал всю имеющуюся в карманах наличность на прилавок и просил продавец отсчитать нужное количество.

...Каэтан Андреевич Коссович родился 2 мая 1814 года в семье священника. Сначала он учился,

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных, ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.

Каэтан Андреевич Коссович

как уже сказано выше, в Полоцком высшем приарском училище, а затем в Витебской гимназии, где проявил себя с наилучшей стороны, особенно в знаниях языков. В гимназии его заметил попечитель Белорусского учебного округа Г.И. Карташевский, свояк писателя С.Т. Аксакова. При встрече с Коссовичем чиновник, к слову, человек добрый, воспитанный и образованный, очень высоко оценил знания юноши.

– Я тут наперед имел беседу с городским раввином, – сказал Карташевский, – он сообщил мне, что вы, белорус, изучили Талмуд на древнееврейском лучше, нежели его знает он сам. Я считаю, что вам никак нельзя зарывать свой талант в землю, а посему буду рекомендовать вас учиться дальше.

Попечитель сдержал слово и направил способного юношу в Императорский Московский университет для продолжения образования. Так в 1832 году он стал студентом именитого учебного заведения, в стенах которого училась в тот период целая фаланга молодых людей, чьи имена вскорости будут на слуху во всей России. К их числу будет принадлежать и бывший монах из Полоцка Каэтан Коссович.

Учёба на словесном отделении Коссовичу давалась легко. Как и прежде, он преуспел в овладении языками. Константин Аксаков, однокурсник, вспоминал:

«На первый курс поступили к нам студенты, присланные, кажется, из Витебской гимназии; все они были очень хорошо подготовлены. Я познакомился со всеми с ними и был с ними в очень хороших отношениях. В числе их был Коссович. Он хорошо знал требуемые в университете языки, но филологическое его призвание ещё не определялось тогда ясно. Он был неловок; его речь, его приёмы были оригинальны; ходил он, как будто запинаясь, говорил скоро, спешил и часто вместо одного слова приводил несколько синонимов. Однажды Геринг заставил его переводить. Коссович подошёл к кафедре и пустился громко и поспешно переводить, стараясь выразить немецкие слова на русском языке несколькими синонимами. Я помню, как, переводя немецкое: Ziehen, Коссович сказал: «идут, тянутся, стремятся». Студенты невольно смеялись, но всем было ясно, что Коссович славно знает язык».

И далее:

«На втором курсе я ещё больше сблизился с кружком Станкевича и, должен признаться, поотдавался-таки от своих друзей-товарищей. Коссович на втором курсе уединился от всех, не занимался университетским учением, не ходил почти на лекции; а когда приходил, то приносил с собою книгу и не отнимал от неё головы всё время, как был в аудитории. На него смотрели с удивлением, говорили: Коссович не занимается; а он между тем глотал один древний язык за другим. Коссович вступил на свою дорогу, филологическое

призвание заговорило в нём, и именно он трудился дельно и быстро себя образовывал. Но, однако, Коссович был оставлен на втором курсе; впоследствии, занявшись университетскими предметами, он без труда вышел кандидатом».

Прибавим ещё несколько штрихов к портрету нашего героя, теперь из воспоминаний его однокурсника Ф.И. Буслаева, впоследствии известного русского языковеда и историка:

«Сосредоточенность Коссовича была изумительна. Книга всегда у него в руках: то сидит он за своим столиком, согнувшись над книгой, а сам покачивается, то вдруг вскочит, но не отнимая глаз от читаемой страницы, ходит взад и вперёд по номеру с своей книгой, то медленно, чуть шагая, то остановится, то вдруг побежит, натываясь на проходящих. Особенно забавно было смотреть на него, когда он, бывало, носился взад и вперёд с каким-нибудь огромным фолиантом, иной раз весом до полупуда. Однажды случился вот какой курьёз. С таким фолиантом он поместился на нашем большом диване, положил его вместо подушки, а сам лёг ничком и читает, ногами подрагивает и весь как бы сотрясается и бормочет: должно быть, этими судорогами он отбивал себе такт, читая стихи. Вместе с ним сотрясался и фолиант и понемножку скатывался с дивана, а Коссович, ухватившись за него обеими руками, продолжал чтение: но фолиант вдруг скатился на пол, а вместе с ним скатился и сам Коссович, безостановочно продолжая своё чтение и растянувшись тоже на полу».

Примечательно, что во время учёбы прилежного студента едва не забрали в солдаты. А произошло следующее. По поручению декана факультета Коссович написал статью о «шляхетской литературе», то есть о польской. Но при её написании малость перестарался – статья получилась большой по объёму. Сокращать текст почему-то доверили не Коссовичу, а племяннику декана, который, по свидетельству современника, по-польски только и знал « пше прошу, пани», да «дзень добры».

В результате его правки отдельные места текста получились как в той известной поговорке: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Чего только одна эта фраза стоит: «Красицкий (*польский поэт XVIII века*. – Н.К.) являет собой прекрасное ожерелье, наброшенное на голую шею всей польской поэзии». Коссович за словом в карман не полез, назвал горе-редактора придурком. Однако придурок оказался злопамятным и мстительным. В один из дней по его доносу за Коссовичем пришли полицейские и арестовали неблагонадёжного студента прямо во время обеда. Обвинение – пел нелегальные песни. Что интересно: он вообще никогда не пел песен. Коссовича посадили в карцер. И только благодаря своевременному вмешательству друзей, заметим, весьма богатых, делу не дали ход, хотя последствия могли быть самыми печальными.

К концу обучения Каэтан встал в философский строй Станкевича. Спустя некоторое время Станкевич спрашивает о нём как о человеке, близком его кружку. «Что Виссарион?.. – интересуется он из Воронежа, – что Красов?.. Ефремов?.. Что Коссович и Бодянский?»

Какие причины привели Коссовича в круг Станкевича? В первую очередь, конечно, его привлекла светлая и возвышенная личность самого Станкевича, с которым он встречался в стенах университета. Общение с ним благотворно действовало на Коссовича. А поскольку кружок Станкевича был не только философский, но и литературный, то Коссовича больше интересовали вопросы литературные.

Со Станкевичем он нашёл общий язык при чтении и обсуждении древнегреческих произведений. Поэма Гомера «Илиада» была в их числе.

Погрузившись в очарованный мир богов и героев, Станкевич и Коссович могли часами с увлечением говорить о трагическом образе Гектора, этом грозном и мужественном защитнике Отечества. И столько же времени обсуждать знаменитую сцену прощания его с Андромахой, где неподражимо просто выражаются самые высокие человеческие чувства.

После отъезда Станкевича за границу, Коссович отошёл от дел кружка. Имея по окончании университета звание кандидата словесных наук, он занялся педагогической и научной деятельностью. Об этом свидетельствует его послужной список:

1839 – 1843 гг. – учитель греческого языка в Тверской гимназии;

1843 – 1849 гг. – учитель греческого языка во 2-й Московской гимназии;

1845 – 1847 гг. – преподаватель Лазаревского института восточных языков (Москва);

1850 – 1853 гг. – редактор учёных работ императорской Публичной библиотеки;

1853 – 1881 гг. – заведующий Отделением восточных книг той же библиотеки;

1858 – 1883 гг. – приват-доцент, экстраординарный профессор, ординарный профессор Санкт-Петербургского университета.

«Это был человек замечательный в своём роде, пламенная душа, обрацавшая все свои восторги на изучаемый предмет, – писал о нём один из его учеников, известный историк и общественный деятель Б.Н. Чичерин. – Выше Илиады и санскритских поэм для него ничего не было в мире... Эти уроки были для меня наслаждением».

В числе учеников Коссовича также были известный русский поэт Аполлон Майков, языковед Ф.И. Буслаев, известный славянофил А.С. Хомяков, основатель русской индологической школы, востоковед И.П. Минаев, академик Российской академии наук С.Ф. Ольденбург и многие другие.

Коссович владел редчайшим санскритским языком, который на планете знали тогда лишь единицы. Санскрит, как известно, относится к мёртвым, отжившим языкам. Именно на санскрите написаны величайшие образцы арийской цивилизации, священные Махабхарата, с её беспримерной Бхагавадгитой, Веда, Упанишады и законы Ману. Санскрит также является прародителем всех славянских языков.

Но и это ещё не всё. Коссович в совершенстве знал и владел древнеиранским и древнеперсидским языками, еврейским, греческим и латинским, а из новейших – немецким, французским, итальянским, английским, новогреческим и арабским, польским и чешским...

Перед его гением снимали шляпы виднейшие филологи и переводчики того времени. Он являлся членом французского «Азиатского общества» и британского Королевского Азиатского общества. Также Коссович получил чин тайного советника, что по Табели о рангах соответствует генеральскому званию, и был удостоен орденов Владимира 3-й степени, Анны 1-й степени, Станислава 1-й и 2-й степени, знаком отличия беспорочной службы. Ему была вручена престижная в то время Демидовская премия. А благодарные персы наградили его орденом Льва и Солнца 1-й степени.

Ещё один примечательный штрих к сказанному. За создание «Еврейской грамматики» и многочисленные переводы ценных текстов с древнееврейского языка Еврейская община Петербурга ещё при жизни Коссовича клятвенно обещала поставить ему памятник. Но, как сказано в Библии, «блажен, кто

ожидает...». Памятника доктору сравнительного языкознания, академику, равному которому не было в учёных кругах всего мира, евреи так и не поставили. И после смерти тоже.

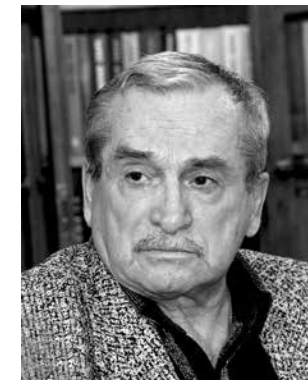
Каэтан Андреевич Коссович умер в январе 1883 года, похоронили его на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга. После себя он оставил потомкам «Санскрито-русский словарь», «Греко-русский словарь», «Еврейскую грамматику»... Эти издания востребованы и поныне.

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

*Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.
Живёт в Москве.*

«Я не хочу сжигать мосты...»

Закат

Наверное, совсем не в том беда,
Что с возрастом становимся седыми,
А в том, что забываем про года,
Желая оставаться молодыми.

И неуклюже пробуя «тусить»,
Не понимаем, что тусовка – каста,
Где без труда сумеют раскусить
Наивное нехитрое лукавство.

Стараемся апломб изображать
С брутальной безразличностью для вида,
И маемся, пытаясь удержать
Коварно уходящее либидо.

Я не хочу терять лица,
Казаться ветреным и пошлым,
А ты всё любишь тень юнца,
Пытаюсь жить далёким прошлым.

Хоть отчуждённо смотришь ты,
И продолжаешь сомневаться,
Я не хочу сжигать мосты,
Смотри, – они уже дымятся.

Не надо нам особых благ,
Пускай, хотя б минуют беды.
Раскинь по ветру белый флаг,
Как верный знак твоей победы.

Замолвите словечко о поэте!
Здесь виноват не я, а «с'est la vie!»¹:
Мы все живём, пока на белом свете
Нутро нам греет топливо любви.

Пускай за это мне гореть в огне,
И лёд над бездной до предела тонок,
Кому-то она бабушка, а мне –
Сердечно милый маленький котёнок.

Хочу не тлеть, а с песней догорать,
И, отражая муки озарений,
Любуюсь, как ей нравится играть
С клубочками живых стихотворений.

Она на грёзу юности похожа,
И несмотря на средние года,
Как в двадцать пять, желанна и пригожа,
И как тогда жива и молода.

И всё бы ладно, но её пугает
Ответственность серьёзных отношений:
Она любовь и дружбу предлагает,
Свободные от плотских искушений.

Она поёт и радостно хохочет,
Знакома и с печальной слезой,
Но что поделывать, если дама хочет
До гроба оставаться стрекозой!

«Диалектика»

Когда рассудительный август
Сменяет июльский накал,
Когда ослабляется парус,
И лёгок послушный штурвал,

¹ С'est la vie! – (франц.) Такова жизнь.

Когда проясняется разум,
И трудно, не веря глазам,
Доверится выпреним фразам
И скорым фальшивым слезам,

Приходит, сколь волей природы
Позывы страстей ни лови, –
Шальная шаланда свободы
К причалу последней любви.

Не вся ещё песня допета,
И ждёт продолженья роман,
Но кончилось жаркое лето,
Всё ближе осенний туман.

Забудем счастливое детство,
И прошлому скажем: прости!
Мы, даже не двигаясь с места,
Всегда в бесконечном пути.

Печаль и обиды отбросим,
Былое помянем добром,
И нежная, светлая осень
Взмахнёт журавлиным крылом.

*Спасибо женщинам, прекрасным и неверным,
За то, что это было всё мгновенным,
За то, что в лживости так царственно горды,
Даруют нам блаженные страданья
И одиночества прекрасные плоды.*

Евгений Евтушенко

Не будем измерять, кому больней,
Кому стыдней, и просто некомфортно.
Не так уж много нам осталось дней,
Чтоб тратить их впустую беззаботно.

Пускай, ты не нашла во мне супруга,
А я всерьёз доверился молве –
Не будем недостатками друг друга
Былую нежность бить по голове.

И стоит ли к порогу жизни тонкой
Шагать в потёмках без былых огней?
Останемся друг другу песней звонкой, –
Не будем измерять, кому больней...

Под слёзные ливни пустых сожалений,
Как в дальний поход корабли,
Уходят зазнобы былых вожделений
От бранных причалов земли.

И нам оставляют последнюю жатву
Печальной судьбы роковой,
С отныне реально исполненной клятвой
Любить до доски гробовой.

А радостный демон, – куда тут деваться –
В дурмане тоски надо мной
Ликует, что мне тяжело расставаться
С любовью, бесстыдно земной.

Памяти Льва Котюкова

Хранимый Богом триединым
Как витязь тонкого пера,
Он был бесстрашным паладином,
Суровым рыцарем добра.

Когда властитель грозно рычал –
От страха жмурился народ,
Но если ласково мурлыкал,
По всей округе таял лёд.

Мы все, школяр или учитель,
Должны, корысть преодолев,
Как завещал наш предводитель
И верный друг – премудрый Лев:

Как нас враждебная округа
Бесстыдной ложью ни трави,
Быть кредиторами друг друга
И отдавать долги любви.

Памяти Владимира Бояринова

Был он в меру ёра и задира,
Гордо нёс высокий Божий дар...
Потерять на марше командира –
Для отряда горестный удар.

Мы теперь – как дети на «продлёнке»,
Рекруты лирических дружин.
Винтики прогресса, шестерёнки
Творчески налаженных машин.

Мы о людях по поступкам судим,
Это в жизни основной резон.
Но бывают «kozyрные» люди,
И один из них, конечно, он.

Он ушёл, и мы не стали краше,
Но в СП по-прежнему «аншлаг»,
И поэты, как всегда, на марше
Остаются, не сбивая шаг.

Русские...

В России стал я душу осязать,
Так среди русских и живу поныне,
И не могу с поклоном не сказать
Об этих людях, ставших мне родными.

Не всё бы в жизни для меня сбылось,
Когда бы не Фома – святой угодник,
И не извечно русское «авось», –
Готовность и на глупость, и на подвиг.

Но, если даже принято в наскок,
Решение не может быть убого,
Поскольку даже малый волосок
Не выпадает против воли Бога.

Мы не всегда другому «смотрим в рот»,
И друг для друга не во всём угодны,
Но русские – единственный народ,
Чьи даже заблужденья – благородны!

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

«Вольготно летом на природе...»

Жара.
А метеопрогнозы,
Как в сводках Совинформбюро,
Без перемен.
Сухие грозы
Сверкают лишь, как серебро.

Жара.
На рыжие газоны
Планирует с берёз листва.
Здесь осень, путая сезоны,
Спешит вступить в свои права.

Жара.
В Москве не до прогулок,
К подошвам липнет тротуар,
Знакомый Банный переулок
Теперь закутан в горький пар.

Жара.
Остынет ли тревога,
Что мне, как и тебе, как всем,
С повязкой марлевой от смога
Не распрощаться насовсем?

Жара.
Оставь, мой друг, столицу,
Жми до канатной карусели
Поляны Красной,
Иль на Рицу
В прохладу горной колыбели.

Ты хочешь в Крым, где хор цикад.
А мне заманчивей орнамент,
Который осень лесу дарит,
Когда он смотрит на закат.

Ты мне твердишь о пляжах Юга,
А у меня сегодня пост,
И снится белый мне погост,
Отглаженный вчерашней вьюгой,

И ночь с восточною серьгой,
В татуировке небосвода
Над храмом нашего прихода...
Нет, не хвали ландшафт другой,

Где не заблудится дубок
В орешнике в селе Дьяковском.
Не там ли проложил подростком
Свою лыжню, пока не взмок?

Поверю ли я в свой талант,
Пока не повторю орнамент,
Который осень роце дарит,
Когда та смотрит на закат?

Поверю ли я в свой азарт,
Пока не обнаружу кода
На дне ночного небосвода
Его холодных перфокарт?

Поверю ли и в свой финал,
Когда у газовой конфорки
Лесных натурщиц Третьяковки
В коробке спичек вдруг узнал?

Любимле

Не выдержу почерка строчки,
Пока про тебя напишу,
Припомнив, как в белой сорочке
Давала ты грудь малышу,
Когда он старательным плачем
Тебя по ночам зазывал,
И мне выпадала удача
Подглядывать ваш ритуал:
Как чмокал губами сыночек,
Уткнувшись в сосуд с молоком,
Где жилка, связав узелочек,
Текла голубым ручейком,
Как месяц стоял у окошка,
И может, от этой беды
В то лето капризничал крошка,
Чей сон караулила ты.

Вольготно летом на природе,
Но лето коротко у нас,
Не зря же принято в народе
Дарить потехе только час.

За час смогу ли обернуться?
Мне скорость сбавили года,
И шанс из леса не вернуться
Маячит чаще, чем всегда.

Дубрава, ели, клён, осина,
Сосна, рябина, тополь, вяз,
А где камыш, там ждёт трясины
В надежде, кто бы в ней увяз.

Лесную украшает сказку
Зелёный пруд, где рыбаки
Обречены глядеть на ряску
За неимением реки.

Покорен тайне водной глади,
Что вновь и вновь влечёт сюда,
Я здесь расчёсываю пряди
Берёз над зеркалом пруда.

Мне удивительно не то,
Когда печальный возраст носим,
Как много золотых цветов
Из листьев разбросала осень.

На удивление, как мы
Свои не замечали годы,
Когда по лужицам весны
Плыл солнечный прогноз погоды.
В заплатках бирюзовых март
Ещё не высохших проталин...

По мне, так радостнее старт,
А финиш – для гурмана тайны.

Лебеди, огари, чайки
В ряби зеркальной пруда,
Кряквы стекаются в стайки...
Мне не доставит труда
Видео сделать картинку
Радости нового дня,
Лишь не порадуясь снимку
Дня, что придёт без меня.

Мне надо тебя запомнить

Каждый раз, когда Серёжа приходил, Таня оцупывала его лицо. Сначала положит руки на лицо, а потом ведёт по нему ладонями, гладит. Он послушно неподвижно сидел, сколько бы она ни «запоминала» его.

– Мне надо тебя запомнить здесь, чтобы там узнать тебя. Понимаешь, Сёжа (она так его ласково называла), я стала тебя забывать. А мне надо помнить, чтобы узнать. Там.

После того, как её выписали из больницы, Серёжа, который поправился раньше, навещал Таню почти каждый день. Они закрывались в комнате. Поначалу Танина мама, подходя к запертой двери, прислушивалась: она надеялась, что Серёжа сможет вывести дочку не из депрессии даже, а из беспросветного горя, куда она провалилась после той трагедии.

Таня и Серёжа, студенты-первокурсники, шли, взявшись за руки, когда прямо перед ними, буквально из-под земли, вырос парень и плеснул в лицо сначала Тане, потом Серёже. И исчез тоже – словно провалился под землю. Собственно, так и оказалось: из-под земли и под землю.

Когда оперативники просматривали записи с видеорекамера, понять не могли, откуда нападавший взялся и куда подевался. Вот на записи видно: парень и девушка идут, в полном смысле слова ничего вокруг не замечают, друг на друга смотрят. Вот из-за деревьев – мужская фигура, движение рук, словно всплывает ими. Сначала девочка хватается за лицо, потом парень, она падает. Он, закрыв лицо руками, мечется на месте. Фигура исчезает за деревьями, откуда и появилась. Но из сквера не выходит. Весь периметр под наблюдением, но ни входящей эту фигуру не видно, ни выходящей. Просмотрели видеосъёмку со всех камер: в течение двух суток до и после нападения никого похожего на нападавшего не зафиксировано. Где он? Откуда он?

Таня кричала, закрывала лицо руками, Серёжа стонал. Он пытался найти Таню во вдруг

Екатерина Фёдоровна Глушик – родилась в Ижевске, окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

накрывшей его темноте и боли, метался во все стороны, а она лежала на земле и кричала. Редкие прохожие шарахались, какой-то пожилой мужчина сообразил – позвонил в милицию и «скорую», приехавшим врачам сказал: похоже, их облили кислотой. А их действительно облили кислотой.

Но кто? Студенты-первокурсники, сдающие вторую сессию в их жизни. Красивые, воспитанные, мальчик и девочка, можно сказать, тихони. Очень они друг другу подходили несвоевременной скромностью. Кто на них так озлобился? О ребятах никто слова плохого не сказал: приветливые, неконфликтные. Она занимается в музыкальной школе, скрипачка. Он – любитель погонять на скейте. Кто их возненавидел? За что? Родители небогаты, никого не эксплуатируют, не увольняют, ничью жизнь не заедают. Так что никто не мог детям мстить из-за их родителей.

Они выжили. Шрамы затянулись. Но оба потеряли зрение.

Когда Таня очнулась в больнице, подумала, что это она проснулась. Но никак не могла глаза открыть. Поднесла руки к глазам...

Ей рассказали, что случилось. Момента, когда в неё плеснули, она тогда, придя в сознание, не помнила. Вспомнила позже: они идут с Серёжей, остановились у витрины дорогого магазина, он говорит, что ей пошло бы вот это платье, она, будущий промышленный дизайнер, его, будущего авиаконструктора, упрекает в буржуазности и отсутствии стиля: слишком дорого-богато, пошлость. Они отходят от витрины, идут через сквер. Идиллия просто. И вдруг – боль. Таня не смотрела вперёд, перед собой, они с Серёжей друг на друга глядели. И она не видела того, кто в неё плеснул.

Они лежали в одной больнице, его выписали раньше, но он не навещал Таню. Только когда она вернулась домой, бабушка привезла его к ней. Потому что она всё время звала Серёжу, когда лежала в беспомощности: мама, папа, Серёжа, Настя.

И когда её привезли домой, она попросила, чтобы он приехал. Он приехал. Тоже ослепший. Поэтому с бабушкой. Не сказали Тане, что и он ослеп.

В первый день он не хотел говорить, что тоже не видит. Глаза у него были. Но не видели. А у неё не было и глаз. Их съела кислота.

Она попросила его сесть ближе и стала щупать его лицо: «Я хочу тебя запомнить».

Тогда Анна Васильевна, мама Тани, разрыдалась сильнее, чем в момент, когда увидела в больничной палате искалеченную дочь.

И каждый раз, когда Серёжа приходил, она «запоминала» его. Таня не говорила, что не хочет жить. Она не хотела и не жила. Ничего об этом не говоря, никого не терзая своими уныниями.

– Я всё расхотела, – сказала она Серёже, когда он по просьбе Анны Васильевны спросил, не хочет ли она чего-нибудь? Может, съесть что-то вкусное, послушать музыку, поехать к морю, как они мечтали с Серёжей – после сдачи экзаменов. Они планировали, что наперегонки будут доплывать до буйков.

Есть она не хотела, её еле удавалось покормить. Слушать тоже не хотела ничего – ни музыку, ни передачи, ни новости. Всё – бессмысленно. А зачем к морю? Куда она поплывёт? Буйков она не увидит. Загорать? Она сидит дома, и ей всё равно, как выглядит её тело, загорело оно или нет. Оздоровиться? Она здорова. А крымское солнце зрение не вернёт.

Она ничего не хотела.

Офтальмолог, когда к нему привезли на приём Таню, бодрым голосом, желая вдохновить девочку, сказал:

– Надо привыкать к новому состоянию и учиться жить в этом положении. В стране разработаны методики социализации слепых, и среди них есть даже учёные.

Он сказал именно слепых, а не слабовидящих. И Таня поняла, что все домашние пересуды о новых методиках лечения, о подключении к мозгу каких-то проводков, стимулирующих зрительные нервы и прочее, это пустые успокоительные разговоры.

И расхотела. Всё расхотела. Нарочито ободряющие слова врача убили в ней волю. И все желания. До посещения офтальмолога она надеялась: вдруг действительно зрение может как-то восстановиться, вон как наука удивляет всякими перспективами. Но врач, желая вдохновить... Благими намерениями выстлал Тане дорогу куда-то не туда, куда хотел.

Она была очень спокойна, ничего не просила, ни на что не откликалась, ни в чём не принимала участия: ни в разговорах, ни в домашней работе, до которой всегда была охоча. Особенно любила мыть посуду. Она сидела или лежала. Молча. Только когда приходил Серёжа, она не то, что оживала, а просто трогала его лицо: «Мне надо тебя запомнить».

Призналась ему:

– Я хочу умереть и не хочу: мне обидно, что, когда меня не будет, ты встретишь кого-то, и вы поженитесь. И на том свете, когда ты тоже туда придёшь, то будешь с ней, а я – одна. Мне будет одиноко и обидно, когда полюбишь другую.

– Я никого не полюблю.

Таня после того, как с ней это произошло, говорила бесстрастно. Эмоциональная, весёлая, с радостью принимающая едва ли не всё происходящее, она стала совершенно бесстрастной. Словно у неё стёрлись все эмоции. И на эти слова Серёжи она спокойным голосом, как многоопытная дама, сказала:

– Все мужчины так говорят.

Сергей улыбнулся. Хорошо, что она не видит его реакцию. Боже! «Хорошо, что она не видит».

– Почему я должен отвечать за всех мужчин? Я, Сергей Бодрых, люблю тебя, Танечка Полева, и больше никого не полюблю.

– Но мне не хочется, чтобы ты был тут один.

– Почему один, а ты?

– А я всё расхотела. И жить расхотела. Не говори ничего. Я же не капризничаю. Я просто не хочу. Я не буду из себя жизнь прогонять. Она сама уйдёт. Потому что я её больше не люблю и не хочу. И она, не любимая мной, уйдёт, – спокойно говорила Таня, словно об уходе подружки, которая завтра вернётся.

– Ты о родителях подумала? Им какво?

– Подумала. У них останется Настя.

Вот поэтому мама больше не могла слушать, как они разговаривают. Она всё надеялась, что Серёжа хоть какие-то эмоции в дочке пробудит. Он – её первая любовь. Они именно жить не могли друг без друга. Утром – созвоны, вечером – созвоны. В перерывах между парами – обязательно встретятся.

Таня занималась бальными танцами, ходила в музыкальную школу, но при этом была застенчива. И одновременно храбра. Сочеталось такое в ней. И вот, поступив в институт, она влюбилась в мальчика из конструкторской группы. А он, оказывается, в неё. И когда познакомились, уже были влюблены друг в друга.

Серёжа, придя в себя после того нападения, как поначалу думали, какого-то сумасшедшего, был в депрессии. Но пошёл на реабилитацию: выполнял все предписания, принимал лекарства, делал упражнения. У него ещё сохранились шансы на возвращение зрения. Хоть какого-то. У Тани их не было. И жизни в ней, в Тане, не было.

На записи с видеокамер можно было рассмотреть того, кто плеснул кислотой, хотя на нём была кепка, очки тёмные. Может, по одежде, фигуре ребята могли узнать, кто на них напал. Но они оба стали незрячими. Родные и знакомые ничего подсказать не могли: кто? почему? какие недоброжелатели у этих детей? что с ними можно было не поделить? за что обозлиться до такой степени?

Анна Васильевна уволилась с работы – она боялась оставлять Таню одну дома. Та могла сама себя обслуживать. Но когда однажды мама ушла на целый день за справками, да и просидела в очередях, то, придя домой, увидела, что Таня ничего не ела и не пила. Сидела в кресле неподвижно, и было непонятно: она спит, думает? Или что?

– Танечка, ты спишь?

– Нет.

– О чём думаешь? – мама и в детстве не была с дочками, со старшей Настей, которая вышла замуж за парня из Архангельска и уехала туда, и Таней, – столь ласкова, как сейчас. Они с мужем так любили своих девочек, что сами боялись этой своей любви: как бы не избаловать. И потому старались сдерживать родительское обожание своих умниц и красавиц.

– Я не думаю. Я просто сижу.

– Да ты ничего не ела целый день!

– Не хочу.

– Доченька, надо кушать.

– Если надо, я поем. Только хлеб. Больше ничего не хочу.

Она перестала есть супы, каши, вообще что-то из блюд. Кусочек хлеба, или кусочек сыра, или кусочек колбасы. Совсем мало. Как птичка.

– Я же не расходую энергию, зачем мне много еды?

И не ела.

Виктор Рязанов, следователь по делу о нападении, изучал профили Тани и Сергея в соцсетях. Таня, победительница студенческого музыкального конкурса, была звездой Инстаграма. Она не висела там круглосуточно, но фотографии выкладывала регулярно, иногда сочетая свои скрипичные импровизации и отметки за экзамен или семинар. Студентка факультета промышленного дизайна, она демонстрировала свои зарисовки или откликалась по принципу лотереи – на кого падёт её случайный выбор, – помогала оформить сайт, сконструировать одежду, создать индивидуальный облик – look. И очень быстро стала едва ли не самым популярным блогером в институте. Хотя и первокурсница. И ничего, собственно, не делала для своей популярности специально.

Сергей, выкладывающий свои трюковые номера на скейте, тоже был популярен. Он вёл блог «Делай, как я». И приглашал желающих на свои мастер-классы. Бесплатно.

Рязанов подумал, что искать надо в этом направлении. Никаких других мотивов у нападавшего не было, кроме зависти или мести. Но мстить ребятам было не за что.

Таня отказывалась общаться со следователем, но её мама рассказала, что никто за дочкой не ухаживал до Серёжи, она девочка домашняя всегда была. Они и с Серёжей – просто дружат как дети, а не взрослые.

Завидовать особо нечему. Семья небогатая, родители высокого положения не занимают: заведующая библиотекой и инженер-конструктор – вообще отживающий вид.

Таня не говорила следователю ничего. А Сергей, когда его спросили, не ревновали ли его девочки, не обидел ли он кого, ответил, что самая крутая инстаграмщица института, второкурсница, послала ему СМС с предложением так называемой дружбы. Очень странно для него, интеллигентного мальчика, это звучало: «Хочеш крутяка? Могу. Ок.». «Хочеш» было написано без мягкого знака.

Он не ответил.

А та в своём инстаграме поместила фотожабу, переслала ему: на скейте едет дистрофик. Он понял, что это она так отреагировала на его игнор.

И всё.

Рязанов зацепился за услышанное – хоть что-то. ИнстаКо – инстаграмная кошечка, студентка 2 курса, учившаяся третий год на факультете специалистов по общественным связям, была помешана на своей внешности. Фиксировала едва ли не каждую минуту пребывания на свете. У неё было прооперировано всё: губы, скулы, грудь... Инстаграм давал ей подписчиков, стало быть, деньги на её причуды. Впрочем, деньги давали не только соцсети. Но сети стали для неё наркотиком: она была из самых популярных инстаграмщиц института, подседала на внимание к своей персоне. Считала себя какой-то там царицей, она не помнит, ради ночи с которой мужчины были готовы на смерть.

И вот пришла тихоня какая-то и потеснила её. А парень той проигнорировал приглашение к «дружбе». В ногах должен валяться! А он?!

Да это же «Сказка о мёртвой царевне», Рязанов! «Кто на свете всех милее, всех прекрасней и белее?» Каково этой самовлюблённой девице знать, что есть не на свете даже, где-то, а в твоём институте та, кто всё ж тебя милее. И желаннее... Да такие разборки ещё Пушкин предвидел!

Вот – зацепка. За неё и тяни.

Допрашивать эту ИнстаКо нет оснований. Вполне возможно, она наняла кого-то, или какой-нибудь влюблённый дурак ради неё расстарался.

Но всё-таки разрешение отследить звонки ИнстаКо следователь Рязанов получил.

...Даже у телефонисток былых времён не было такого количество входящих-исходящих, как у этой инстадивы. Пара папиков – солидных мужиков звонили чаще других. С положениями мужики. Но они не дураки, на такое безумство ради прихоти взбалмошной любовницы не пойдут. Они же не купятся на какую-нибудь романтическую историю, ради которой надо идти на уголовку из-за безбашенной дивы. Но знать папики что-то могут. Им есть, что терять, так что на откровенность с их стороны можно рассчитывать.

В последнее время часто звонил ещё и первокурсник с факультета машиностроения, Пешнов Михаил, стипендиат аграрного хозяйства. Да на такого, с её точки зрения, лошарика, эта ИнстаКо и не посмотрела бы никогда. Ноль подписчиков у него. Пара каких-то друзей. Необтёсанный, угловатый, но крепенький паренёк, как те деревенские, кто хозяйством занимается. Что у него с дивой общего может быть? А облапошить такого – легче лёгкого.

Рязанов решил выехать на место происшествия ещё раз. Куда мог деваться нападавший? Вот из-под земли – и под землю. Буквально.

И чуть не проморгал люк, который был заложен дёрном так, что его не заметишь, даже если будешь искать. Да и Рязанов почти случайно его обнаружил, потому что наступил, а тот лежал неровно и «повёлся», качнулся под ногой, издав глухой металлический звук.

Коллектор! Рязанов позвонил в службу, прибыла бригада, которая помогла спуститься в эту некогда канализационную трубу, что сейчас наполнялась только при сильном дожде или половодье. Выходов на поверхность из этого подземного лаза было несколько. В том числе и в соседнем сквере – там незаметно можно вынырнуть. Да если ещё и подготовиться! Надень каску, возьми инструмент, выползи. Подумают – работы подземные идут. Внимания тебе – ноль. Сейчас уже никаких свидетелей не найдёшь – времени-то прошло!

Итак, наверняка именно из этого люка выскочил нападавший. Кто он?

Рязанов спросил Сергея, знает ли он студента Пешнова, с машиностроительного?

Нет. Да, тоже первый курс, но факультеты разные, в разных корпусах занимаются. Не пересекаются. Так что Сергей распознать в Пешнове ту фигуру, что напала, не может.

Ему описали, как выглядит на видео нападавший. Нет, никого не напоминает. Да Сергей и не заметил тогда ничего – он смотрел на Таню. А когда она вскрикнула, тем более всё внимание – на неё. Потому и левый глаз не безнадёжен, что Сергей в полоборота был к преступнику, глаз меньше пострадал.

Рязанов решил пообщаться с «папиками», частыми собеседниками ИнстаКо. В последнее время один из них, автодилер, почти сразу отключался, когда Инста ему звонила, или не брал трубку. Что бы это значило?

Бор Боряч, как тот себя назвал, Борис Борисович, молодой ещё относительно, очень в себе уверенный, по виду – вполне нормальный, встретиться согласился, и было понятно, что заинтересован: что там у тебя?

Следователь сказал, что разговаривает как частное лицо, ничего не записывает.

В последнее время вы не особенно хотели контактировать с Зоей, этой ИнстаКо, о характере отношений не спрашиваю, могу догадаться, меня этот вопрос не интересует. Почему контактов избегали?

Борис Борисович говорил своеобразно: он то тянул, то на скороговорку переходил. Рязанов догадался: когда обдумывает – говорит медленно, а вообще стиль разговора у него – скороговорка. Наверное, под следствием всё-таки был. Обдумывает, когда с людьми «при погонах» беседует. Так и оказалось – фарца в тылах. Давно, но привычка осталась, как надо со следом держаться, даже если не под протокол.

– Так и знал, что дура эта вляпается двумя ногами. Говорил ей.

– Я же ни в чём её не обвиняю, почему сразу – вляпается?

– А то, что ко мне пришёл, о ней спрашиваешь – чё ещё надо. Я, знаешь, не мальчик, но не старый, а вообще не понимаю эту мелюзгу. И говорят на каком-то непонятном языке, и в голове – дерьмо вместо мозгов. Не под протокол.

– Да какой у меня протокол?

– Стала разводить, типа: мужчина должен честь своей девочки защищать. Ты готов меня защитить? От кого? Кто нападает? Кому ты вообще нужна, цаца? Ты – и девичья честь? Смешнее смеха. А, мол, надо Фёклу одну проучить, оборзела. Я ей – пошла к чёрту. С такой ведь удовольствия – силикон из губ при поцелуе вытягивать. А то и со всех сторон паршой обрастёшь. Пошла ты. Она овечкой блеет: ты же ничего не знаешь. И слёзы из себя прямо давит.

А они не идут! Представляешь прокол? Я ей, мол, может, тебе врезать, чтобы слёзы-то пошли? Чтобы натурально всё? Веселуха с дурами этими. И чё мне знать-то? Кого-то хочешь моими руками пригнуть? Ах, не моими, чтобы я нянял? Совсем хорошо! Давай ещё объявление дадим, чтобы уж совсем шито-крыто. Только я, ты, да пол-Москвы и области будут знать, что мы тут одну Фёклу давим. Она в жёсть обнаглела: жене позвоню, расскажу о нас. Нет, девочка, не расскажешь. Мою ничем не удивить. Она без меня – мало кто. Так что и знать ничего не хочет, чтобы не было поводов реагировать. Но на борзу надо укорот, правильно? Поставил на её телефон ухо. Записал её трёп, сказал: «расскажу» на «расскажу». Ты – жене. Я – дяде милиционеру, чё ты там в перерывах между придыханиями с этим своим идальго планировала? Она: какой идальго? Никакого идальго не знаю. Зато я знаю. А ещё лоху-побратиму позвоню, что у нас тут образовался колхоз, и ударница труда Зоя может всех нас наградить щедро-расщедро. И всё, лети, голубка, в дальние края, по известному адресу, но не мой, а другой осчастливь... День приезда – день отъезда. Отдаю силикон в хорошие руки.

Рязанов предупредил:

– Всё-таки поосторожней. Она может этому идальго и вас поручить. С неё – с гуся мёд. Его ей не жалко, расходный материал, а он её точно не выдаст. Как организатора.

– Организатора чего?

Рязанов рассказал.

Бор Бoryч встал, походил.

– Знал, что стерва, даже интересно, пока не надоело. Почему-то говорят, что мужикам стервы нравятся. Тебе нравятся?

– Да у меня опыта большого нет. С женой после института поженились, я не ходок, а жена не стерва. Но нет. Мне стерв в делах, на работе хватает. Ещё чтобы дома или на отдыхе – не надо.

– Я их терпеть не могу, стерв. В классе у нас стерва была – на всех одна, и у всех в печёнках сидела. Но вот мужики в яхт-клубе: у меня такая стерва! А сам горд, раздувается аж. Ну и я обзаведусь: с силиконом, с губами, капризами – всё, как в лучших домах. И чего? Приключения на задний карман брюк – и вся радость. Конкретно я не спрашивал, как и кого проучить. Зачем мне подробности? За недоносительство потом потеть? Я, если что, нигде показания давать не буду. Но проучить кого-то просила. И с идальго своим – тоже не сорта яблок обсуждала. Знаешь, легче ей шею сломать без шума и пыли. А если она меня закажет, то давай я её до того. Сам. Никто и не найдёт. Зуб даю – печать ставлю, – Бор Бoryч засмеялся.

У Рязанова уже ниточка-то крепенькая, можно и потянуть.

Эти схемы коллекторов-коммуникаций должны же где-то быть, и они, наверное, доступны не всем, их надо добывать, соответственно, след оставлять: кто и когда запрашивал схемы. Попробуем узнать: не интересовался ли гражданин Михаил П. подземными коммуникациями в данном районе.

Сергея спросил, не угрожала ли ему Зоя, эта ИнстаКо.

Нет, с какой стати? Пришла на его выступление в парк, студентов было много, из разных вузов. Он – звезда. Подошла селфнуть. Он не очень хотел позировать. Ей ведь надо сто поз принять, и так, и так. Ему это неинтересно, даже стрёмно, как гомик извиваешься. Раз щёлкнулись – хватит. Она опять предложила дружбу, он вежливо: у меня комплект. Она: не пожалеешь? Он подумал, что это значит, мол, больше предлагать не буду, так что упустишь

шанс, пожалеешь потом, в этом смысле. А это она угрожала? Да нет! Не могла же она такое учудить. Это надо башку за забором оставить. Не дура же полная. Таня ничего не рассказывает вам, но к ней та подходила, говорила: мне этот мальчик нравится. Ты – в сторонку откатись от него, а то я не люблю тесноты. А Таня-скромница ей: иди, за угол заверни. За углом бояться. А тут тебя не бояться. Она смелая, Таня. Не боялась, например, быть белой вороной, не боялась не быть, как все. Все побежали такие вот наряды покупать, это модно – футболки балахонистые, кроссовки на размер больше. А она не хочет. И не покупает. Или все татуировками искололись. Она и ему сказала: не надо. Сказала просто: не надо. Это некрасиво и пошло. Не боялась отсталой показаться. На это ведь тоже смелость нужна – выделяться, ничего для этого не делая. Бывает, говорят, мол, человек бросает вызов обществу, когда поведением отличается от других. Она никому ничего не бросала. И этим выделялась. Со смехом говорила: Сёжа, ты пользуешься успехом у светских львиц. Да это кошка ободранная, а не львица.

А у Рязанова всё и сложилось. ИнстаКо, ошалевшая от своей звёздности, внимания, избалованная любовниками, взбесилась из-за отказа парня, девушка которого её затмила. Хотела отомстить, уведя парня. Не получилось. Попробовала через папика припугнуть – тот её столкнул просто, щелчком убрал. Она хоть и дура, а поняла: с папиком сама в кювет скатишься. Окрутила увальня, наплела про свою любовь к нему и про страдания из-за оскорблений со стороны кого-то, вот и вся схема.

И ещё до того, как сделал запрос в городской отдел коммунального хозяйства, в чьём ведении были канализационные коммуникации, Рязанов знал: Пешнов делал запрос. Не догадывался, а железно знал.

Да, делал. Вполне официально, сославшись на необходимость этих документов в подготовке курсовой и студенческого проекта по благоустройству города. Конечно, Пешнов следил за ребятами, иначе как бы он знал, что они здесь пойдут?

А они, оказывается, действительно ходили этим маршрутом: им нравилось идти по скверу, и они из института шли всегда так: через сквер к оставке – не ближней к институту, а дальней, чтобы подольше вместе побыть. Так что, если они вышли из института, то не спеша пойдут этим путём. Значит, Пешнов бегом бежит в соседний сквер, пробирается по коммуникациям, выныривает из-под земли в зарослях, где его не видит никто, делает своё дело – и обратно тем же путём.

Или он ждёт у люка, когда Зоя позвонит ему и скажет, что парочка из института вышла. Скорее всего, именно так. Всё-таки время требуется, чтобы добежать до люка и – в подземный тоннель, по нему пробраться, выползти на поверхность...

Рязанов решил пойти к Пешнову в общежитие поздним вечером. Если будет в комнате – хорошо, не будет – тоже хорошо. С соседями поговорить можно.

Пешнова не было. Из двух его соседей по комнате на месте был только один. Тоже первокурсник. Сидел, зубрил. Рязанов разговорил парня на раз. Тот рад был отвлечься от зубрёжки. И оперу, который сказал, что ищет украденный на втором этаже из комнаты девочек прибор ночного видения (обязательно должен быть у Пешнова – по канализационному ходу в темноте не пройдёшь), поведал, что такой нашлапник есть у Пешны, но он не ворванный, Миха его купил, это точно, даже коробку не выбросил: гарантия

ведь есть. Вдруг что-нибудь сломается, можно обменять. Вон лежит, на полке. А сам Пешна где? Да с этой дурой силиконовой, наверное. Как привязали к ней. Зачем он ей нужен? Чего с него взять? Она же ничего без «под себя» не делает. Ладно, не скажу, что про прибор спрашивали, если в интересах следствия это необходимо. Действительно, если кто-то украл и узнает, что ищут – избавится. А чего девкам со второго этажа – там же экономистки живут – этот прибор понадобился? Кого они хотят в темноте выискивать? Чисто мужской аппарат – этот прибор. Дуры. Купили, а даже сохранить не смогли.

Рязанов перефотографировал паспорт прибора, чек: куплен за месяц до нападения. Готовились, однако. Вот это жажда мести!

Вызванный на беседу Пешнов вёл себя умеренно уверенно. Не понял, что его уже сфотографировали. Они же с Зоюшкой так всё отлично придумали! Никто не докопается.

Рязанов неспешно рассказал сюжет: одного увальня окрутила самка-хищница, взяла на понт – он рыцарь, который должен честь своей дамы отстаивать. Думаешь, про кого сторис? Не знаешь? Я подскажу. Вот эта дама, смотри. И смотри, где локация её телефона и телефона некоего Ильи Исидоровича Я., владельца магазинов радиотехники. Ваши с ней локация реже. С Ильёй Исидоровичем ей есть, о чём поговорить намного больше, чем с тобой, намного дольше. Ты всё равно сядешь, как и твоя безупречно прооперированная красавица. Но от твоего поведения будет зависеть, дожждётся тебя любящая бабушка или нет. Мать-то, может, дожждётся, молодая женщина. Отец – под вопросом, но он в другой семье, не исстрадается в ожидании. А вот мама-бабушка...

Рязанов взял Миху Пешнова на понт: ты же за скобы хватался, когда лез в люк и вылезал из люка. И на скобах – генетический след, ведь после тебя туда никто не спускался. Так что вина твоя доказана. Твоё спасение – дать показания на Зою.

Жаль этого дурака – всё на себя взял: мол, сам решил, сам продумал, сам узнал, что Зою оскорбили эти двое, прилюдно высмеивали. А она подавленная ходила, так страдала. Готов сидеть в тюрьме. Она сказала, что будет ждать.

Так она сказала? А чего бы так говорить, если она ничего не знала? Проболтался. Да ведь она и за прибор заплатила, со своей карточки. Прибор-то дорогой, у тебя таких денег нет. Как это она ни при чём?

Парень упёрся.

У него даже адвоката нормального не было. Кто за него заплатит? ИнстаКо? Тогда её вина обнаружится. В этом деле – где-то убыло, где-то прибыло.

Сама она обложила себя защитой. Упирая на оскорблённую добродетель, на то, что любовь девушки была безответной и она просто поделилась с хорошим товарищем глубиной своих страданий, а он понял неправильно её чувства, защита выторговала вполне гуманный приговор: год условно.

А Пешнов за «умышленное причинение вреда здоровью» отправился на 12 лет. Бабушка точно не дождалась – она потеряла сознание в зале суда, когда огласили приговор. Через месяц умерла в больнице.

Тане ничего не рассказывали о следствии, суде. Ей пробовали как-то сказать, что нашли исполнителей, а она проронила: мне не интересно. Сергей отказался ходить на заседания, родители Тани и Серёжи были там только по необходимости: подробности слушать, как готовились, как приобретали кислоту, как выписывали документы-схемы коллектора, как выслеживали...

Невыносимо. Эти двое – дети, жили, радовались, а у них по пятам ходила чёрная пакость.

Когда прозвучал приговор организаторше – год условно, адвокаты заявили, что обжалуют и его. В чём виновата эта девочка, Зоя? Что порождает в молодых людях сильные чувства, благородство, желание отомстить за неё?

Танина мама, услышав приговор, сняла с груди крестик. Если нет справедливости, то зачем всё в этой жизни?

У Сергея вернулось зрение на левый глаз – не на единицу, но вполне. Он даже смог продолжать учёбу.

Заканчивалась четвёртая сессия. Таню пытались навещать одногруппницы, одноклассницы, но она не хотела ни с кем общаться. Только с Серёжей. Хотела его «запомнить», чтобы узнать «там».

– А всё-таки там я тебя в щёчку поцелую. Женщины же обычно живут дольше мужчин. Ты придёшь туда, ко мне, а жена твоя пока здесь будет. И я только в щёчку тебя поцелую, она не узнает.

Сергей засмеялся:

– Такие глупости слышать от отличницы! Ты позоришь факультет промышленного дизайнера!

Но Таня не отвечала на шутки, не подхватывала их. Была очень серьёзна.

– Интересно, если я не вижу здесь, смогу ли я оттуда за тобой наблюдать? Наверное, там другое видение, не глазами, а как бы прозрением. Я и хочу наблюдать, и не хочу. Не хочу видеть, как мама, папа, Настя будут горевать. Хорошо, что это со мной такое, а не с Настей. Я бы не пережила, если бы с ней такое случилось. Она такая хорошая у нас!

– Ты – самая хорошая на свете.

– Все мужчины так говорят.

– Опять ты – все мужчины. Большой знаток мужчин. Я – не все.

– Ты очень изменился за этот год, – сказала она как-то, положив руки на его лицо.

– Не замечаю.

– Изменился. Я же вижу. Я тебя запомнила.

...Мама зашла утром в комнату, позвала:

– Танечка, вставай завтракать.

Та не откликнулась, лёжа лицом к стене.

Анна Васильевна подумала, что Таня спит, позвала снова:

– Танечка, завтракать.

Подошла, нежно прикоснулась к плечу. Оно уже было холодным.

...Вернувшись с работы, Виктор Алексеевич слышал монотонные звуки. Это в комнате дочери. Он постучал, как всегда делал, когда заходил к своим царевнам. Ответа не было. Голос жены. Это она что-то монотонно говорит. Ещё раз постучал. Открыл дверь. Жена сидела на полу, положив голову на край Таниной кровати, и повторяла:

– Танечка, вставай завтракать. Танечка, вставай завтракать...

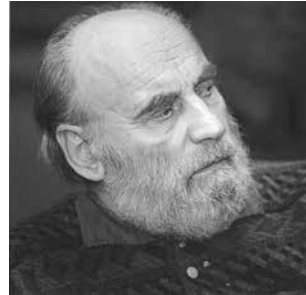
ПОЭЗИЯ

Юрий БОГДАНОВ

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевишней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джунглетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Раннее...

Памяти Н. Рубцова

Это что там за песня печалится в поле:
То ли ветер и дождь,
то ли просто душа?
В каждом звуке её столько северной
боли,
Что увидишь,
как жил он,
любя и греша...

Песня смолкнет,
и гулко над Вологдой древней...
Отсверкало!
И гром над рекою затих.
Но мне чудится:
слушают грустно деревни
Затерявшийся в поле осенний мотив.

Чуть заплачет весна,
как уронит слезинку невеста,
Яблонь цвет,
как фата,
упадёт в молодую траву...

Или ветер больной вдруг подует
из чёрного леса,
И с последним листом
я, как дерево,
тихо умру.

Но когда по весне сок пьянящий
ударит в деревья
И ручьи побегут,
извиваясь, горя
и звеня...

Посмотрите вокруг
и сумеете на миг не поверить,
Что всё просто...
и нет больше с вами меня.

Журавли

Величавая стая плыла.
Птицы в небе безоблачном стыли...
И, оставив неволью дела,
За полётом её мы следили.

Их уже поглотил небосклон,
Ну а люди всё так же стояли...
Лился сверху приглушенный стон,
Полный серой, щемящей печали.

День уходит своим чередом,
Луч багровый сверкнул и растаял...
Как не скоро услышит мой дом
Небеса, осенённые стаей.

Маме

Новую морщинку замечаю –
Думаешь о чём-то в этот час?

Знаешь ты,
что звёзды, умирая,
Ещё долго освещают нас.

Знаешь ты,
что в мире беспокойно,
Оттого боишься за меня...

И в зрачках всё вспыхивают войны
Отблесками вечно огня.

«Мама» –
это слово
бежит в коротких штанишках
по деревенским садам,
взявшись за руки
с другими словами,
бродит по улицам городов.
Всё заполнено им на Земле.
Но вдруг от меня
оно в космос ушло непроглядный,
а комья мёрзлого грунта
по крышке стучат гробовой...

Женечке

Я в любовь, как в небо улетаю,
На ангар навешаны замки.
С высоты не айсберги, а гравий –
Белые на память узелки.

Уплывают дружеские лица,
От напутствий мать не удержать.
На подъёме самолёту птица
Не по злобе может помешать.

Не ищите в тамбурах вагонов:
Я уже не из слепых котят.
Посмотрите, тысячи влюблённых
Старыми маршрутами летят.

Будь везенье или неудача –
Лезу вверх, моторами звеня...
Не пойму:
смеюсь я или плачу –
Не смотри так странно на меня.

Может быть, единственным пилотом
Я вернусь на свой аэродром...
Тесно,
тесно даже вертолётам
В небе, заштрихованном дождём.

Если нет тебя в этом лесу,
Значит, лес пустынен и гол.

Если нет тебя в каплях дождя,
Значит, дождь был сухим.

Если нет тебя рядом со мной,
Значит, нет меня на Земле.

Без тебя я, как яхта без паруса,
Против волн.
Устоять не хватает ярости
Под углом.

В снасти ветры врезаются гнутые –
Сладок страх.
Брызги горькие, как минуты,
На губах.

Шторм уходит валами колючими.
Тишь да гладь...
И попискивает уключиной
Благодать.

Стань тугим и крылатым парусом –
К маякам
Уплыву от спокойной старости
По волнам.

Устоять мне не хватит ярости
Под углом.
Без тебя...
Без тебя я,
как яхта без паруса,
Против волн.

Зачем тебе неясность тёмных слов,
Печаль души и шаткое сомненье,
Когда твои надежда и любовь
На сером небе, словно просветленье?

Зачем тебе?
Любимая, скажи...

Но нет,
постой...

я что-то понимаю:

Что в осень льют треклятые дожди,
А гром,
 как мальчик, бегаёт по маю.

Мы обо всём с тобой поговорим,
Потом одно уронишь тихо слово...
И вся печаль рассеется, как дым,
Над тёплым полем утра грозового.

Всё золото земли
 к твоим ногам несу:
Песков пустынных зной,
 оазисов прохладу,
И жемчуг южных звёзд,
 и ветер золотой,
Осенних листьев медь,
 лежащих вдоль дороги.

Всё золото земли:
 зелёный океан.
Льдов Антарктиды синее мерцанье,
И жёлтый луч –
 несу к твоим ногам,
Пока последний сон
 с твоих ресниц слетает.

Сядешь рядом –
 тепло, удивительно просто
Станет в мыслях моих,
 отвернётся беда!
В океане любви,
 как блуждающий остров,
Подхожу я так редко
 к моим берегам.

... И встречают улыбка,
 и светлые слёзы!
Но внезапно проснёшься от
 трепета птиц...
Будто волны,
 на дом наплывают берёзы –
Отступают...
 и слышу лишь скрип половиц.

Мне загляни в глаза –
Любовь увидишь в них.
Как летняя гроза,
Печаль проходит вмиг.

Светло в душе моей,
Как в чистой горнице.
Весенний ветер, вей
Под крылья горлице.

Что есть –
 то есть.

 Не жди
Плохих вестей...
 Забывать!!!
Желали нам дожди
Под солнцем красным жить.

Триолет

Ведёт забытая дорога
В расшитый присказками край,
В набухший соком светлый май
Ведёт забытая дорога...
Мне руку,
 милая,

 подай

И не суди за глупость строго:
Ведёт забытая дорога
В расшитый присказками край.
Пойдём со мной,
 оставим сказку,
Вернёмся в присказку свою.
Тебе я руку подаю:
Пойдём со мной,
 оставим сказку.

Я счастлив был в твоём краю –
Срываю сказочную маску...
Пойдём со мной,
 оставим сказку,
Вернёмся в присказку свою.

ПОЭЗИЯ

Юлия Андреевна Каунова – поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России с 2001 года. Образование высшее. Журналист. Автор поэтических сборников «Бумажная башня», «Волчьи времена», «Первая четверть», «В стране недосыпания», «На острове Разлюбовь», «Тонкие ночи», «Мозаика ощущений», пьесы в стихах «Замок Коварства и Любви». Автор публицистики «Два чёрных утра» и обширного краеведческого проекта «Россия в миниатюре: Дмитриевка – моя Родина».

Живёт в Кисловодске.

Юлия КАУНОВА

Три дороги

Стану невидимкой
Под небесной чашей.
Стану лёгкой дымкой
Над апрельской пашней.
Стану всем, что гнётся,
Что имеет корни,
Что растёт под солнцем
И живое кормит.
И луною гляну
В души, словно в реку.
Только вот не стану
Снова человеком.

В недрах живой темницы
Властвуют две царицы:
Времени режут знамя
Нервом – Душа и Память.
Режут они вслепую
Знамя, пока гриппую.
Новой мечтою грежу,
Слышу, царицы – режут.
Делят и днём и ночью –
Строчки летят и клочья
Мыслей в пространство жизни.
Лица родных и ближних
Клипком мелькают сложным

В нынешнем дне и прошлом.
Две королевы плоти,
Сплавив под землю кости,
Врозь разлетятся, знаю,
Времени срезав знамя.

Молодость

Твой яркий свет, как поезд из тоннеля,
Ворвался в жизнь и ослепил, и скоро
Исчез во мгле. И словно от безделья
Хандра накрыла, равная позору.
Рассвет живописует разнотравьем,
Да что-то ноги не идут по росам.
Стоит на самом деле хата с краю
Локомотивом, свисшим над откосом.
Твой яркий свет не сузился до чата,
До монитора, до кого-то сбоку.
И тянет ночь к окну, где не богато –
Фонарь, аптека...
Всё, как есть, – по Блоку.

Бездомница

Там дождь идёт, а здесь тепло и сухо,
И свет горит, свернувшись в колесо.
Там ходит неприкаянно старуха
И мокнет, мокнет, своровав мой сон.
В бездомности её я не повинна:
Я шла домой, она ходила там.
На туфли и ведро налипла глина
(Кругом асфальт – ни клумбы, ни куста).
И странный фартук, и опять – «Аптека»
Под иллюзорным светом фонаря.
Я догадалась, из другого века
Пришла она, что, впрочем, как и я.

Скайп

А сегодня на улице ветер,
И, срываясь с деревьев, листва
С дикой страстью, что есть на планете,
Улетает тебя целовать.
Обретись в виртуальном квадрате,
Через скайп посмотри за окно.
Видишь, осень в оранжевом платье
Виноградное хлещет вино.

Интернет не нуждается в гиде –
Уникален невидимый мост:
Мир волшебным становится. Видим
Мы друг друга за тысячу вёрст.

Хранительница кукол

В коморке без замка ни женщин, ни мужчин;
Ни кошек, ни собак; ни блошек, ни клещей.
В каморке без замка лишь пёстрые плащи –
Как мало украла у Бога я вещей!
Захочешь перекрасть – получится едва ль:
Приклеены к плечам холщовые плащи.
К ладошкам без заноз пришиты рукава,
А ножки в башмаках, пойдёшь-ка, поищи.
В каморке без замка хранительницы дух
Живёт в одном лице. И если я страшна –
Не удивляйся, друг, отпугивать беду
От кукольных вещей собою я должна.

Имя

Что для себя имею? – только имя:
Оно – не перемешано с другими,
Они – не перемешаны со мной,
Но *каждое* зову иной страной.
Великих тайн неодолимый гнёт
Без мемуаров с именем умрёт.
Пусть страны обойдутся без меня!
Я слышу, вот пришпорили коня,
Зверёк степной загадочно свистит,
Звон колокольный вылился и стих.
И в час, когда пишу, принять легко
Любой страны неписанный закон.

Сиделка

В одном непридуманном сериале
Играла я странную даму вначале.
Над ней потешались, во всём попрекая,
Но знала она – это роль такая:
Крутиться в палатах вокруг лежащих,
Купать их чаще, болтать о дачах.
Они умирали, она, привыкая,
Твердила себе – это роль такая.
И вот режиссёр, присмотревшись, замер:

Велел он мне, то есть той же даме,
Чертей собачьих, что жгли, понукая,
Послать подальше! ...Ну, роль такая!
И странная дама в конце сериала
Приличную роль хорошо отыграла.

Нет никого, кто мог бы помешать
Высматривать в аквариуме чата
Того, кто умер – не сейчас, когда-то...
Он умер, но жива его душа.
Она умеет плавать и летать,
С моей душой танцует между строчек:
Покрытый мраком, затаился прочерк,
Рассыпалась могильная плита.
Так вот где место встреч – живых и нет!
Нам обещали древние провидцы,
По воле Бога засияют лица.
Однажды всех, родившихся на свет
Не знали – как, не понимали – как,
Но вот же, вместе! – плаваем все ночи.
...И всё равно, что голову морочит,
Удвоив душу, где-то там чудак.

Русалка

Для века двадцать первого – клише:
Русалку в море выявил планшет.
Благодаря особенности глаз,
Она сквозь плазму в сердце затекла.
Помощник капитана изумлён –
В русалку виртуальную влюблён?
Сошёл на берег, выбросил планшет,
Но нет покоя пламенной душе.
...Всплывая временами за бортом,
Утюжа волны молодым хвостом,
Лицо мужчины, ясное как день,
Принцесса моря ищет среди людей.

Три дороги

Неуловимо исчезают звенья,
Уж нет цепей, но ты не выше птиц.
Сдувает осень горстку вдохновенья
В светлицу ненаписанных страниц.
За валуном змеятся три дороги –
Обратный путь отрезал дровосек.

«Иди налево», – писано для многих.
 «Иди направо», – писано для всех.
 Налево – пьяно, сумасбродно, пряно.
 Направо – быт крошечный без лица.
 Предупреждают: «Не ходите прямо:
 Доходят единицы до конца».
 ...Их мало – без цепей. Их время ловит:
 Маячит цель, что сбиться не даёт,
 А ты стоишь, лукаво хмуря брови,
 Как будто знаешь, кто из них *дойдёт*.

Идут года, но тянется незримо
 Моей любви тоскующая нить.
 И если раньше ты умрёшь, любимый,
 Я не смогу тебя похоронить.
 Меня самой спустя часы не станет:
 Не представляю жизни без любви.
 Мне только б знать заранее о грани,
 Но если первой буду я, – живи!

Пусть меня осудят злые люди,
 Пусть вода смертельно холодна!
 Разве не любили эти судьи,
 Добывая золото со дна
 Водоёма – горше не бывает! –
 Водоёма спрятанной души.
 Чтобы ты ни сделал, я – живая!
 Предавать забвенью не спеши.
 Понимаю, нас не будет прежних,
 Но вернись, пожалуйста, ко мне:
 Всё прощу, испытывая нежность
 Сквозь влекущий ветер перемен.

Трудно уснуть, просыпаться лень.
 Сквозь оговор и остуду
 Едва вспоминаю вчерашний день –
 Завтра его забуду.
 Что же ты сделал, скажи, со мной?
 Видишь, что происходит –

К людям вошедшим стою спиной,
 Словно к плохой погоде.
 Вижу себя с изнанки всю,
 Словно в железном чане.
 Не на весах душа – на весу
 Держит моё сознание.

Вне стен родного дома и семьи
 Легко любовь затеять – как войну,
 Но приготовься, дом не устоит.
 Но приготовься, сам пойдёшь ко дну.
 Война иного свойства, но – война!
 И, завершив, придётся отвечать.
 Не лги себе, что знала б ты одна:
 Любовь бы не сумела промолчать.

Пройду по тайным закоулочкам
 Души с заряженным ружьём:
 Какая маленькая дурочка
 Во взрослой женщине живёт.
 Готова расстрелять охотница
 Всю дичь, что ты наговорил.
 Ни есть, ни спать, ни жить не хочется,
 Так, словно заживо зарыл.
 За что? За сердце обнажённое? –
 Иной не вижу я вины.
 Я выживу. Не прокажённая!
 ... Как закоулочки темны.

С верой, что утро меня спасёт,
 Долго по жизни шла.
 Как ни молилась, а к ночи всё
 С треском рвалось по швам.
 Дни посчитала за девять лет –
 Врозь этих дней не счесть.
 Если подобная есть на земле,
 Знай, это я и есть.

Незримо вижу тайный знак судьбы:
Он держит в напряжении сознание.
Склоняются пред ним деревьев лбы
Под шум ветров и мерное рыданье
У корневищ бегущей вдаль реки,
По камням острым сложного Кавказа.
Два берега – две сильные руки –
Пытаются унять поток соблазна.
О, тайный знак, не сделаешь беды:
Седой русалкой я на дне не стану.
Пусть уязвимой выйду из воды,
Но душу не позволю ранить камню.
Я слышу, ты звездою до зари,
Как током опалив шальные мысли,
На берегу опасном говоришь:
«Не торопись! Здесь ни земли, ни жизни».

Нужна ли мне такая тишина,
Где ветер был, но листьев не заметил,
Где задержалась в отпуске луна,
И птица промолчала на рассвете.
Что если я, оглохнув ко всему,
Перекочую в день неисполнений.
И не составив счастья никому,
Умру от равнодушия и лени?
Чем стану за пределом облаков,
В иных мирах смещения и звука
Железных птиц? Белёсым волоском
На кончике развенчанного круга?

«Жизнь» и «животные» – слова однокоренные

С развитием цивилизации мы постепенно преодолеваем потребительское отношение к животным, как к домашним, так и диким. Животные, в прошлом подвергавшиеся жесточайшей эксплуатации, безответные жертвы самых тёмных человеческих инстинктов, становятся объектом заинтересованного внимания, глубокого научного изучения и уважительного отношения. Чем же вызваны такие изменения?

На мой взгляд, основных причин три. Животные восполняют дефицит любви и заботы, так остро переживаемый современным человеком. Передовые методы исследования раскрывают новые особенности животных, полезные для людей. И наконец, животные становятся инструментом самопознания человека, помогают ему двигаться вперёд и вверх.

В результате стремительной урбанизации больше половины населения Земли живёт в городах. В России городское население составляет 74%. Но люди не созданы для проживания в городской квартире! На протяжении тысячелетий человек ежедневно общался с животными в естественной для обоих среде. Вот и тоскует душа по привычному окружению, не хватает ей природной эмоциональной подпитки. Сейчас в российских семьях живет 63,5 млн. собак и кошек. С 2017 года их количество выросло на 23%. Безусловно, свою роль сыграла пандемия коронавируса, когда люди заводили домашних питомцев, чтобы пережить изоляцию. Но дело не только в ней.

Рост городов идёт рука об руку с сокращением рождаемости, ослаблением традиционных семейных связей. По данным ФНИСЦ РАН, только 55% россиян хотели бы иметь детей. Для большинства желающих стать родителями идеальное число детей – двое. А реальный суммарный коэффициент рождаемости (число родившихся детей в расчёте на 1 женщину) в Российской Федерации в 2020 году составил 1,505. Несмотря на весь комплекс

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Горького. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

мер по поддержке семей с детьми и стимулированию рождаемости, говорить о резком её увеличении пока не приходится. И никакие экономические стимулы и пропагандистские усилия уже не в силах преодолеть укоренившееся в умах людей осознанное родительство. Всё больше россиян уже не рассматривают рождение детей как основную цель и неизбежное следствие брачных отношений. Это не хорошо и не плохо, это данность. Люди становятся гораздо более свободными в своих решениях и сами определяют, сколько иметь детей и иметь ли их вообще.

Большинство следует прекрасному принципу «Лучше меньше, да лучше», и правильно делает, потому что многодетность отнюдь не является автоматическим залогом здоровой и крепкой семьи. Даже православная церковь признаёт, что рождение детей не спасает само по себе и не является целью семьи. Подлинная семья определяется, прежде всего, взаимной любовью. Если нет любви, то и рождение детей не поможет сохранить семью. Есть масса примеров, когда молодые пары, следуя призывам как со стороны государства, так и со стороны церкви, и родив одного за другим несколько детей, оказались совершенно не готовыми к ожидавшим их трудностям. Многодетность в современных условиях приравнивается к подвигу, по силе духа и самоограничению подчас более тяжёлому, чем монашеский. А делать ставку на подвиг нельзя. Им можно и нужно восхищаться, безусловно, всячески помогать и поддерживать многодетные семьи, но невозможно строить на подвиге государственную политику. Гораздо эффективнее, в том числе и математически, по закону больших чисел, обеспечить такие условия, при которых среднестатистическая семья сможет родить и вырастить хотя бы двоих здоровых всесторонне развитых детей. Ведь человеческий капитал – это не только количество, но и качество.

Но потребность о ком-то заботиться, делиться своей любовью никуда не исчезает, она ищет выхода. Многие приходят к выводу, что с животными проблем меньше, а эмоциональная отдача больше, любовь искренней и верней. Развивается социальная сфера, ослабевает прессинг общественного мнения, поэтому у людей появляется выбор.

Часто вместо очередного ребёнка семья заводит домашнее животное. Это и дешевле, и ответственности меньше, и нет риска, что подросший питомец наберёт кредитов или будет скандалить из-за наследства. Многие молодые пары предпочитают вначале завести домашнего питомца, а уж потом подумать о детях. Такой подход особенно актуален, если оба супруга – единственные дети у своих родителей и привыкли ощущать себя «китайскими императорами». Уход за котёнком или щенком позволяет выработать совместное ответственное отношение к живому существу, оценить собственную готовность к родительству. Это гораздо честнее, да и цена ошибки несравненно меньше.

Иногда животные в семье скрепляют отношения, давшие трещину. Лично знаю пару семей, где супруги со стажем оставили мысль о разводе, потому что не мыслили жизни без общей собаки. Известно множество случаев, когда доброе дело по отношению к животным помогало создать семью, родить долгожданного ребёнка, основать успешный бизнес. То есть животные в очередной раз подставляют человеку плечо, помогают, с одной стороны, не замкнуться в скорлупе собственного эгоизма, а с другой, не надорваться под непосильной ношей многочадия.

С развитием науки и высоких технологий у человека появляется всё больше возможностей для изучения природы. И становится ясно, что называть

животных «братьями нашими меньшими» – непростительное проявление гордыни. Нам есть чему у них поучиться: строительным приёмам у бобров, термитов и бумажных ос, ориентированию у перелётных птиц и кошек, социальному устройству у пчёл и слонов. Существует целая отрасль знания – бионика, наука о применении в технических устройствах и системах принципов организации, свойств, функций и структур живой природы. Она тесно связана с биологией, физикой, химией, кибернетикой и инженерными науками: электроникой, навигацией, связью, протезированием, морским делом. Примеры использования человеком подсмотренных у животных морфологических особенностей окружают нас повсюду: застёжка-молния сделана на основе строения пера птицы, светоотражательные элементы имитируют глаз кошки, крылья стрекозы – это современный дрон. Другое направление исследований – применение уникальных способностей животных на пользу человеку. В качестве свежего примера можно привести использование гамбийских хомяковых крыс для поиска и обнаружения противопехотных мин. Крысы весьма успешно ищут мины благодаря высокой чувствительности к запаху и собственному небольшому весу (даже если крыса наступит на мину, детонации не произойдёт). На обучение каждой крысы тратится в среднем 7770 долларов (втрое меньше, чем на собаку). Одна крыса может обнюхать территорию размером с теннисный корт за 30 минут, тогда как у обычного сапёра на разминирование такой площади уйдёт до четырёх дней. Программа противоминной деятельности с использованием гамбийских крыс успешно развивается с 2003 года на территории Мозамбика, Анголы и Камбоджи. Только в Мозамбике населению «вернули» 250 га территории. Животные опять спасают человека от него самого.

Возможности бионики безграничны. С одной стороны, чем глубже человек исследует живую природу, тем дальше раздвигаются горизонты познания. С другой стороны, в процессе научных исследований появляются всё новые инструменты и методы изучения. Такая вот лента Мёбиуса. Изучая животных, люди познают себя и своё место в мире.

Необычайно интересно и такое направление, как анималотерапия, лечение человеческих недугов с помощью животных. Целительное воздействие на человека кошек, собак, лошадей, дельфинов, пчёл известно очень давно. Сегодня анималотерапия развивается семимильными шагами. Разработаны определённые методики для целого круга заболеваний, в первую очередь неврологического профиля, таких как аутизм, гиперактивность, синдром Дауна, ДЦП, депрессивные расстройства, перенесённые стресс или травма. Животные проходят предварительный отбор и обучение. Специальная подготовка требуется и для людей – анималотерапевтов. Центры обучения различным видам анималотерапии в нашей стране можно сосчитать по пальцам, а реальная потребность в разы больше. К сожалению, в Российской Федерации анималотерапия до сих пор не регламентирована. В официальном списке услуг её нет. А судя по последним политическим событиям, количество стрессовых ситуаций будет только возрастать, тысячам людей потребуются серьёзная реабилитация, как физическая, так и психическая. Кроме того, обучение основам анималотерапии позволит многим людям получить новую или дополнительную специальность и найти работу.

Мы уже привыкли говорить о культурной деградации Запада. Запрет русской культуры, арест коллекций искусства, осквернение и снос памятников, безусловно, вызывают негодование и недоумение. Однако тут важно

в праведном гневе не выплеснуть с водой и ребёнка. В области охраны животных и культуры взаимодействия животных и человека нам есть чему поучиться у западных стран.

В качестве примера хотелось бы привести законодательство Германии, первом государстве, где права животных прописаны в конституции. В этой стране официально нет бездомных животных. Любой желающий завести собаку должен заплатить налог от 100 до 300 евро в год (в зависимости от места проживания). За собаку бойцовской породы придётся выложить уже 650 евро в год, да ещё и пройти специальный курс обучения с кинологом и получить сертификат. За кошек, рыбок, хомячков налог не платится. Собак и кошек в обязательном порядке чипируют, прививают, метисов (беспородных) стерилизуют. Если животное оказывается на улице, хозяина ищут по чипу. Штраф за оставление собаки без надзора или жестокое обращение просто драконовский: от 25 до 30 тысяч евро! Если владелец не найден, животное передают в приют, а затем ищут нового хозяина. Социальная реклама нацеливает немцев на приобретение животных из приюта, предпочтительнее метисов, чем породистых особей. Каждый желающий взять животное из приюта проходит тщательную проверку, учитываются его жилищные и материальные условия, состав семьи, отношение членов семьи к будущему питомцу. «Усыновление» отнюдь не бесплатно: за собаку надо заплатить от 150 до 300 евро, за кошку от 50 до 150 евро. Это покрывает расходы на содержание животного в приюте, прививки, стерилизацию и изготовление паспорта. При приютах существует отбор животных, которые после специальной подготовки передаются в общества слепых, дома престарелых. Для лечения душевнобольных разработана программа «Животные помогают людям». Для неё специально дрессируют собак, лошадей, дельфинов.

В Германии можно увидеть бомжа или человека с алкогольной или наркотической зависимостью в сопровождении одной или даже нескольких собак. Немцы считают, что ответственность за живое существо помогает опустившемуся человеку преодолеть зависимость, асоциальное поведение. Такие люди стоят на специальном учёте, и по программе реабилитации и лечения могут держать от одной до трёх собак. При этом государство выплачивает им пособие от 2 до 5 евро в день на каждую собаку. Естественно, поведение таких людей и их отношение к собакам постоянно контролируются.

А вот ещё один пример удивительного взаимодействия людей и животных в США. В пяти тюрьмах Флориды успешно применяется программа «Обучение животных и заключённых жизненно важным умениям и навыкам». Из приютов отбирают собак с проблемами поведения и отдают их в тюрьмы, где профессиональный кинолог обучает заключённых азам дрессировки. Через 8–12 недель собак не узнать, практически все они находят новых хозяев после окончания курса. Но ещё большие изменения происходят с преступниками. В ходе программы они учатся терпению, ответственности и умению работать в команде. Общение с собаками помогает им преодолеть свою жестокость и грубость, раскрывает их лучшие стороны. Когда программа заканчивается, многие осуждённые прощаются со своими подопечными со слезами на глазах. Но через несколько дней они получают новых собак для обучения. Помимо психической реабилитации программа даёт заключённым новую специальность и возможность найти работу после освобождения.

Организаторы курса считают, что осуждённые так успешно работают с собаками, потому что собаки их не судят. Один из заключённых написал

руководителям программы следующее письмо: «Я пришёл сюда исполненный ненависти и негодования. Я потерял всех и всё, что у меня было. Несколько раз. Почему, Господи, я здесь? И затем он показал мне эти чудесные создания. Одинокие, попавшие сюда за одно единственное преступление, что родились в мире, который их не хочет, воспринимая как злых и агрессивных. Но вот они показали мне действительно безусловную любовь и возвратили мне моё сердце. Я хочу помочь этим собакам, если Бог позволит».

В 2008 г. в Швейцарии вступил в силу закон о правах животных. Их интересы учитываются в суде при разделе имущества в случае развода владельцев. Домашних животных запрещено конфисковать в счёт уплаты долга. Птиц, хомячков, кроликов и морских свинок здесь покупают обязательно парами, чтобы животные не скучали. В отдельных регионах Швейцарии с 2007 года работают адвокаты животных.

Все эти подходы и решения – своего рода опытная лаборатория, в которой человек нащупывает выходы из экзистенциального тупика. Мы упорно стремимся к самоуничтожению, отбрасываем дар существования, а значит, с треском проваливаем экзамен на человечность. Приходится отступить, остаться на второй год в школе жизни. Ключевое слова «нацификация» по существу означает расчеловечивание. Это серьёзная духовная болезнь, намного опаснее любого физического недуга. В условиях повышенной агрессии, которая захлёстывает целые города, люди осознанно и инстинктивно хватаются за животных как за спасательный круг, надеются победить с их помощью насилие, злобу, преступное равнодушие ко всему живому. Животные сегодня – один из мощных каналов взаимодействия Господа и погибающего человечества. Нам даётся последняя возможность остаться людьми, не озвереть окончательно в мире, где правят жестокость и меркантильный расчёт. Животные нужны современным людям для того, чтобы сохранить в себе искру Божию, не забыть, «какого мы духа» (Лк. 9:55).

Редакция журнала «Великороссъ» поздравляет Анну Дмитриевну Маякову с Юбилеем!

Накормила ли я голодного

У Нины Петровны событие – поэт, член Союза писателей, с которым она познакомилась в авто-сервисе, где ремонтировались их издававшие виды «Жигули», пригласил её на вечер в Центральный Дом Литератора, где она никогда не была. Стоя у зеркала, женщина выбирала наряд. Что же надеть? Серый элегантный костюм, купленный на последнюю зарплату перед уходом на пенсию, или чёрную юбку со свитером?

– Мам, ты что, на свидание собираешься? – спросила дочь, проходя по коридору, где стояло трюмо с помутневшим зеркалом.

– Да, иду на вечер в ЦДЛ, посвящённый Матери Марии.

– А кто это? – повернулась дочь. – Мать Терезу знаю, Мать Марию нет.

– Приеду, расскажу! – улыбнулась своему отражению в зеркале Нина Петровна.

Поэт, мужчина средних лет, седой, но не старый, одетый в костюм без галстука ждал её в знаменитом буфете ЦДЛ, где литературная братия обедала, пила вино, выясняла отношения, спорила, отмечала выход новой книги. Поэт любезно поднялся навстречу, помог снять пальто.

– Присаживайтесь, у нас есть ещё время. Угостить вас чем-нибудь? – спросил он.

– Да, я бы выпила чаю. У меня жажда наслаждений, – озорно взглянула на нового знакомого Нина Петровна.

– Хорошо, – отвечал он ей, рукой указывая на буклет, лежавший на столе, – а вы пока ознакомьтесь.

Женщина развернула буклет, в котором было несколько фотографий улыбающейся монахини Матери Марии (Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой), святой наших дней, и её краткая биография. На первой странице курсивом: «На Страшном Суде меня не спросят, успешно ли я

Анна МАЯКОВА

Анна Дмитриевна Маякова – поэт, прозаик, переводчик, член МГО СП России и Союза писателей-переводчиков. Автор шести книг. Печаталась в литературных журналах и альманахах «Великороссъ», «Притяжение», «Литературная Республика», «Канатоходцы», «Муза». Дипломант литературного конкурса «Лучшая книга» 2013-2014 и 2015-2017 гг. Финалист Международной ассамблеи писателей (Варна). Награждена Серебряным Крестом и медалью Звёздная строфа.

Живёт в Москве.

занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключённого в тюрьме».

Народу в зале не протолкнуться – эффектные, уверенные в себе женщины, бабушки-подружки, наряженные, словно на свадьбу, поэты, писатели. Сели в четвёртом ряду, поближе к сцене, на которой стоял портрет, как бы излучавший свет. Рядом букет белых лилий в высокой керамической вазе. Вечер начался. Нина Петровна, смотревшая когда-то фильм «Мать Мария» режиссёра Сергея Колосова с Людмилой Касаткиной в главной роли, в этот раз узнала много нового о жизни известной поэтессы Серебряного века, познакомившейся с кумиром того времени А. Блоком в пятнадцать лет. Елизавета происходила из дворянского рода, выросла в Ялте, получила хорошее образование, окончив в Санкт-Петербурге Бестужевские женские курсы. Она писала картины маслом, занималась графикой, увлекалась революционными идеями, вступила в партию эсеров.

Такова была её дореволюционная жизнь, вполне счастливая. Свершившаяся революция разрушила её мир. Она бежала от большевиков на юг с остатками Добровольческой армии. Дальше – эмиграция, полунищая жизнь в Париже с двумя детьми и неработающим мужем. С годами пришло решение принять монашеский постриг и взять новое имя – Мать Мария.

За гроши она приобрела старый гараж, своими руками расписала стены религиозными сюжетами, повесила несколько икон, превратив помещение в православную церковь, куда стали приходить многие русские, потерявшие Родину и Веру. С утра она готовила огромную кастрюлю еды и кормила всех желающих – таково было её служение.

После входа немецких войск в Париж в июне 1940 года она стала сотрудничать с борцами Сопротивления, спасая от гестаповцев евреев и бежавших из лагерей советских военнопленных, за что посмертно награждена советским орденом Отечественной войны. Была арестована немцами и в 1945 году незадолго до нашей Великой Победы погибла в газовой камере концлагеря Равенсбрюк, куда пошла добровольно, заменив собой мать троих детей. В 2004 году монахиня Мария была объявлена Константинопольским Патриархатом преподобномученицей, то есть святой.

Когда артисты читали со сцены отрывки из её дневника, а на экране всплывали графические рисунки, сделанные ею углем в концлагере, Нина Петровна не смогла удержаться от слёз – она была потрясена. Сидящий рядом поэт взглянул на неё и взял за руку. Его тепло и близость успокоили её, руки она не отняла. Вечере участвовал известный в Европе тенор Владимир Караваев-Кузьмин, родственник по линии мужа, исполнивший романсы на стихи Матери Марии. Нина Петровна была под большим впечатлением. До метро они с поэтом шли молча, обменявшись всего парой фраз. Лёгкой беседе мешало только что виденное и слышанное о судьбе Караваевой-Кузьминой. Однако молчание не тяготило их – они были единомышленниками.

– Следующий раз приглашу вас на хорошую комедию, чтобы вы посмеялись, – пообещал поэт и поцеловал её руку на прощанье.

Был холодный зимний вечер. Высокая луна тускло светила сквозь набежавшие на неё облака. Засыпанный снегом двор, где прошла вся взрослая жизнь Нины Петровны, был пуст. Она шла вдоль дома быстрым шагом, прижимая сумочку к себе. Мороз щипал щёки. На душе было тяжело. Войдя в подъезд и стоя у лифта, она вдруг заметила, что пролётом выше на лестничной

площадке, подстелив под себя большой лист картона и свернувшись на нём калачиком, спал какой-то мужчина в чёрной куртке – она видела его со спины. Рядом стояла клетчатая сумка, в каких из Турции в перестроечные годы торговцы возили товар. Прибыл лифт. Поспешно войдя, она нажала кнопку седьмого этажа и, когда дверь захлопнулась, с облегчением вздохнула.

В квартире было тихо. Дочь, видимо, уже спала. Чтобы согреться, Нина Петровна приняла горячий душ и выпила чаю с калорийкой, разрезав её пополам и намазав маслом, как делала в студенческие годы. Устало потянувшись, легла в свою большую, рассчитанную на двоих кровать, но сон не шёл. Перед глазами стояла Мать Мария. Всплыли в памяти её слова: «Накормила ли я голодного...» Нина Петровна встала, на цыпочках, стараясь не разбудить дочь, прошла на кухню. Достала из холодильника всё съестное и стала делать бутерброды для спящего на картонке человека.

ПРОЗА

Инна ВАРВАРИЦА

Инна Петровна Варварица – родилась в Свердловске. В 1948 г. семья переехала в Москву. Окончила фармацевтический факультет 1-го Московского Медицинского института им. Сеченова. Более 40 лет работала химиком-аналитиком. Много путешествовала по Европе от Скандинавии до Кипра, побывала в США, Египте, Японии. Автор восьми поэтических сборников, книги стихов и прозы, двух детских книг. Член МГО СПР.

Живёт в Москве.

«Вот и снег!..»

Последний тёплый день

Тепло и тихо. Но грачи
В Москву сегодня полетели.
Так солнца ласковы лучи!
И всё же только две недели
Осталось нам от октября.
Но не сдаётся бабье лето,
Дни благодатные даря
И радость солнечного света.
Пасутся облака-овечки
В безбрежном поле синевы.
Берёзок тоненькие свечки –
В горящем пламени листвы
С лучами солнца заодно
Осенним светом заливают
Земное поле. А оно,
Разнежившись в тепле, не знает,
Что завтра туч дождливых завесь
Нагрянет, скроет луч рассветный.
Грачи, как видно, догадались,
Что благодатный день – последний!

Копошилась осень под окном.
Крадучись вошла в туман рассвета,
Мелким, нудным морося дождём,
Смыла все следы остатков лета.

Под окошком ива, вся в слезах,
С ним прощаясь, голову склонила.
Грустно ей без звонких песен птах
Пасмурный рассвет встречать унылый.

Только так судьбой предрешиено.
Бесполезно осени перечить.
Плачь – не плачь, а с летом всё равно
Долго ждать придётся новой встречи.

Что о неизбежном горевать,
Сгорбившись от ветра и тоскуя?!
Срок придёт, и оживёшь опять.
Не впервой! Держись! Перезимуем!

Как отчаянно бесится ветер!
Ветви треплет и мечет тени.
Что б ни сделал, не будет в ответе
За проделки ветер осенний.

Теребит берёзки за косы,
С рыжих клёнов вихры сдувает,
Словно стаи, по воздуху носит
И проходим под ноги бросает.

А сегодня нагнал настоящую,
Слёзно-сумрачную с утра,
Осень позднюю, морозящую.
Что ж, настала её пора!

В хмари ветреной птичьей стаи
Так тревожно-тоскливо бездомны.
Вот и снег! Снег идёт и тает.
Сыро. Холодно. Грустно. Сонно.

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военно-морское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

«Как луч, спеши на помощь всем...»

Буди надежду добрым словом

С. Л. Л.

Когда в душе сплошная ночь,
Когда вокруг вражда пылает,
И ты не в силах тем помочь,
В ком торжествует злоба злая.
Не огорчайся и крепись,
Не поддавайся озлобленью,
Перед добром душой склонись,
Прочь прогоняя тень сомненья,

Не вечен мрак душевных туч,
И не жилец вражда слепая,
Едва блеснёт прозренья луч,
Её следы с сердец сметая.
Как луч, спеши на помощь всем,
Буди надежду добрым словом,
Чтоб каждый, кто был глух и нем,
Заговорил с улыбкой снова.

Равняйся с тем, кто в трудный час
Спешит на помощь к незнакомцу,
Кто озаряет светом нас,
Подобно ласковому солнцу.

Морская рыбалка

(Таиланд)

Как подарок, сыну в день рожденья
Я рыбалку в море заказал,
Только утром рано, к сожаленью,
Мы с трудом смогли открыть глаза.
Накануне ночь почти не спали,
Да и кто в ту ночь в России спал?
Вновь в футбол с испанцами играли
И, к несчастью, не прошли в финал.

А в порту рыболовецкий катер
Нас давно уже с командой ждал,
Океан, вслед показав характер,
Словно в люльке, как детей, качал.
Удочки с кормы смотрели в воду
И тянули следом поплавки...
С полчаса в прекрасную погоду
Мы лечились ромом от тоски.

Но затем нам не пришлось томиться,
Поплавок проворнее гонца
Сыну дал понять: пора трудиться –
Выудить огромного тунца.
Следом все, меняясь, постарались
Два десятка выловить тунцов,
Но таких, как сыну, не дождались,
Всё равно – всех радовал улов.

Правда, в самый пик азарта лова,
Нас муссон изрядно промочил,
Но в разгаре бешеного клёва
Этим никого не огорчил.
После день рожденья отмечали,
Сына поздравляли от души,
Жареною рыбой пировали,
И на дёснах тающим *суши*.

Уходит, бездарно уходит...

Уходит, бездарно уходит
В безбрежность суровая жизнь;
Хоть время не тратил зря, вроде,
Стараясь Отчизне служить.

И выполнил долю мужчины:
Скучает под яблонькой дом,
В достатке поднялись два сына,
Но сердце болит не о том!

Всё кажется, главное где-то
Ждёт тщетно меня впереди;
Но вряд ли и маршем поэта
К нему я сумею дойти.
Не хватит ни сил, ни везенья
Удачу – «жар-птицу» поймать,
Как сделал Серёжа Есенин,
Сумевший и впрок погулять.

Забудут наш подвиг потомки,
Землёю покроется тлен,
А след паутинкою тонкой,
Загонит забвение в плен!

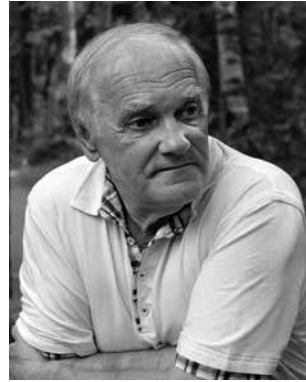

Шутка судьбы

Машина дёрнулась, как раненый зверь, резко вильнула задом и неуправляемо устремилась под уклон. Пронзительный визг тормозов ворвался в шум улицы. Водитель, покрутив рулевым колесом и поняв бесполезность дальнейших действий, истуканом упёрся в руль, всецело положившись на волю судьбы. Дважды развернувшись вокруг своей оси, машина пошла багажником вперёд и с размаху упёрлась в табачный киоск, сдвинув его с насиженного места, осколки стекла разбитой витрины застучали по крыше машины. Водителю и пассажиру несказанно повезло в том, что метрах в пятидесяти впереди для встречного потока был запрещающий сигнал светофора и не случилось в этом месте пешеходного перехода. Иначе – быть бы беде.

Пассажиром в этом попавшем в аварию автомобиле был я, а водителем незнакомый мне человек, который за умеренную плату согласился доставить меня, отчаянно опаздывающего на вокзал, к московскому поезду. Виновником аварии был, скорее всего, я, потому что постоянно подгонял водителя. Тот и сам был не рад, что связался с таким пассажиром, недовольно просил меня помолчать, и вот чем всё это закончилось. Я хоть и был пристёгнут ремнём, всё равно в этой катавасии умудрился поранить переносицу и, когда приложил руку к лицу, увидел окровавленную ладонь. Зажал ранку платком и, распрощавшись с водителем, который, к счастью, не пострадал, почти бегом ринулся к вокзалу. Вокзал был недалеко, но я всё равно опоздал бы на поезд, если бы не счастливый случай. На ближайшем переезде произошла авария, и поезд задержался с отправлением на шесть минут.

В прекрасное летнее время я проводил отпуск в несравненной Одессе у своего друга Романа, хирурга по специальности, который был всегда до невозможности занят и наконец-то решил полноценно отдохнуть от множества дел. Поскольку он не был любителем путешествовать, то решил отдохнуть на даче и пригласил меня погостить у

Юрий Алексеевич Рыченков – поэт, переводчик, член Союза писателей России. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией и другими литературными наградами. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии, литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»). Автор двух поэтических книг и многих поэтических сборников, рецензий и критических статей. Живёт в Москве.

него. В телефонных разговорах мы с ним не раз намеревались провести время вместе, но всё как-то не получалось. На сей раз, подстроившись под него, мне на работе удалось договориться. Быстренько собрался, и вот она – Одесса.

Роман показал мне такие места, где ранее я не бывал, хотя в городе был не один раз. Наконец-то я увидел Деволановский спуск. Эта улица была неблагодарным местом и раньше. Ничего не изменилось и по сей день: здесь царит нетронутая разруха. Больше всего она привлекает внимание туристов, жаждущих экзотики одесских трущоб. Увидел я знаменитый Куяльник, который славится целебными грязями и минеральными источниками. Побродил по Аккерманской крепости. На гондоле совершил «круиз» по Вилково, городу на воде, который называют российской Венецией. Побывал на «Нулевом километре» – пустынном берегу, где вокруг только море и птицы. И, конечно же, вдоволь накупался в скалах. Тот, кто был в Одессе и загорал только на её обустроенных песчаных пляжах, не видел настоящего моря.

Мы прекрасно провели время, но всему приходит конец.

На прощанье решили посидеть в «Гамбринусе» – нашем любимом пивном погребе. Не берусь описывать его внутреннее убранство и оригинальные угощения. Какие бы лестные слова я ни подбирал, настоящую картину этого знаменитого места, нарисованную самим Куприным, мне превзойти вряд ли удастся. Каждый сам должен побывать там. И только окунувшись в его атмосферу, можно ощутить в полной мере всю прелесть старой Одессы. Разговорились с подсевшими к нам моряками, вернувшимися из заграники. За непринуждённой беседой в приятной компании время пролетело незаметно, и только по чистой случайности я не проворонил свой поезд.

Возвращаться в привычную атмосферу не хотелось категорически. Там меня ждали одни неприятности и дома, и на работе. Дома – надоевшие объяснения с Ольгой, с которой мы жили вместе около года, но оформить наши отношения у меня не хватало решимости. Отсюда постоянные размолвки, совершенно беспочвенные сцены ревности и упрёки по малейшему поводу. Вот и сейчас, когда я решил ехать в Одессу без неё, чего только не пришлось мне выслушать в напутственной речи, которая продолжилась и на перроне вокзала. У меня с трудом хватило сил, чтоб дожидаться отправления поезда.

Представляю, что теперь ждёт меня при встрече.

И такая ситуация не впервой. Я уже в возрасте Христа, но никогда не был женат. Когда я наслаждаюсь полной свободой, меня порой начинает томить одиночество. У меня довольно привлекательная внешность, неплохо подвешен язык, я начитан, правда, несколько стеснителен, но, как выяснилось, это даже нравится девушкам. Поэтому меня не раз уже «выбирали». Вот только сам я чрезвычайно разборчив в выборе. А это плохо совмещается с достижением желаемого. А, может быть, просто не встретилась та – единственная, когда всё происходит само собой, как говорится, «просто встретились два одиночества...» Поэтому все попытки совместного проживания пока ни к чему хорошему не привели. Рано или поздно наступало время, когда я мысленно мечтал про себя, приговаривая: «Боже праведный, неужели существуют люди, которые живут, как вольные птицы, без надзора и отчёта. Живут и не понимают своего счастья...» Сейчас я возвращался в дом, где задушевность не поселилась.

На работе тоже ничего хорошего не предвиделось: там началось сокращение штатов. А поскольку я никакой ценности для научно-исследовательского института не представлял, впереди у меня маячила довольно печальная перспектива. Я – человек без высшего образования, по случаю устроился на

работу в это заведение техником-телефонистом, хотя в телефонии не смыслю ни бельмеса. Просто начальнику телефонной станции нужен был человек, и я удачно подвернулся. Работал я на вызовах: телефон забарахлит – меня и направляют по адресу. Чинить в телефоне нечего: лампочка и два контакта. Но даже если я и с этим не справлялся, просто временно ставил другой аппарат. Вот и вся недолга.

Без образования я остался по собственной глупости и лени. Мой отец, человек волевой и упорный, – полная мне противоположность, буквально пинком загонял меня в институт. Я был не против, но только – института физкультуры. В то время я увлекался футболом и, занимаясь в футбольной секции, всерьёз задумывался о спортивной карьере. Из-за этого случилась в моей жизни первая драма: я ушёл от родителей к дяде, брату моей матери и это хоть как-то скрасило её переживания. После трагической гибели супруги, дядя Миша жил один в шикарной трёхкомнатной квартире на Кутузовском проспекте. Детей у него не было. Меня он любил, как родного сына, постоянно баловал дорогими подарками: то велосипед «Орлёнок» подарит, то радиоприёмник «Спидолу». Он хоть и не одобрял мой «опрометчивый и неразумный» поступок, но нотаций читать не стал, а просто сказал:

– Вот ключи. Хозяйствуй.

И мне пришлось действительно хозяйствовать самому, потому что дядя постоянно пропадал на работе, зачастую приходя поздно вечером. Попьёт чайку, порасспросит – как дела и уткнётся в газету. А вскоре он отправился в составе мидовской делегации в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке, на длительное время. И я остался сам себе господин. К тому времени я уже сообразил, что высшее образование мне не помешает, и даже умудрился поступить в МАИ. Но гонять мяч и сдавать сессии у меня получалось плохо, и на третьем курсе я перевёлся на заочное отделение. Лучше не стало. В итоге – меня отчислили за неуспеваемость. А через некоторое время рассеялись мои мечты о спортивной карьере: травма колена подвела черту под всеми моими надеждами.

Что делать? Специальности нет. Единственное, что мне нравилось – это читать. Но с такими способностями на работу не принимают и оклады не платят. А ведь нет ничего интереснее, чем читать занимательные истории, а потом фантазировать о прочитанном. В этом придуманном мире я чувствовал себя нужным и очень счастливым человеком. Поэтому всегда, когда мне представлялся удобный случай, я фантазировал наяву и не ощущал никаких неудобств. Проживают же большие артисты несколько жизней, надо только почувствовать себя не выдуманным, а вполне реальным человеком. Стоит войти в образ, и он сам подскажет тебе линию поведения в любой ситуации. Надо только слушать голос своего избранника. Он посоветует и даже многому может научить.

Мне пришлось поменять несколько мест работы, но скука и однообразие томили и вновь гнали на поиски чего-то несбыточного. Спасали постоянные посылки от дяди, в которых он присылал в основном вещи и тем самым заметно облегчал моё существование. Мало того, что я выглядел модно одетым человеком, но ещё мне капали деньги от неподошедших мне вещей, сданных в комиссионку...

С такими нерадостными мыслями я торопился к московскому поезду, и волею судьбы, хоть и с большими приключениями, успел на него. Когда я, запыхавшись, заглянул в приоткрытую дверь своего купе, то сразу услышал приятный женский голос:

– А вот и наш попутчик. Так что скучать не придётся.

Над моим нижним местом на полке, отвернувшись к стенке, лежал человек в одежде, а напротив меня расположилась пара: мужчина и женщина, скорее даже девушка. Она чему-то радовалась. Как в дальнейшем выяснилось: она выиграла спор. Её спутник говорил, что, слава Богу, поедem в тишине, а она утверждала, что быть такого не может, чтобы в разгар сезона в поезде оказалось свободное место. Просто человек опоздал, но он непременно явится. И радовалась тому, что не ошиблась. А я был причиной её радости. Потому она меня и встретила, как родного. Посмотрев внимательно, она заметила рану на моей переносице и воскликнула:

– Ой, что это у вас? Кровь? Где же вы поранились?

– Да, ерунда всё это, – сказал я, смутившись, – кровь уже не течёт. Не стоит беспокоиться.

– Что вы такое говорите? Надо непременно обработать рану. Позвольте, я сейчас всё сделаю.

Она достала флакон с духами, побрызгала на салфетку, и со словами: «Ну, что вы, как маленький!», – обработала ранку и, покопавшись, извлекла из сумочки лейкопластырь, ловко прилепила его на ссадину.

– Вот теперь другое дело. Теперь можно и познакомиться. Меня зовут Кристина Николаевна, можно просто Кристина. Это, – она указала рукой на сидящего мужчину, – мой муж, Игнат Борисович. А как вас величать?

– Валентин Сергеевич, – сказал я, присаживаясь на своё место.

Передо мной предстал мужчина лет сорока пяти, плотного телосложения, пожалуй, даже несколько грузноватый, коротко остриженный с уже серебриющимися висками. Крупные черты лица не гармонировали с тонкими, плотно сжатыми губами, которые выдавали натуру упрямую и властную. Он был одет в строгую пару и вообще выглядел внушительно. Игнат Борисович несколько раз взглянул на меня, не проявив ни малейшего интереса, и уставился в окно, таким образом, несколько демонстративно не желая принимать участия в разговоре. Если бы не слова Кристины, я скорее подумал бы, что он не муж её, а отец. Кроме возраста, он ещё был полной противоположностью супруге. Кристине Николаевне было не более двадцати пяти лет. Молодая женщина очень привлекательной внешности, восточные чёточки в облике придавали ей какое-то особенное очарование. На ней было мало косметики, но молодость, нежная кожа и притягательная улыбка делали своё дело: невозможно было не залюбоваться таким творением природы.

В отличие от мужа, явно не расположенного к разговорам, она была открыта и радушна. Ей хотелось общения, молча смотреть в окно было явно не в её характере. Кристина всё время что-то говорила, но я, невольно залюбовавшись ею, на какое-то время словно впал в прострацию и ничего не слышал. Когда я наконец очнулся, то до меня донеслись её слова:

– Что же вы, Валентин Сергеевич, не отвечаете? О чём вы так глубоко задумались? Вы меня слышите?

– Простите великодушно, – сказал я, – я действительно несколько отвлекся. У меня бывает такое, ничего не могу с собой поделывать. А что вы спросили?

– Я вас всего-навсего спросила: «Вы домой едете или из дома?»

– Я еду домой, в Москву. Возвращаюсь из служебной командировки.

Глядя на своих попутчиков, мне ужасно захотелось соответствовать складывающейся ситуации, и моя натура среагировала мгновенно, я сам ни подумав, ни придумать ничего не успел. Но отступить уже было поздно.

Я и так всегда был склонен пофантазировать, и однажды эта склонность приобрела реальные очертания. Впервые это случилось несколько лет назад. Я возвращался в Москву из Пятигорска, где минеральными водами и целебными грязями лечил своё травмированное колено. Мне очень повезло, когда я смог поселиться в номере с телевизором. Невезучие же смотрели передачи в холле большой компанией. Зато не повезло в другом: сосед храпел, как тысяча извозчиков, с множеством разнообразных звуков и оттенков. Поменять номер я не мог – шёл чемпионат мира по футболу. Избавиться от него тоже не получилось. Утром я, совершенно разбитый, проклиная всё на свете, отправлялся на лечебные процедуры и только к вечеру приходил в нормальное состояние. И так каждый день.

Примерно в таком угнетённом состоянии я пришёл на московский поезд. Сосед провожал меня, помогая нести чемодан, пытаясь напоследок заглядить свою вину, хотя никакой вины за ним не было. Стоило мне войти в купе, как два субъекта, уже там расположившиеся, увидев меня стали выразительно пощёлкивать пальцем себя по подбородку, недвусмысленно намекая, что приглашают стать третьим. «Только этого мне и не хватало», – подумал я. Лёг на спину, на своё нижнее место, и тут же увидел сильно накрашенное лицо девицы, склонившееся с полки надо мной:

– Давайте знакомиться. Вы – москвич? А где вы работаете?

Вот тут и включились мои внутренние рефлексy, я ответил мгновенно, громко и даже несколько грубовато:

– Я не работаю, я служу. Фрол Петрович – майор милиции.

У девушки пропало игривое настроение, а когда я повернул голову, то и собутельников в купе уже не было. Доехал я в тишине. Неожиданный результат мне так пришёлся по душе, что после этого случая я уже никогда в дороге не был самим собою. Знакомясь, представлялся кем угодно, в зависимости от ситуации. Чаще всего врачом (у меня была масса знакомых докторов, от которых я наслушался всякой всячины), мастером спорта по боксу, милиционером или каким-нибудь начальником (на работе, гуляя по этажам, я познакомился со многими завлабами и инженерами нашего института)...

Так вот, услышав мои слова о командировке, Кристина заулыбалась и заговорщицки сказала:

– Шутите. Ну, какие могут быть командировки на море, да ещё в самый разгар курортного сезона?

– Самые обыкновенные, однако. Дело – есть дело. И мне было совсем не до веселья.

Кристина, посмотрев на меня внимательно, перестала улыбаться. Некоторое время поразмыслив, она пришла к совершенно неожиданному для меня выводу, потому что теперь уже заинтересованно спросила:

– А скажите, Валентин Сергеевич, ваше опоздание и травма никак не связаны с вашей командировкой?

Наклонив голову, я не спешил с ответом, давая ей возможность окончательно утвердиться в собственной догадке, дабы предстать в её сознании в образе героя трудового фронта. Так и не дождавшись ответа, она продолжила:

– Значит, вы такой же трудоголик, как и Игнат Борисович. Никак не разберу: где грань между любовью к работе и зависимостью от неё? Получил новое назначение, к вам, в Москву, и буквально извёл себя в ожидании новой работы.

Игнат Борисович, перестав на время созерцать законные пейзажи, тоже с интересом посмотрел на меня и спросил:

– А на каком предприятии в Одессе вы были? Наверное, в этом нет большого секрета?

– В институте холодильной промышленности. Я работаю в одном из НИИ, знаете, раньше их называли «шарашками». Там, отбывая срок, работали осуждённые специалисты в разных областях науки и техники. Сейчас это всем известно, что под вполне безобидными названиями прятались предприятия, работающие на «оборонку».

– А скажите, Валентин Сергеевич, – уже уважительно продолжил он, – вы и учёную степень имеете, наверное?

И тут, как говорится, Остапа понесло:

– Нет, учёной степени пока не имею, – спокойно ответил я, – но кандидатская у меня почти готова, не хватает лишь расчётной части. Учёный совет у нас свой. Так что, к зиме, в крайнем случае, весной, думаю защититься.

После того, как я увидел, какими заинтересованными глазами на меня смотрит Кристина, я просто не мог остановиться. Тут очень кстати пришлось познания, почерпнутые мной из недавно прочитанной книжки «Заметки изобретателя». Рассказал, что я не женат, наверное, потому что моей истинной избранницей, которой я всецело принадлежу, является наука. Увлечённо поведал о своей работе, о том, как интересно мне возглавлять, пусть небольшой, но зато творческий коллектив единомышленников. И вообще, какое это счастье стать автором неожиданного изобретения.

Я рассказал про бессонные ночи, о том, что если возникшая идея поселится в голове – то не даст творческому человеку покоя, пока им не будет найдено решения. «Это настоящая мука, но – это и ни с чем не сравнимая радость», – как заклинание, повторил я несколько раз. А когда я сравнил мыслительный процесс изобретателя с творчеством поэта, глаза Кристины светились восторгом. «Да, – говорил я, – вдохновение поэта, сродни озарению изобретателя»...

Когда, выйдя из вагона, мы стали прощаться, Кристина посмотрела на меня немигающими глазами и, мне показалось, а, может, так было и на самом деле, с некоторым сожалением сказала, подавая руку:

– Прощайте, Валентин. Желаю вам удачи в жизни и творчестве.

Её муж тоже что-то буркнул на прощанье, мысли его, скорее всего, были о предстоящей работе. В этот момент мне подумалось: «Если бы не надутый, напыщенный муж, эта наша случайная встреча наверняка была бы не последней».

Жаль было расставаться с такой великолепной мечтой и такой очаровательной спутницей. Надо было возвращаться в реальность, а в ней только одна радость: была пятница – мой любимый день недели, потому что впереди два выходных, которые для меня всегда лучше, чем дни рабочие. Дома меня поджидала недовольная Ольга, встреча с которой не сулила мне душевного праздника.

Всё получилось даже гораздо хуже, чем я предполагал. Завидев на моём лице не успевшую спрятаться радость от удачной поездки, она тут же сделала многозначительные выводы, после которых все мои, истинно правдивые объяснения, уже не имели ни малейшего смысла. Она была совершенно уверена, что я прирождённый дамский (она говорила «бабский») угодник и все мои отлучки – неопровержимое тому подтверждение. Этот страстный монолог закончился, может быть, неожиданно даже для неё самой. Она собрала вещи и, уходя, так громыхнула входной дверью, что мне показалось, будто на

месте подпрыгнул девятиэтажный дом. Так или иначе, одна проблема решилась сама собой.

Когда в понедельник я пришёл на работу, к нам на телефонную станцию заглянул начальник отдела кадров с «радостным» известием: «Списки сотрудников на сокращение штатов составлены, но новый директор института желает познакомиться с личным составом, так сказать, с глазу на глаз, и решил начать с небольших коллективов. Ступайте прямо сейчас в директорский кабинет».

Пришли. Секретарша провела нас в кабинет, и мы расселись на стулья вдоль стены. А через некоторое время в кабинет вошёл наш новый директор. Обвалился внезапно потолок, я, наверное, удивился бы меньше: это был недавний мой попутчик Игнат Борисович.

Он взглянул на нас мельком и, по-моему, сходу меня не узнал. Да и я старался лицом не выпячиваться.

Мой недавний знакомый, подробно интересовавшийся моей учёной степенью, удобно расположился в кресле и сказал:

– Сокращение штатов – дело непростое и болезненное. Я решил не торопиться и, как человек новый, хочу узнать сотрудников поближе. Вас на станции семь человек с начальником. Вот давайте и познакомимся вкратце.

Говоря это, он обвёл взглядом присутствующих, и я не мог не заметить, как удивлённо вздрогнуло его лицо, когда он узнал одарённого «изобретателя – руководителя творческого коллектива».

Я плохо слышал, что рассказывали о себе мои сослуживцы, хотелось раствориться или провалиться, лишь бы с глаз долой. Но дошла очередь и до меня, и я услышал спокойный голос директора:

– А сейчас мы послушаем Валентина Сергеевича, так, кажется, вас величают, молодой человек. Только попрошу вас не приводить нам анкетные данные, а неформально рассказать о себе – так, чтобы можно было увидеть живого человека. Анкету я прочту потом.

Стыдно вспоминать, что я говорил в присутствии своих товарищей по работе, которые мало что понимали в происходящем. Игнат Борисович слушал меня, не перебивая, и лишь однажды задал вопрос:

– А скажите, Валентин Сергеевич, командировки вас не сильно напрягают?

Я не знал, что сказать. Пауза затянулась, пока один из сотрудников не выдержал и ответил за меня:

– Мы же станцию обслуживаем. Какие у телефонистов командировки?

Когда после меня отчитался последний из нас, Игнат Борисович, подведя итоги нашей встречи, сказал:

– Рад был с вами познакомиться. Теперь я просто убеждён, что поступил правильно, решив лично познакомиться с людьми, с которыми мне предстоит работать. Как выяснилось, порой бывают и неожиданные сюрпризы. Возможно, что я ещё раз приглашу кого-то из вас для личной беседы. До свидания.

Мы вышли из кабинета, и каждый из моих сослуживцев наверняка надеялся, что его минует эта неприятная участь: поиски нового места работы.

И только я ни на что не надеялся. Для меня закрытая дверь кабинета символизировала окончание судебного заседания со словами председателя суда после выступления прокурора: «Перерыв. Суд удаляется на совещание».

И мне не надо было ждать решения суда: оно мне было известно заранее.

Оглашать приговор – не требовалось...

ПРОЗА

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – член Московской городской организации Союза писателей России, поэт, лауреат конкурса имени Анны Ахматовой 2014 г., победитель Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2021», автор семи сборников стихотворений и многочисленных публикаций стихов и прозы в газетах, журналах и ежегодных конкурсных альманахах и сборниках. Выпускник химического факультета МГУ, учёный физико-химик, доктор технических наук, профессор кафедры микро- и нанозлектроники МФТИ, ответственный секретарь научно-технического журнала «Электронная техника. Серия 3. Микроэлектроника», автор более 200 научных статей и патентов на изобретение, двух учебных пособий и монографии «Поверхность и физико-химические свойства кристаллов».

Живёт в Москве.

«Ты – Феникс, вечная Россия...»

Лето

Я хожу по дорожкам из лунного света,
Дожидаюсь рассвета в туманных полях.
Это знойное лето, это чудное лето
Развеивает мечтанья о прожитых днях.

Хор лягушек приглушен уснувшим пригорком,
Соловьиная песнь разлилась по кустам.
Хороводили звёзды в отражении долгом –
Я к речным приложился прохладным устам.

Плеск воды не заметен, ласкается ветер.
Даже сполохи неба поцелуй мне шлют.
Нежной грустью вливается слово «бессмертен»,
И портнихи-секунды нам саван не шьют.

Мои ноздри вбирают аромат сенокоса.
Растревожены осы ногами в траве.
Бриллиантами вспыхнут жемчужные росы,
Тонут звёздные косы в лимонной заре.

То игривое лето, то серьёзное лето.
Гаснут звёзды на небе, опившись росой.
О, сапфирное лето, в жёлтой зелени света,
Улыбнись и качни мне своей головой.

Я по траве нехоженой
Выйду к озёрной дали.
Всё, что мною сложено,
Чтобы ветра читали.

Развеют пускай ненужное,
Яркое лишь оставят.
Творчество лести чуждое
Потомки потом пролистают.

Если найдут неискренность,
Пусть вырывают с корнем.
Это не грусть, а исповедь –
Я о минувшем вспомнил.

В сине-зелёном детстве
Жёлтых полей пустыни.
Не было в детстве бедствий.
Бедствия всплыли ныне.

Как в половодье реки
Творчество рук разносят,
Ныне стальные вежи
Время протестом сносит.

Слишком для сердца мало
Было построено нами.
Всё наносное – шквалом!
Не удержать зубами.

Бурей по этажерке
Выстроенной для почёта!
Ливнем по всякой мерке!
Только б осталось что-то....

Снова у глади серой.
Листья в воде уснули.
Родину, жизнь и веру
Нынче перетасую.

Я не читал своих стихотворений
Пред толпами людей.
Услышьте голос мой,
Он тих и откровенен,

Как этот день.
В разрывах туч слепым дождём носимый,
Как радуга грядёт.
Кому-то радость, а кому и силу
Он принесёт.

Дом

Угол сада щетинится маком,
От крапивы забор захирел.
Только лютик сверкающий лаком
Не стареет, а дом поседел.

Седина деревянных построек
И сосновых чурбанов пакет.
Удивительно запах их стоек,
Ведь прошло уже множество лет.

Я в саду! Углубляюсь в малину.
Я иду. Ощущений лавину
На себе осторожно несую.
Лет прожитых деревья трясую.

Наклоняюсь над грядкой с морковью,
Перепахан клубникой, как кровью.
Снова пчёлы над ухом жужжат,
Принимаю их строгий парад.

Залезаю, как кот, на забор
И гляжу через поле.
Сизый русский простор
И лесное, зелёное море!
Я бегу, я бегу через поле...

Снова двор, кур встревоженных крики,
На стене, отражением блики
От воды, что скопилась в корыте.
Время дивных, внезапных открытий!

Снова в поисках клада
Под берёзой, у липы.
Тихо льётся прохлада,
Стены шепчут молитвы.

То давно было. Так давно,
Что теряюсь, было иль не было?
Только помню цветов пятно
И огромной улыбкой небо.

И ещё, будто я бежал
В многотравии, в многолистии.
И в воде родника дрожал
Пробегавший мальчишка искренний.

Только помню – в саду светло,
И меня ловят руки нежные.
Это было ужасно давно,
Но как сильно запало прежде!

То давно было, так давно,
Что теперь, проходя по саду
И косясь на память – окно,
Ощущаю одну досаду.

От чего так? И зелень – та,
И тропинка, а там, за рощей,
Ржавым яром вода занята,
Корешков обнажает мощи.

Только что-то не то, не так.
Вроде знаю, ну да – я знаю!
Руки те заслоняли мрак!
А теперь, без них – пропадаю.

Но я вырос, а руки те
Все такие же, нет – уменьшены!
Не под силу им в темноте
Моих мыслей проделать трещину.

Русь святая. Горы и равнины,
Реки и бескрайние леса,
Золотые с васильками нивы
И озёр бездонные глаза.

Запах хвои в солнечное марево,
Твоих сосен величавый шум
И дома меж Унжею и Варехой
Отвлекают от тяжёлых дум.

Отец

Отец мой был героем,
Прошедшим две войны.
Хотя и жил в «застое»,
В том нет его вины!

Он умудрялся сделать
Из барахла прибор.
Цветное телевиденье
Ходил смотреть весь двор.

Когда был на парадах –
Сверкали ордена.
И в собственных нарядах
Красавица-жена.

Вечная Россия

Как в раннем детстве, выйду в поле
Межою, пижмы где горят.
Своею чуткою рукою
Былинок русских глажу ряд.

А за рекой дергач зальётся,
В кусты опустится туман,
И грустью в сердце отзовётся.
Я всё за миг такой отдам!

Тебя разрушили, Россия!
Но ты со мной, но ты во мне!
Я не заплачу от бессилья,
Тебя предчувствуя в войне.

Ты – Феникс, вечная Россия.
Я вижу, вновь сияешь ты,
Все жмурятся от красоты –
Так ты богата и красива!

Цветы России

Купальницы в лесу!
Воздушные шары!
Домой я принесу
Кусочек красоты.

В колокольчиках синих откос,
 Бьётся птица о купол небес,
 И волнует до радостных слёз
 Разноцветьем и звуками лес.

Луговая герань,
 Нежным светом своим
 Ты мне сердце не рань
 И в поля не зови.

Цветок, привлёкший моё внимание
 Зовётся просто – иван-да-марья.
 Его верхушки от неба синие,
 А ниже, в центре – поля России.
 В нём наша жизнь – с мечтами, с болью.
 Недаром снизу покрыт он кровью.

Евгений Александрович Карунин – родился в 1972 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГОПУ имени М.А. Шолохова; кандидат педагогических наук, доцент. Член МГО Союза писателей России, автор поэтических сборников «Российские перезвоны» (1998 г.) и «Царство вечных небес» (2004 г.), а также историко-патриотических поэм «Сказание о Невской битве» (2008 г.) и «Куликово поле» (2011 г.). Поэма «Куликово поле» была отмечена дипломом «Лучшая книга 2008–2011».

Живёт в Москве.

Российские перезвоны

Поклонимся своим учителям,
 Своим наставникам с лучистым,
 мягким взглядом
 И благородным, добрым мудрецам,
 Что неизменно с нами были рядом.

Поклонимся своим учителям.
 Мы вместе с ними в класс вошли когда-то.
 Открыв букварь, читали по слогам
 Про подвиг Неизвестного солдата.

Поклонимся своим учителям, –
 Мечтателям, поэтам, инженерам.
 Любовь к труду они привили нам
 Своим самоотверженным примером.

Поклонимся своим учителям.
 Мы книгу жизни с ними изучали,
 И словно два невидимых крыла
 Нас в мир тревог, надежд и счастья мчали...

Поклонимся своим учителям!
 Они порой совсем не спят ночами.
 Они идут на службу, словно в храм,
 Чтобы творить и мыслить вместе с нами!

СЫНОК

В жизни немало тревог и лишений,
Круч, каменистых дорог,
И на пути добрых дел и свершений
Будь терпеливым, сынок!

Часто в садах, среди роз и тюльпанов,
Тяжкий таится порок...
Остерегайся же сладких обманов,
Будь же разумным, сынок!

Ложь презирая, за правду сражайся,
Даже когда одинок!
Гнев же в душе обрести опасайся,
Будь справедливым, сынок!

Если твой друг не осилил дорогу,
Пал, захворал, занемог –
Поторопись же к нему на подмогу!
Будь милосердным, сынок!

Пусть же тебе никогда не придётся
Душу закрыть на замок,
Пусть для любви твоё сердце проснётся,
Счастья тебе, мой сынок!

Снайпер Максим Пассар

К 80-летию Сталинградской битвы

Который день под Сталинградом
Идёт кровавый, тяжкий бой.
Земля трясётся от снарядов,
Огонь и дым над головой...

Который день без передышки
Свинцовый шквал со всех сторон.
Бойцы – вчерашние мальчишки –
Борьбу ведут за каждый дом!

И каждый воин точно знает,
Что в схватке враг не устоит –
Хребет фашистский зверь сломают
О наш стальной, советский щит!

Припав к земле, лежит в засаде
С винтовкой снайпер молодой.
Разрывы спереди и сзади –
А он лежит, как неживой!

Его как будто не смущает
Бесперерывный артобстрел –
Свой миг он тихо ожидает,
Смотря в оптический прицел...

С землёю раненой он слился,
Всю боль её приняв в себя, –
С врагом он насмерть будет биться
За Волгу, рощи и поля.

За Приамурский край сосновый,
Где он любил встречать зарю,
За взвод родной, за взвод стрелковый.
За брата, что погиб в бою...

И меткий выстрел хаос сеет
В рядах встревоженных врагов –
Сгниёт, погибнет вражье семя
На склонах Волжских берегов!..

Трепещут пусть враги отныне!
Как смерч, как молнии удар,
Пусть грянет весть, что бьётся с ними
Герой-стрелок Максим Пассар!

Российские перезвоны

Необъятная, вольная Русь!
Как люблю я твои перезвоны!
В них – и радость, и светлая грусть,
И протяжные, гулкие стоны.

В них – и плач по твоим сыновьям,
Что домой не вернулись из битвы,
И печальный напев соловья,
Словно отзвук далёкой молитвы.

Не дают они мне позабыть,
Как в лучах восходящего солнца,
Твой желая народ погубить,
Засверкало оружие тевтонца...

Как рубились, мечами звеня,
На холодно-кровавом рассвете
Непокорной земли сыновья,
Русской доблести славные дети!

Пусть века пронесли с той поры,
Но я вижу, тревогой объятый:
Вновь на Русь из нахлынувшей мглы
Наступают тевтонцев отряды!..

Нет! Всё это – лишь тягостный сон!
Я очнулся. Я снова спокоен.
А вдали, надо мной, только звон,
Упоительный звон с колоколен...

Купол неба безоблачно-синий,
В светлой дымке леса и луга, –
Вот земля, что зовётся Россией,
Что с рождения мне дорога...

Край берёз и лучистого лета,
Где костром пламенеет рассвет,
Не одним знаменитым поэтом
Был простор твой безбрежный воспет.

Разреши же и мне прикоснуться
К вечной тайне твоей красоты,
На заре окрылённым проснуться
И постичь даль немой высоты...

И прославить своими стихами
Синь небес над землёю родной,
Где бессмертье царит над ветрами,
И где ждёт меня вечный покой...

Осенний праздник клёна

Все знают, какое это красивое дерево – клён. Форма его листьев напоминает корону. Недаром листья клёна украшают национальный флаг Канады.

В Москве есть тихая красивая улица с названием «Кленовый бульвар». Клён фигурирует почти как одушевлённое лицо во многих стихах и песнях: «Клён ты мой опавший», «Старый клён стучит в стекло», «Стоит за домом старый клён, в берёзку был тот клён влюблён» и др.

А вот в Соединённых Штатах Америки, в городе Канзасе, в честь этого своеобразного и красивого дерева ежегодно осенью устраивают праздник. История возникновения этого праздника такова.

В стародавние времена Канзас ещё не был городом. Это был скромный посёлок при линии железной дороги. Даже станции у посёлка не было – поезда прокатывались мимо него в одну и другую сторону, и только мальчишки, стоя на пригорке, провожали их мечтательными, восхищёнными взглядами.

В один из дней мимо посёлка медленно проезжал, буквально тащился товарный поезд. Последний вагон по каким-то неведомым техническим причинам отцепился, долго медленно катился и в конце концов остановился прямо напротив посёлка.

Сначала о том, что вагон загружен тоненькими деревцами-саженцами, проведали мальчишки. А это оказались клёны, да ещё не одинаковые, а самых разных пород. От мальчишек эта весть достигла ушей взрослых. Жители думали-думали, как поступить с деревцами? Ясно, что за ними никто не вернётся, и молодые саженцы обречены засохнуть и погибнуть. И тогда жители посёлка решили их спасти.

На следующий день, прямо с утра, вышли жители всем миром к железной дороге, разгрузили вагон и стали сажать деревца у своих домов. Но клёнов оказалось так много! Что же делать с оставшимися саженцами? Для дров они были

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

слишком тощими. Порубить деревца и развести кострища ни у кого рука не поднялась. К счастью, кому-то из жителей пришла счастливая мысль высадить оставшиеся саженцы на пустыре, превратив его в общественную рощу. Идея понравилась. Дружными усилиями выкопали ямы, аккуратно, чтобы не повредить корни, поставили в каждую по деревцу, подсыпали землицы и даже полили водой из общего поселкового колодца.

Поскольку дружно трудились вместе и взрослые и дети, после завершения работы устроили общий пикник, где радовались проделанной работе, смеялись и беззлобно подтрунивали друг над другом, пили пиво. А потом так развеселились, что пели песни, танцевали, затеяли игры, побегали, попрыгали, а когда стемнело, даже в охотку посидели у общего костра. Семейные и те, что постарше, развлекали друг друга то весёлыми, то страшными историями, а молодёжь разделилась на парочки, шушукалась, смеялась, украдкой обнималась и сладко выплёскивала радость жизни поцелуями.

Проведённый после общих трудовых усилий праздник так понравился, что через год его решили повторить. Потом повторили опять и опять. Так вот ненавязчиво и незаметно он стал традиционным, ежегодным. Много поколений сменилось, а традиция не угасла.

Тоненькие деревца клёнов теперь превратились в могучие толстоствольные деревья с широкой раскидистой тенистой кроной и стали красой города и его визитной карточкой. И каждую осень, когда листва клёнов пылает в южном синем небе Канзаса жёлтыми, золотистыми, оранжевыми, красными и сине-фиолетовыми кострами, жители этого города справляют осенний праздник поклонения этому дереву. От мощи клёнов и неисчислимого богатства оттенков листвы создаётся такое буйство цвета, что от восторга захватывает дух!

Те, кто сажал клёны, давным-давно ушли в мир иной. Но красота, созданная их руками в содружестве с матушкой-природой, заставляет ныне здравствующих любить свой город, гордиться им, с благодарной теплотой думать о предках и хранить в своём сердце нежную любовь к местам своего детства и клочку земли, называемому малой родиной.

Рассказывают, что те, кто уехал из Канзаса, испытывают счастье, если им удаётся выкроить время и хотя бы раз в год навестить свой родной город. Большинство предпочитают делать это именно осенью, во время очередного празднования Дня клёна...

...Теперь вот я размышляю и мечтаю. Россия большая. Деревьев в ней много. Хорошо бы нашему железнодорожному начальству посидеть, подумать и сделать так, чтобы весной хотя бы у нескольких посёлков, примыкающих к железнодорожным станциям, внезапно отцеплялись от проходящих железнодорожных составов вагоны с саженцами. И не обязательно, чтобы это были только клёны. Как бы сплотилась, украсилась и расцвела страна и какую волну уважения и любви это вызвало бы в душе наших современников и последующих поколений. Сколько бы люди рощ посадили, как бы украсили места, где они родились, где провели детство и юность, и каким красивым общественным завещанием осталось бы это нашим детям и внукам!

ПОЭЗИЯ

ИNESSA ИЛЬИНА-ФЁДОРОВА

ИNESSA ЯШИНОВНА ИЛЬИНА-ФЁДОРОВА – член МГО Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всероссийного фестиваля патриотической поэзии «Форпост» 2014, 3-е место), награждена медалями: и.м. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

«Мне судьбой назначено играть...»

Соловья

Как тихо, пронзительно тихо,
Не свищут в лесу соловьи.
Однажды, не ведая лиха,
Взлетели они от земли.

Недавно на ветках порхали,
Ловили жуков для птенцов,
Но синие-синие дали
Манили к себе гордецов.

И мы удостоились чести
Принять в своём доме гостей:
В таком неожиданном месте
Построил гнездо соловей!

Почти не гуляли по саду,
Боялись птенцов напугать,
Траву не косили, рассаду
Решили подальше сажать.
А если гроза бушевала,
В безумстве «рвала удила»,
Мамаша птенцов закрывала,
Бесстрашно расправив крыла.

В июле жара, как в Севилье,
Все травы от зноя слегли,
Но мамыны верные крылья
Надёжно детей берегли.

Птенцы подрастали, казалось,
Теснее становится дом,
Что самая-самая малость
До дня расставанья с гнездом.

Мы ждали торжественной даты,
Когда улетят соловьи,
Но странное чувство утраты
Тревожило мысли мои.

И вот, на исходе недели, –
И в этом природы пассаж, –
Мои соловьи улетели,
Над домом проделав вираж.

Как тихо, пронзительно тихо
В саду, в целом мире, везде..
Мне снится, что я – Соловьяха,
Крыла распростёрла в гнезде.

Кувшинка

Кувшинка погибала, с водой разлучена,
Бутоны не раскрывала, печальна и нежна.
В последний раз смотрела на озера овал.
Когда б взлететь умела, но крыльев бог не дал!

«Помогите! Люди злые
Меня с домом разлучили!
Им меня совсем не жалко!
Не кувшинка я – Русалка!

Мне без озера не жить,
Пить, пить, пить, пить!»

И снится пленнице сон –
Звучит мелодичный звон,
Лунный искрится круг,
Видит кувшинок-подруг.

«Сестрицы, не спите, времени мало!»,
Одна из кувшинок тихо сказала,
«Ровно в полночь, у бурной реки
Девки станут плести венки.

Сегодня, в купальскую ночь,
Нам чудо может помочь.
На Ивана Купала девицы гадают,
Венки из кувшинок в реку бросают.

Только мы воды коснёмся,
Вмиг русалками проснёмся!»

Девушка страдала – милый не пришёл,
Лучше всех плясала, пела хорошо,
«Я ему постыла, как душа болит,
Быть насильно милой гордость не велит».

Горестные думы привели к пруду,
Замутили думы новую беду:
«Жизни мне не жалко, брошу я венки,
Видно, быть русалкой повелел мне рок».

Плескались русалки в купальской водице:
Бывшая кувшинка с бывшею девицей.

Занялась заря над рощей,
Колдовской окончен пир.
Чёрный ворон в поле ропщет,
То ли дух, то ли Сатир.

Линия судьбы

Я не служила в цирке акробатом,
Но линия судьбы натянутым канатом
Ведёт меня неведомо куда.
Освещены софитами года.

Не смею ни упасть, ни ошибиться.
В житейских драмах так легко разбиться,
И с каждым годом тяжелей вставать,
Но мне судьбой назначено играть.

Увы, не все удачные моменты
Встречают бурные аплодисменты:
Завистники, как прежде, на посту,
Мои ошибки чуют за версту.

Я наверху, пока сама тяну
Судьбы своей упругую струну.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАРИТОНОВ

Евгений Николаевич Харитонов – родился 12 ноября 1985 года в г. Белгороде. В 2002 г. поступил в Белгородский Юридический Институт МВД России на специальность «Юриспруденция», который окончил в 2007 г. Женат, двое детей. Стихи начал писать в юности, но более осмысленно к творчеству подошёл к 30 годам. В настоящее время более 100 произведений, которые отражают жизнь человека в XXI веке. Немаловажную роль в творчестве играет природа России.

Живёт в Белгороде.

«Возвратите мне Россию...»

Русским, убежавшим из страны

Нет, не вы распрощались с Россией!
Нет, не вы оборвали с ней связь!
А она вас с подошвы струсилась,
Как случайно прилипшую грязь!

И теперь, изнывая до одури,
Осознав, что её нет родней,
Вы божитесь, что всё в мире отдали б,
Лишь бы снова топтаться по ней.

Нет, иуды, не смейте и пробовать
Замолить перед Богом грехи.
Вашим душам отныне жить впроголодь,
Русской крови своей вопреки.

Сироты Донбасса

Не стреляйте в меня, я и так вас боюсь
И поэтому прячусь в подвале.
Каждый вечер я Господу Богу молюсь,
Чтоб в меня никогда не попали.

Закрываю глаза, снова вижу во сне,
Как горят небеса над посёлком.
И как мама в крови подбегает ко мне,
Чтоб собою укрыть от осколков.

Как на кухне лежит неподвижно сестра,
А в руке её плюшевый мишка.
И прошепчет кому-то потом медсестра:
«Сиротою остался мальчишка».

Я бежал ото всех неизвестно куда,
Вытирая солёные слёзы.
И, свалившись на снег, попросил я тогда,
Чтоб меня погубили морозы.

Но какой-то солдат вдруг обнял горячо,
Будто смерти порвал пуповину.
И на ужин в своём котелке мне ещё
Он оставил еды половину.

Но под утро ушёл за речной перекал,
Сунув мне сухари и тушёнку.
А потом много раз был восход и закат,
И подвал, словно норка мышонку.

Хоть не скоро рассвет, я от мысли проснусь:
«Как найти мне хоть крошку к обеду?»
Но я вытерплю всё и пред Богом клянусь,
Что дождусь непременно Победу!

Засвистели свирепые ветры
Над моею великой страной.
До войны не года – километры,
И её не пройти стороной.

Снова нам уготовано свыше
Встать за русские земли стеной.
Я порою отчётливо слышу,
Будто молится кто за спиной.

Отгоняю от сердца тревогу,
Обернуться на голос боюсь.
Вдруг увижу, как молится Богу
На колени припавшая Русь.

Молитва

Посмотри, к чему пришли мы, Боже.
Сколько зла посеял человек.
Придержи хоть Ты, Всевышний, вожжи
Той войны, что не видал наш век.

Что сулит всему земному шару
От руки напыщенных глупцов
Знаешь Ты! Прошу же, помешай им
Из живущих сделать мертвецов.

Выбрани детей своих беспечных.
Накажи, как любящий отец.
Кто вину не примет – не калечь их,
Прозревает даже и слепец.

Укажи на слабость и проступки,
И добавь им разума извне,
Чтоб пошли друг другу на уступки
Прежде, чем весь мир сгорит в огне.

Род людской, увы, не безупречен
И горазд на подлые шаги.
Но тобой он создан и помечен.
Не оставь нас, Боже. Помоги!

Англосаксы

Перепили, наверное, виски
Англосаксы, решив на корню
Уничтожить Россию мою.
Покажите, пожалуйста, списки,
Кто из них будет с нами в раю?
Вдруг послышался мне голос Божий:
«Англосаксы в тот список не вхожи».

Алёшка

Спросил меня сосед Алёшка,
Лет десять, кажется, ему:
– А правда то, что понарошку
Ввязались русские в войну?

Алёшка не хотел притворства
И взглядом требовал ответ.
Хоть детям врать довольно просто,
Но мне пришлось ответить: «Нет!»

Возвратите мне Россию,
Ту, где мать меня растила!
Где берёзовые рощи
Шелестят в душе моей.
Ту спокойную Россию,
Где не видели насилья!
Где в озёрной синей толщине
Мы ловили окуней.

Возвратите мне Россию,
Где к семье любовь привили,
Где нас с детства приучили
Верным быть своей стране!
Ту богатую Россию,
Где нас досыта кормили
Из того, что мы взрастили
На своей, родной земле!

Возвратите мне Россию
С соловьями в небе синем
И бескрайними полями,
Зрела где золотая рожь!
Ту Великую Россию,
Что нам деды подарили,
Где от нашей, Русской силы,
Мир охватывала дрожь!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир ЯКУШЕВ

«Впадают встречи в расставанья...»

О лирической поэзии
Игоря ТЮЛЕНЕВА

Эта одна из редких нейтральных спокойных фраз, констатация грустного факта в непредсказуемой и напряжённой книге любовной лирики Игоря Тюленева. Со всем хорошим и драгоценным приходится расставаться с течением времени. Всё становится воспоминанием, даже если ты остаёшься в тех же местах с теми же людьми, или встречаешься с былым, но это всё уже другое: совсем не то, что живо помнится тебе: «Не только я, не только ты, а вся Россия изменилась!» – успокаивает своего лирического собеседника в аналогичной общебытийной ситуации Николай Рубцов. И вот ты стоишь, задумавшись, на «звёздном берегу» этой мысли: «впадают встречи в расставанья... свистят меж ними расстоянья...» И понимаешь, в контексте соседних стихов, что любовь жгучая – прошла. Но человек, созидатель мира любви, сильнее, он не ищет утешения. Созданного им мира больше нет. Что ж из того? Вокруг нарождается новый мир. А мир без любви не остаётся.

Книга Игоря Тюленева «СТО СТИХОВ О ЛЮБВИ: Стихотворения» вышла в Перми в 2020-м году.

В литературной жизни Игорь Тюленев из тех редких поэтов, к которым современники относятся постоянно с завышенными ожиданиями. И поэт их раз за разом оправдывает. Иногда с большим шумом. Это вызвано радикальностью требований, которые поэт предъявляет к реальности с точки зрения народного идеала, воплощаемой им в образном размахе – (по масштабу размах этот у Тюленева и, конечно, у его учителя Ю.П. Кузнецова естественно, как дыхание, совпадает с магической, обрядовой космической народной поэтикой) – русской мечтой, Будущим. В котором совпадает «вечное», «историческое», «идеальное» и деятельное «настоящее».

Владимир Викторович Якушев – окончил Чердынский лесотехнический техникум, филологический факультет Пермского государственного педагогического института, гуманитарный факультет Пермского государственного технического университета. Работал на заводах Перми, преподавал. Член Союза писателей России (2001). С 2010 г. – председатель Пермской краевой организации Союза писателей России.
Живёт в Перми.

Выйду я в чисто поле и стану на восток лицом
на запад хребтом, покрываюсь я всеми небесными облаками,
умываюсь росой, утираюсь зорёю, подпояшусь я поясом...
поднебесными частыми звёздами...

...Графит прожёт, а вслед за ним глагол
Ударил... и остался отпечаток.
Я в море встал, как подъяремный вол,
И потащил его, от шторма шток.
...Сказали, что виновен в этом был.
Недавно говорили же другое...
Я море на себе долой тащил,
Как при пожаре тащат дорогое. (Тюленев).

...Матерь Божья над Русью витает,
На клубок наши слёзы мотает,
Слёзы мёртвых и слёзы живых,
Слёзы старых, и малых, и средних,
Слёзы первых и слёзы последних...
А клубок всё растёт и растёт.
А когда небо в свиток свернётся,
Превратится он в новое солнце. (Кузнецов).

Субъектность народного самосознания, первооснова душевной жизни русского народа – во врождённом глубоком чувстве родства человека со всем, что есть в мироздании. И с самим мирозданием в целом. А родственность – это семья, это, в сущности, изначальная любовь. Упомяну очевидное, знаемое каждым первокурсником по собиранию фольклора, по курсу устного народного творчества. Каждый дом крестьянина представляет модель космоса, где светит солнце, идут дожди... Звёзды, как положено, водят хоровод. Луна и солнце на своих местах. А смысл жизни человеческой, его труда в том, чтобы эта космическая жизнь, одушевлённая и олицетворённая, не прекращалась, продолжалась со всей полнотой своего бытия и красоты. И крестьяне семьями выезжали на покос или хлопотали по хозяйству не просто в силу прагматики, а и по тому, что от этого зависело, взойдёт ли завтра солнце, не пропадёт ли месяц. Не сделаешь – обрушится небесный свод. Это источник вечного мифотворчества народа, его жизненной поэзии, которая есть его драгоценный философский камень. Вот этого нельзя не увидеть в творчестве Игоря Тюленева – непрерывной образности. Или, как писал Есенин, непрерывно струящийся, разворачивающийся, длящийся, живущий образ (миф).

Книга о любви... Для поэта – это «Песнь песней»! Пугающая ответственность. Вынуть любовь из русской классики – останутся развалины, что от «Тараса Бульбы», что от «Войны и мира», от любого произведения... А тут книга – исключительно об этой онтологической тайне человека. Пропустить в современной поэзии подобную книгу никак нельзя. Это для понимания состояния современника, народа многое может дать. Может, отрицательного, горького. А может, сильного, обнадёживающего...

И ожидания оправдаются. Головокружительная космогония любви. Зияющие безднами души стихотворения о плазме переживания любви. Вот одно из них.

«Что есть ад?— Стрaдание о том,
что нельзя уже более любить».

Фёдор Достоевский.

*Перечитываю эсмэски
И тебя сквозь планету зову...
О стекло бьются звёзды-орешки —
Отлетают и тонут в пруду.*

*Тонут дни, и уносит их время,
Наши дни — где мы были с тобой!
И молчит телефон, в трубке — немо...
Может, это на станции сбой?*

*Расцветут под окошком пионы,
Май вернётся, вернётся июнь?..
Не проспaть бы и не проворонить,
Ты меня, милый друг, надоумь!*

*В сны вернись — больше негде встречаться.
Эти сны, как незримая нить...
Обещаю, впредь буду стараться —
Никого, никогда не любить!*

Помимо того, что дорогим ностальгическим чувством стих накоротко замыкает на русскую классику: «Что-то всеми навек утрачено. Май мой синий! Июнь голубой!», — жалит ещё не ушедшее и печёт душу желание: «В сны вернись — больше негде встречаться. Эти сны, как незримая нить...». А обещание «впредь буду стараться — никого, никогда не любить» — это и признание, что любовь взяла лучшее и самое сильное из того, на что способно было сердце.

Или вот признание-стихотворение, в котором сам себе удивляется человек: ранее ему казалось, что подобной слепой, яростной мощи и предательской нежности его хладнокровный ум не допустит.

*Синие шорты, как солнце футболка!
Я же похож на сибирского волка,
Сильный, лохматый с душой молодой!
Вы не возьмёте к себе на постой?
Буду лежать у дверей и рычать,
Первым незваного гостя встречать!
Синие шорты, как солнце футболка.
Как же искал тебя, девочка, долго!
Так вот пришла молодая любовь,
Разбудоражив уснувшую кровь.*

Задерживаешься на отдельном стихотворении. Останавливаешься на ступеньках строчек... Образы, смыслы пересекаются, перемножаются, рассыпаются по текстам как «ядра — чистый изумруд», облачённые в золотую скорлупу строф.

*Ты помнишь, поле колосилось,
Дул в спину лёгкий ветерок;
И птица с криками носилась,
Как в строчку не попавший слог.*

*Река искала вдохновенье,
Свистели вслед ей соловьи,
И месяц плыл, как ударенье,
Над тайной пристанью любви.*

Мягкая нежность, ощущение близости и доступности красоты не отстранены у Тюленева от грубоватой низовой обыденности. Его добрая, ироничная усмешка снижает напряжение, чтобы «...О Господи!.. и это пережить... И сердце на клочки не разорвалось...»:

*А я стоял в недоуменье
Поверить всё ещё не мог...
Моё сознание тюленьё
Скакало с пятки на носок!*

Течение жизни, её неостановимость, и наша единичность в ней. Острое чувство всепроникающей жалости от того, что как мгновение ни прекрасно, но оно «мгновенно» оборачивается в дымку воспоминания. Это именно наша ни с чем не сравнимая восхитительная «светлая печаль», проникнутая сердечным сочувствием...

*Китаянка по имени Ли...
Имя втиснет моё в иероглиф.
Её алое сердце продрогло,
Как фруктовая роца вдали.*

*Переправа с обеда пуста.
На террасе бумажный фонарик.
Чёлка тучи на тын завита.
В стороне докурю свой чинарик*

*И заброшу за рисовый холст.
На дорожке, бегущей к утёсу,
Навесной где качается мост,
Громыкают тележки колёса.*

*Ты работай, а я отдохну,
На пригорке у входа в пещеру.
И не слушай мою болтовню,
Говорлив я сегодня не в меру.*

*Над водой наклонился бамбук,
Как медбрат над поверженным телом.
На тростинке играет пастух,
Цапля чертит по воздуху мелом.*

Путник лотос на озере рвёт,
Взбили воду осенние гуси.
Дева слёзы на мельницу льёт
В два ручья из печали и грусти.

...На столе книжечка, как птаха. Распушились страницы, как крылья. Сто стихов о любви прочитаны. Но стихи не оставляют тебя, они всё ещё рядом. Прислушиваешься... И чудится, что «...В окошко кто-то женским кулачком стучит, стучит, как между рёбер сердце».

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, орденами В. Маяковского и А. Грибоедова. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Зовёт нас пламя ледяное...»

На моём столе рабочем
Радуга колдует.
Мои строчки проверяет
И свои диктует.
В суть теорий проникая,
Новых и известных,
Говорит, чтоб я писала
Максимально честно.

Мацуо Басё¹

«Соломенный плащ обезьяны».
Нас с хайку знакомит Басё.
Японской судьбы панорама
Три строчки о жизни.
В них всё.

Мыслитель великий и сложный,
Веков неизбывную связь
Умел передать осторожно,
Соткав философскую бязь.

¹ Мацуо Басё 1644–1694. Великий японский поэт-путешественник.

«Лик вечерней луны» –
 Это хайку Басё.
 Он в трехстишиях смог
 Рассказать обо всем.

Три века – открыла страницу.
 Да нет. Это было вчера.
 Всё те же «журавль и синица»
 И судеб несхожих игра.

По стихам московской поэтессы

**Юлии Моркиной
 «Ледяное пламя»
 и «Пламенный лёд»**

Зовёт нас пламя ледяное
 В потусторонние миры.
 Там подсознание иное,
 Иные правила игры.
 Там вместо света полутени.
 Полунадежда. Полуболь.
 Бредовый след самосожженья
 Там проступает сам собой.

**Анна Ахматова,
 Амедео Модильяни**

Ждала письма. Не написал.
 Хотел прийти, но не придёт.
 Париж – Санкт-Петербург. Вокзал.
 На поезд, как на эшафот.

И возвращенье в нелюбовь.
 Как пережить парижский сон?
 Слепнёво. Коля Гумилёв
 Знать ничего не должен он

А Модильяни? Он – кумир,
 Парижских женщин тайный мир.
 Он рисовал везде, всегда.
 А обнажённость – не беда.

И Анну тоже рисовал.
 Изгибы тела. Страсти шквал.
 Модель свою боготворил,
 Казалось Анне, что любил.
 А Анну тайно жгли стихи,
 Сжигая чувства и грехи.

Мои друзья!
 Я с памятью о вас,
 Ушедших,
 Но оставшихся со мною.
 Зима. Весна.
 Последний – первый раз,
 Кто был влюблён
 Всем сердцем, всей душой.
 Чем отплачу
 За этот дар земной?
 В долгу. Молюсь.
 А вечность за спиной.

Новое время,
 Новые лица,
 Улица мчится.
 Мчатся машины
 И самокаты,
 Чтобы вернулся
 Кто-то куда-то.
 Кто-то кого-то
 Ждёт – не дожждётся.
 Хочется радости,
 Хочется солнца.
 Будет ли мирным
 Русское небо?
 Или провалимся
 В немощь и небыль?

Отгремела гроза.
 Ветер гимны свои отыграл.
 Дождь оставил слезу
 На оконном стекле у стола,
 Ничего не успев рассказать.
 Будет радуга в радость
 В нашем небе большом.

Чистая совесть

Трудно представить себе мегаполис без такси. Если посмотреть на Москву с высоты птичьего полёта, то она похожа на разноцветный луг, над которым летают пчёлы. Это такси. Но жалят они только ценами – агрегатор так и пытается укусить желающих проехать по выделенной полосе, выставляя повышенный коэффициент в дождь, снег, утром или вечером. И цена за поездку может тогда сравниться с ценой крыла самолёта. Но пассажиры платят. И ездят. На «экономе» и «комфорте», а некоторые даже бизнес-классом. Однако самые интересные истории есть в запасе именно у водителей «эконома». Русских. С многолетним стажем.

Таким водителем был Евгений. Работал он в такси не по призванию, а по необходимости. Фирма, в которой он трудился без малого пятнадцать лет, разорилась, и работодатель выставил всех на улицу, как водится, без выходного пособия. Семья привыкла жить, ни в чём себе не отказывая, а работу, особенно хорошо оплачиваемую, мужчине после сорока найти оказалось не так-то просто. Поговорил, поспрашивал, и выяснилось, что если работать на своей машине, то можно заработать тысяч сто в месяц. Рискованно, конечно, ведь ремонт за свой счёт, но платить аренду плюс минус 2000 он был не готов. Оформил ИП и начал работать. Работал на совесть, поэтому агрегатор часто подбрасывал ему, выражаясь языком таксистов, жирные заказы. Однако у каждой медали есть обратная сторона. Евгению хронически «везло» на пьяных и неадекватных пассажиров. И вот тому примеры.

История первая. Евгений работал днём. Несмотря на утренние и вечерние пробки, он не хотел сбивать свои биологические часы и предпочитал ночью спать. Да и пассажиры днём были более адекватные, чем ночью. Но не в этот раз. Он подъехал к дому, где его ждала семья: мама, папа и девочка лет четырёх. У Евгения не было детского кресла, но родители упростили его взять их, и он, скрепя сердце, согласился. Расплатился

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великоросъ» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

наличными отец семейства, который сидел рядом с ним. Сзади хлопнула дверца. Евгений понял, что все вышли, и уехал. На двух следующих заказах пассажиры садились на переднее сиденье, а вот на третьем заказе девушка села на заднее и спросила Евгения, его ли это ребёнок. От неожиданности тот резко затормозил, создав аварийную ситуацию. Спас, естественно, профессионализм. Однако когда он оглянулся назад, то увидел дочку тех самых родителей, которые уговорили его взять их, несмотря на отсутствие детского кресла, эту чудесную светленькую девочку, которая сидела тихо как мышка и смотрела в окно. Евгений довёз девушку и позвонил в «Яндекс» предупредить о том, что отключается в связи с чрезвычайной ситуацией. Адрес горе-родителей он помнил. Это был высокий одноподъездный дом, во дворе которого на лавочке, как птички на жёрдочке, сидели старушки. Евгений помог девочке выйти из машины и, взяв её за руку, повёл к подъезду. На вопрос, знают ли они родителей этого ребёнка, бабушки ответили утвердительно и, многозначительно покачав головами, сообщили номера этажа и квартиры и помогли войти в подъезд.

Женя поднялся на указанный этаж и, спрятав девочку за спину, позвонил в дверь. Через секунду на пороге возник папа. На вопрос, не забыли ли они что-то в машине, мужчина позвал: «Мать! Выйди сюда!». В коридоре нарисовалась мама. Женя повторил вопрос. «Да вроде нет», – последовал ответ. И тогда Евгений вывел из-за спины девочку, которая нетвёрдой детской походкой шагнула через порог. Мама молча взяла её за руку, а другой захлопнула дверь. Ни тебе «спасибо», ни тебе «пожалуйста». С одной стороны, он был возмущён. У него самого была дочь, которую он просто обожал. Поэтому ему было совершенно непонятно, чем руководствовались эти родители, оставив ребёнка в машине. А с другой стороны, Евгений был рад – он вернул дочку родителям. Пусть и таким неадекватным.

История вторая. Таксисты обожают работать под Новый год. За две недели до всеми любимого праздника ценник взлетает в три раза. Хочешь – плати, не хочешь – катайся на общественном транспорте с пакетами и сумками, полными подарков. Некоторые таксисты работают в сам праздник, но Евгений любил встретить его в кругу семьи. Вот и в этот раз в канун этого Нового года он довёз пьяного в стельку пассажира по адресу, помог ему выйти из машины и нажал кнопку «домой». Он знал, что дома жена с дочкой уже нарезали салаттики, а любимая тёща испекла праздничный пирог и поставила мариноваться кусок купленной на рынке свинины. Предвкушая, как они будут всё это уплетать, как только он вернётся из рейса, он принял следующий заказ. Конечный адрес был в пятнадцати минутах езды от его дома, где вкусно пахло мандаринами, пирогом и салатом «оливье». Пассажир сел сзади. Не успели они проехать полпути, как он сообщил Евгению, что нашёл барсетку, причём весьма пухлую. Женя мгновенно сообразил, что оставил эту вещь тот пьяненький мужичок, который жил на другом конце города. Но делать нечего. Чужое он никогда не брал. Доставив последнего пассажира до дома, практически до своего, Евгений позвонил потерявшему барсетку. Трубку долго никто не брал. Но Евгений был настойчив. Услышав наконец сонный пьяный голос, Евгений как можно короче рассказал ответившему о находке. Услышав эту информацию, человек на том конце провода мгновенно протрезвел. «Ради Бога привезите мне её. За отличное вознаграждение», – услышал Евгений и рванул по предыдущему адресу.

Москва уже потихоньку начинала двигаться нормально. Когда Евгений доехал до нужного дома, ему навстречу кинулся тот самый пассажир. Он был трезв как стекло. Долго тряс ему руку, благодаря за возвращённую вещь, а потом протянул две красненькие купюры. Евгений даже присвистнул от неожиданности. 10 тысяч?! Вот это новогодний подарок! «Прости за любопытство, но что у тебя там?» – спросил он. Ответ пассажира ошарашил Евгения: «Деньги. Я сегодня родительский дом в деревне продал. Детство у меня там прошло. Тяжко было, вот с мужиками и принял на грудь». Евгений выслушал объяснения и сказал: «Мужик, ты в следующий раз, когда будешь денежные дела проворачивать, сначала деньги в банк или домой хотя бы отвези, а потом пей. А то мало ли сейчас желающих нагреть руки на пьяных. Тебе крупно повезло, что ни пассажир, который нашёл твою барсетку, ни я её не открывали. Ведь не каждый живёт по совести». И радостный помчался к новогоднему столу, где его ждала семья.

Тамара Викторовна Потёмкина – член Союза писателей России, член Российского союза писателей, кандидат исторических наук, доцент. Автор четырёх сборников стихов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель московских литературных конкурсов (2014-2016), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016), лауреат Международной Бунинской премии (2017). Награждена знаком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина.

Живёт в Москве.

«Улыбайтесь, люди!..»

Планета любви

Ухватившись за хвост кометы,
Полечу сквозь звёзды вперёд –
Я хочу отыскать планету,
На которой любовь живёт.

Растворюсь там, в пурпурной неге,
И исчезнет из сердца боль.
Позабуду о ветре, снеге,
О разлуках и спорах с тобой.

Там любовь одна лишь витает,
И чисты, словно дети, души,
Ни тревог, ни зла не бывает,
И ничто покой не нарушит.

Но, боюсь, заскучаю скоро
По краям, где страсти кипят,
Где борьба и ночные споры,
Ошибаются и грешат,

Где покой сменяет ненастье,
То жара, то метели вой,
Где без слёз не бывает счастья...
И вернусь на Землю, домой.

Всё больше небожителей в моей судьбе,
Всё меньше тех, кто дорог, – на матушке-Земле.

Всё мимолётней встречи, с горчинкой радость,
Лишь в памяти осталась свиданий сладость.

Пока ещё мы живы, всё можно изменить,
Дружить не виртуально, реально вместе быть:

В театрах, на прогулках, в музеях и кино,
Сидеть в кафе подолгу, пить терпкое вино,

Ходить друг к другу в гости, петь песни за столом,
Мечтать, смеяться, плакать и спорить обо всём,

Махнуть на чью-то дачу и жарить шашлыки,
Сидеть под звёздным небом и слушать плеск реки...

Неведомо нам, сколько отпущено судьбой.
Пусть не исчезнет дружба и не умрёт любовь!

Предрасветные мысли

Скоро встанет солнце, заскользит по веткам,
Заискрится снегом сонная земля,
И Господь на лицах всем поставит метки –
Добрые улыбки, от беды храня.

Тот, кто Божью метку как награду носит,
Радостно, удачно день свой проведёт.
Ну а кто улыбку с губ с досадой сбросит,
Не достигнет цели, ему не повезёт.

Улыбайтесь, люди, не гневите Бога,
В мир любовь несите, радость и тепло,
Будьте милосердны, доброй вам дороги,
Пусть от счастья будет на душе светло!

ПРОЗА

Александр АНДРЮШКИН

Взаимное убийство

Два человека, которых я уважал, убили друг друга: не совсем в уголовном смысле, но как два писателя, чьё творчество несовместимо.

Так ведь и бывает: один, более старший и влиятельный, закрыл путь другому, и у того все силы ушли, чтобы пробить заграждение. На этом он надорвался, хотя обходную дорогу нашёл. Но вопрос: а где же обратное убийство и что заставляет меня говорить о взаимном уничтожении?

Об этом и рассказ.

Первого, старшего из двух, звали Евгений Васильевич Кутузов, это был классический седовласый «мэтр», руководитель нашего литературного объединения в Ленинграде в 1980-е годы. О Кутузове говорят его книги: сильный прозаик, о нём я уже писал, и не раз.

Второй был Андрей Жуков, как и я, начинающий писатель, но закончивший Литературный институт в Москве. И вот что удивительно: понадобилось тридцать пять лет, чтобы я уяснил их взаимную неприязнь!

Догадался только на похоронах Жукова в две тысячи двадцатом году, когда сказал, на кладбище Зеленогорска, примерно так:

– Покойный был человеком с достоинством, он не лебезил и не бегал, как некоторые из нас, добиваясь публикации... И вот сборник молодых авторов «Точка опоры» за 1989 год: меня туда включили, а Жукова – нет...

Как только я произнёс это, увидел блеснувшие глаза дочери Жукова, и тут всё понял. Молодая женщина в чёрном организовывала похороны, над могилой сделала так, чтобы слово дали мне первому, но, как только я объявил, мол, «меня напечатали, а его нет», в её мозгу словно щёлкнуло. «Это враг, один из тех, кто не признавал творчество папы и мешал ему».

Разумеется, она знала, что с признанием у Жукова не всё в порядке: ни одной ведь книги. Хотя на солидных интернет-сайтах его проза

Александр Павлович Андрюшкин (1960 г.р.) – прозаик, литературный критик, историк, член Союза писателей России (билет 9057). Печатается с 1989 г., первое опубликованное произведение – рассказ «Полдома в деревне» («Точка опоры», сборник прозы молодых авторов. Л., «Лениздат», 1989). Работает Исполнительным директором АНО «Христианское служение».

Живёт в Санкт-Петербурге.

присутствует. Но сама дочь Андрея Жукова Татьяна тоже ведь литературой не занимается, в писательском доме я её не видел, дай Бог, чтобы она или ещё кто-то собрали посмертную книгу Жукова.

Я был единственным писателем на похоронах, вообще-то многолюдных, показавшихся мне «княжескими». Около тридцати каких-то не знакомых друг с другом мужчин, самых разных сословий и обликов, он ведь занимался недвижимостью в Зеленогорске, много лет строил себе (а точнее – своим детям) большой двухэтажный дом, это и было его главным делом, наряду с литературой.

...Итак, «меня напечатали, а его нет». Лишь когда сам что-то произнесёшь, тогда и поймёшь, так бывает.

Об этом я и хочу кое-что сказать: об отборе в советском искусстве.

Сколько раз мы слышали небрежный трёп звёзд эстрады:

– ...Мне как-то позвонил Шаинский, и мы...

– ...И вот я однажды заметил Алле: а что если бы в концерте...

«Мне вечером позвонил такой-то...» «Я однажды сказал такому-то...» – Но ведь речь шла о миллионных, да что там – о миллиардных суммах!

Яркая песня приносит такую же прибыль, как завод или фабрика, и люди эстрады это прекрасно знают, зачем же они врут о «разговорах невзначай»?

«Мы болтали о том, о сём, и вдруг композитор Дербенёв предложил...»

Мне скажут: просто есть два способа принять решение. Один: беседа доверяющих друг другу людей, может быть (в Америке), при игре в гольф. Пара слов – и всё понятно. И другой путь, назовём его нервным: все переговоры – под протокол, перед каждой встречей запрашивать, готова ли сторона сделать следующий шаг, если нет – и встречи не будет.

Напряжённый и расслабленный стили – это я понимаю... Но спрашивается: в каком стиле руководил нашим литобъединением Евгений Васильевич Кутузов?

«Мэтр» может решить насчёт кого-то: этот человек мне не подходит... И путь ему закрыт! Тот хлопочет и шумит, острит и повышает голос, но руководитель-то уже увидел в нём неудачника. И сколько ни присутствуй и ни участвуй, никуда тебя не позовут. Однако же раньше или позже изгой об этом догадается, и не захочет ли отомстить?

Талантливых начинающих у нас было больше, чем позже – писателей состоявшихся. Таково правило: самые одарённые бывают, порой, и наименее устойчивы: их что-то сбивает с ног и уносит.

Талантливый Коля Марков-Черанёв (вначале печатался под псевдонимом «Борис Марков», потом под своим настоящим именем Николай Черанёв) пережил душевный недуг и бросил писать; так же поступил почти гениальный Сергей Фёдоров. Но они хоть опубликовали каждый по десятку сильных рассказов. А были и те, кто не увидел в печати ни одной своей вещи, хотя у них – как это случается у начинающих – имелись тексты необыкновенные, на грани то ли безумия, то ли создания новой религии.

Единственная ошибка этих людей состояла в том, что они не умели разбавить свой талант банальностью, предлагали спирт невозможной крепости, но его градусы ведь полагается понижать хотя бы до водки, а ещё лучше – до безвредного «виски с содовой».

Профессионалом писатель становится, когда научается быть заурядным... Учителя правы, отбраковывая самых одарённых. Некоторые из них могли бы стать ещё одним Иисусом или Магометом, но нужен не «ещё один», а поклонение тому самому: из Назарета или из Мекки (или Ульянову из Симбирска).

Увы, и пишущий эти строки чуть не был зачислен Кутузовым в «ненужные гении»... Я попал в сборник «Точка опоры» лишь тогда, когда Кутузова от него отстранили. Убей Бог, я не намекаю на причинно-следственную связь, хотя признаюсь: моё зрение устроено именно как-то так. Я сознаю, что это ошибка, но ничего не могу поделать. На третьем курсе университета я подрался с двумя хулиганами, они меня избили и, обыскав сумку, зачем-то забрали зачётку, я написал заявление в милицию, однако замдекана по-дружески мне объяснил: «Я понимаю, что вы, скорее всего, правы, но выговор – стандартная процедура, мы должны объявить его за утерю зачётки».

После того, как мне объявили выговор, замдекана потерял должность, и я его видел на факультете в какой-то каюющей позе. Уныло он торчал в коридоре, когда после занятий я выходил из аудитории. Мне и в голову не могло прийти, что он мог быть наказан за меня, а вот сейчас я думаю, что замдекана действительно обидел не только меня, но ещё нескольких так называемых «хороших людей» (скорее всего, из числа влиятельных преподавателей), за что и поплатился. В моём случае – в смысле зачётки – он был прав, а может быть, я тогда ещё не научился настаивать на своей правоте.

Кутузов тоже, наверное, был прав, когда сказал мне – после публикации «Точки опоры», составлял которую уже не он, – что не считает мой рассказ «Полдома в деревне» удачей. Мне и самому рассказ не совсем нравится, я не включал его позже в сборник моей прозы.

Но публикация состоялась, и мы – восемнадцать взятых в книгу авторов – ходили именинниками. С нами на эти рассказы заключило договор крупнейшее издательство Ленинграда, с нами работал редактор, и сборник с узнаваемой обложкой продавался в книжных магазинах. Жукова в «Точке опоры» не было, как не было его и в следующем (опять меня опубликовавшем), последним из этих сборников, выпуск которых остановило падение советской власти.

Андрей, однако, вовсе не выглядел обиженным, держался бодро и – скажем так – по-царски; быть может, именно это и вызывало зависть Евгения Васильевича Кутузова. Сильный, выдающийся человек, Кутузов тоже был не свободен от этих некрасивых чувств. Но он был коммунист, Кутузов, и он чувствовал и в Жукове, и во мне что-то несовместимое с так называемым духом партии.

Вот первое обсуждение прозы Жукова на литобъединении Кутузова, при Ленинградском отделении СП СССР, в Доме писателя на улице Воинова.

Андрей коротко рассказал о себе: живёт в Зеленогорске, работает сторожем, учится в Литинституте. Литинститутский руководитель Шугаев дал им задание: дескать, распространён так называемый «противоречивый» герой, а давайте напишем праведника! «И вот что у меня получилось», – сказал Жуков и начал читать рассказ «Корявый», о финском рыболове. Я заслушался: так завораживал показ Балтийского моря, его заросших тростником отмелей и тяжёлого труда необразованного, пропахшего рыбой человека.

...Мне и в голову не пришло, что от начала до конца всё, что говорил и читал Жуков, возмущало и оскорбляло Кутузова. Во-первых: что такое «рыболов»?

Это кто, работник совхоза или частник? Если последнее, то он враг советской власти! Жуков упирал на бедность героя, мол, сети он подобрал: предприятие их выбросило как не подлежащие починке, а Корявый заштопал и использует не первый год. Где государство оставит щель, там кустарь найдёт пропитание. Жуков писал вроде бы «жизнь как есть», не очень осмысляя то, что видит, но Кутузов-то начинал как партийный журналист и знал, что любая зарисовка имеет смысл.

Это во-первых. Во-вторых, даже упоминание Литинститута и «руководителя Шугаева» должно было вызвать ревность нашего мэтра. Кутузов-то литинститутов не кончал, он ищачил в партийных газетах, где от человека на крохотной ставке требуют большое количество статей, да ещё и могут «раздолбать» за неверную точку зрения.

Я полагал, что пришёл в храм искусства, где ценят лишь так называемую одарённость и платят за неё. Артистизма и Жукову было не занимать, но за дверьми той комнаты, где мы сидели, таких артистов можно было насчитать сотни и даже тысячи, и однако они сюда не попали, а почему? Потому что требовалось направлять талант в нужную сторону, а у Жукова этого, кажется, не было, да и у меня, многогрешного.

Конечно, если ты учишься, ты должен назвать свой вуз (даже если это Литинститут), но ты обязан как бы извиниться и дать понять «мэтру», что ты именно в нём видишь настоящего наставника. (А ещё лучше – учиться жизни где-нибудь на заводе, а не «работая сторожем», как проболтался Жуков.) Вообще ученик должен быть умнее учителя, а подчинённый – умнее начальника, таково условие успешной карьеры. И были, были среди нас те, кто обыграл бы нашего гроссмейстера, если бы мы учились шахматам.

...Жуков заканчивал читать свой рассказ. Он подробно описал труд рыбака по прозвищу «Корявый» и его полунищий быт. Старик, бесконечно латающий сети и заделывающий дыры в лодке, нагнал бы скуку, и Жуков оживил рассказ любовью. Он ввёл второго героя, юношу, похожего на себя, и показал краешек жизни на природе и в то же время не лишённой городского уюта, – словом, то, что мы называем «дачной жизнью». Стёклышки летней веранды и её стенки из тонкой доски: никаких задач кроме борьбы с дождём и комарами у таких построек нет.

Его юноша увлёкся взрослой женщиной, и вот в конце он видит её «бугристый сосок», и «весь мир его разлетелся на тысячу осколков»...

Наверное, имелась в виду любовь юноши с этой женщиной, но телесной откровенности Жуков избежал, оставив нас во власти не то романтической дымки, не то подразумеваемого взрыва...

Чтение закончилось. Кутузов держался бесстрастно. Вообще само обсуждение уже было наградой, мне этой чести оставалось ещё ждать. Большинство приняло рассказ скорее доброжелательно, только один – Алексей Грякалов – раскритиковал. Тогда кандидат философских наук, но в скором времени – доктор, Грякалов писал талантливую прозу, хотя все понимали, что литература – не главное в его жизни. Вузовская наука – вот где Грякалов зарабатывал и чем жил.

– ...Всё хорошо и прекрасно, – заговорил Грякалов, – и я скажу заранее, что далеко не являюсь поклонником Фрейда... Но здесь Фрейд однозначно поставил бы диагноз: «Эдипов комплекс»! Не в обиду Андрею...

Это был приговор... В те годы уже никто не применял классовых терминов. «Частник», «кустарь», «работник совхоза». Нет; мы вроде говорили о чистом искусстве, но ведь вопрос, что лучше, капитализм или социализм, сидел в головах.

Грякалов сказал с нажимом, как ставят точку в анекдоте. И каждый был волен судить, над кем он посмеялся: может, над Жуковым, а может, над собой, над Фрейдом, над Кутузовым...

Шли годы. Жукова не только не включили в сборник «Точка опоры», не взяли его и на Конференцию молодых писателей Северо-запада. Я участвовал в двух таких мероприятиях, и перед первым из них Кутузов разыграл представление. Рукописи на конференцию принимали двое: старик-литконсультант Герман Гоппе и его молодой помощник Сергей Ковалевский, талантливый поэт, которого можно было принять либо за безумца, либо за большого начальника, иного выбора он не оставлял. Я вошёл в комнату, где сидел в одиночестве Ковалевский, – Гоппе как раз вышел, – и сказал, что хочу спросить насчёт конференции.

– А поезд ушёл! – мстительно объявил, почти выкрикнул Ковалевский. – Рукописи не принимаются! Вы не туда попали, молодой человек! Я ничего не приму, и вообще, я занят, выйдите! Вы мне мешаете!

Такого залпа я не ожидал, хотя не растерялся:

– ...А я разве что-то вам предлагаю? Я из семинара Кутузова, с ним буду решать.

В этом, кажется, и состоял задуманный Кутузовым спектакль. Нужно было, чтобы мы почувствовали себя в шкуре «самотёка», тех сотен претендентов, кого и обязан был отшивать Ковалевский. Кутузов же спокойно мне сказал, чтобы рукописи я сдал старосте семинара Коле Маркову, а потом добавил на заседании нашего ЛИТО:

– Все участвуют, все в списках.

И действительно, в нужный день в Шереметьевском дворце я нашёл свою фамилию на листке одного из семинаров, им руководили писатели Леонард Емельянов, Алексей Леонов и Алла Драбкина.

На открытие конференции, в наполненный – но не до отказа – большой зал Шереметьевского дворца прибыл из Москвы писатель Сергей Залыгин, не на пустом месте знаменитый. Выступил почти неприлично коротко, это и удивило, и запомнилось. Потом все разошлись по рабочим группам. Читали отрывки, обсуждали, в конце высказывались руководители. Алексей Леонов заявил:

– Думаю, скоро мы увидим и книгу Андрюшкина...

Это был перебор: книги моей короткой прозы я не увидел до сих пор, хотя с того дня прошло лет тридцать пять. Жуков сидел в стороне, на красном бархате одного из позолоченных диванчиков. Позже я спросил, что же он не выступил, Андрей ответил:

– Я пришёл, когда уже «заговорили пушки»...

Юмор я оценил, но не понял главного: сам-то он – участник ли конференции? Если нет, то у него и прав не было бы выступать.

...Однажды мы сидели компанией внизу, в ресторане Дома писателей, и Жукова навели на разговор о Набокове.

– В Литинституте его уважают... – сообщил Жуков.

– Да ты что? Ведь он эмигрант!

– Ну... Курс взят именно в эту сторону. – Жуков обеими руками показал направление.

А ведь шёл примерно восемьдесят седьмой или восемьдесят восьмой год, советская власть оставалась в полной силе. Я спросил Жукова о романе Дудинцева «Белые одежды», Андрей ответил, что не читал:

– Я этих, нашумевших, сразу не хватаю, пройдёт годик-два...

Получалось так, что Жуков – знаменитость, которой мы, неприобщённые, задаём вопросы. Как, мол, в Москве смотрят на Набокова, на Дудинцева.

... На той конференции конца восемьдесят шестого года Кутузов явился в наш семинар на второй день, в замшевом жёлтом пиджаке и с коричневым портфелем. Попросил молодых выйти и уединился с руководством. Не скрывал, что принёс выпивку, – и вот сегодня, оглядываясь, я пытаюсь понять: чем же он звенел в этом портфеле?

Руководителей семинара было трое, он – четвёртый, следовательно, что там у него было – четыре стакана? Распили на четверых бутылку – но чего? И не унижительно ему было, словно официанту, доставать, потом убирать стаканы? Впрочем, стаканы он как раз оставил на стоящем возле стены старинном столике орехового дерева, не убирал и не уносил.

А мы с торжественной тревогой ждали на площадке дворцовой лестницы. Вновь появился Кутузов, с покрасневшим весёлым лицом, объявил:

– Всех признали гениями! – и захохотал.

Опять? Выходит, мы не сами что-то значим, а лишь потому, что за нас замолвил слово Кутузов?

Из участников этого семинара я помню четверых кроме себя: может, нас и было-то пятеро. Волчкова, Каралис, Лепихов и ещё некий Станкевич, чьи рассказы удивили раздумчивым и неторопливым показом жизни старика и старушки. Пожилая чета живёт в удобной городской квартире, старик, кажется, вообще ничем не занят кроме питья кофе и прогулок. И в то же время чувствовалось болезненное неприятие... Почти ненависть к этим старикам молодого автора. Станкевич в каждом движении и вздохе старика находил что-то неправильное, вину какую-то. Я так и сказал во время обсуждения:

– Надо же и положительное видеть, в старшем-то поколении...

При этом один из руководителей взглянул на меня со значением, которого я не понял. Позже выяснилось, что этот молодой автор – сын Кутузова, «Станкевич» – его псевдоним. Гена, и правда, отца своего боготворил и в то же время очень сильно не любил, это я правильно угадал по его прозе.

... Но в этом рассказе («Нарисованный очаг») – неужели он в виде старичков изобразил своих отца и мать? Ведь его отцу было тогда всего лет пятьдесят пять, а старикам в рассказе – за семьдесят. Значит, изображено было пред-предыдущее поколение и то, как неприязненно относился к нему писатель Евгений Васильевич Кутузов?

Удивительное раздвоение сознания было у Гены Станкевича-Кутузова, которого я позже хорошо узнал. Ничего кроме скепсиса по отношению к отцу он ни разу не высказал, но вся жизнь его была почитанием отца.

Отец был пьющий, сын – трезвенник, может, дело в этом? А может, жизнь всегда (не только при советской власти) полубессознательна?

Конференция молодых писателей была делом непростым, как и вообще работа литобъединений. Мне тогда и в голову не приходило, но руководитель кружка обязан был иметь план работы и писать отчёт по каждому заседанию, хотя бы в трёх фразах: что обсуждали и высказались ли «за» или «против». Так это делается на Западе и в России сегодня, и так должно было быть тогда в СССР.

И конференция молодых должна была иметь некое официальное отражение, может быть, и протоколы заседаний, а ушлый человек получил бы и выписку. Например, руководитель сказал: «Мы увидим книгу Андрюшкина». Будь Андрюшкин поумнее, он нашёл бы способ получить это мнение в письменном виде. Собрал бы книгу и с приложением такой рецензии её бы уже приняли в издательстве.

Вместо этого я, как мудрецу, смотрел в рот Андрею Жукову и запоминал его мнения, и даже позабыл узнать, допущен ли он к участию в конференции.

Что оно такое – белёсое, выцветшее море под Зеленогорском, Сестрорецком?

По большей части я вижу его в ясные «пляжные» дни: оно кажется белым куском оргстекла под горячим солнцем. Но всё время есть туман или дымка, молочный оттенок – наверное, самая главная черта Финского залива.

Об этом море много писал Андрей Жуков, об одиноком рыбаке в лодке, на якоре, в километре-двух от берега... Лист белого стекла и скрюченная фигурка; крики чаек, у берега – целые поля тростника...

Быть может, это иногда даже не промысел, а разновидность безумия, часами сидеть, глядя на поплавок... Но, во-первых, промысел тут всё-таки есть: ловят сетями, и сетевые полавки видны даже в пляжных зонах.

Во-вторых, и это главное, море неизбежно рождает глазомер, настроенный на большие расстояния. Самый плохонький рыбачок-кустарёк в ветхой лодке всё-таки прокладывает курс и меряет дистанцию милями.

Неужели здесь оно и лежало, соперничество Жукова и Кутузова? Второй начинал рабочим на заводе, оттуда вышел в партийную журналистику и в писатели, но сохранил пафос металлурга. Рельсы, которые мы делаем, складываются в тысячи километров.

...Хорошо, – сказал бы Жуков, – но и я не просто смотрю на море, а тоже считаю километры: до Выборга, а если тумана нет, то и до финской границы... Вот образчики прозы Жукова, отрывок из рассказа об очередном рыбаке:

«С конца июня, если погода не штормовая, судак хорошо клюёт круглые сутки, но обычно под вечер, когда солнце тускнеет, жара спадает, малиновая пелена окутывает запад, а воздух звенит от комаров, уходят от берега лодки. В некоторых по нескольку ловцов, в большинстве по двое, а в иных по одному. Есть особенное удовольствие в том, чтобы в одиночку справляться с тем, что обычно делают двое.

Сначала гребёшь сразу подальше от берега. Для тебя затихает гул суетливых земных дел. Море беспредельно велико до идеальной видимости. Успокаивает тёплый легкий бриз. Почти беззвучно плещет волна о лодку. Скрип вёсел ритмичен и для тебя как будто неслышен...»

Вот из другого рассказа, в котором описан не рыбак-единоличник, но бригада из рыболовецкого совхоза. В связи с чем хочется вздохнуть: эх, Жуков... Показал-таки советскую бригаду, но когда! После 1991-го, когда частный строй вернулся в Россию. А в социалистические времена живописал еди-ноличника «Корявого»... Надо было бы поступать наоборот, но всем нам легко другим советовать... Читаем в рассказе «В счёт вечности» такое описание рыбацкого труда:

«Море в утренние часы было покойно, вода слегка бликовала под нарастающим солнцем, над всей акваторией кружили чайки.

Особенно крикливы они были вблизи заколов. “Есть в них рыба”, – по этой примете определили мы. В нескольких милях мористее в дымке маячил силуэт рыбоприёмника, корабля из Таллина, принимавшего салаку на борт и перерабатывавшего её в своём чреве.

Первую мережу в свою лодку мы переваливали с будоражащей радостью. Салака голубым серебром растекалась в лодке. В сапогах, по самые колени в рыбе, стараясь не давить её, улыбками подбадривая друг друга, мы снова-ли от борта к борту. Улов, в тонны полторы, так нагрузил лодку, что вода из моря при малейшем качке готова была через борт хлынуть внутрь. Нас спасал полный штиль. Осторожно отчалив от закола, направились к кораблю. На кран-балке нам спустили бадью в полтонны вместимостью. Загружая её сачками, мы подали, в три приёма, всю рыбу на палубу. Подошла наша вторая лодка. Улов такой же. Сердца наши бились учащённо. День обещал большой заработок. Подтягивались с моря лодки и других бригад. Капитан увидел, что у них столь же много рыбы, и сказал: “Баста! Следующую лодку разгрузу через полтора часа”. Мощности корабля хватало на переработку трёх тонн в час. Капитан не хотел скапливать улов у себя на палубе, он мог бы начать портиться под всё выше поднимающимся солнцем. Но у нас-то рыба оставалась невытряхнутой ещё из десятка заколов. Судя по началу, мы могли бы привезти её на корабль тонн тридцать. Что делать? Ждать? ... Сходили на лодках к берегу, до причала, взяли водки, дать капитану, задобрить, чтобы от нас принимал рыбу без очереди...»

Итак далее, и так далее...

Кстати, видно по отрывку: он написан всё-таки после 1991-го года. При социализме сцена показалась бы бестактной, «критиканской», ведь она о чём? О плохом планировании, о несовпадении имеющегося товара и мощности для его переработки, что и случалось – увы – сплошь и рядом. (Хотя ход рыбьих косяков никаким планированием не угадаешь.)

Цитировать больше не буду, нужно только добавить ещё одну фразу из Жукова, из того же рассказа «В счёт вечности», из которого взят приведённый выше фрагмент:

«Рассказывал мне это старик, который и в девяносто лет по-русски говорил хуже чем по-шведски, а обоим этим языкам предпочитал родной финский...»

Старик-финн... Деталь немаловажная! Между прочим, и она могла послужить предлогом для отклонения прозы Жукова. (Я не следил так уж

пристально за ним, но знаю, что отклоняли его рукописи не раз.) Я уже говорил, что впрямую в поздние советские годы никто никого не обвинял во «вражеской пропаганде», но подразумевать могли и даже должны были. А тут вполне понятно «парень подставляется»: возвеличивает не просто кустарей, рыбаков-частников, но ещё и финнов, а почему? Других, что ли, нет национальностей, финских евреев, например?

Итак, в советские годы Жуков опубликоваться не смог. Потом я встречался с ним в девяностые, в начале двухтысячных... Он жил всё так же в Зеленогорске, однажды помог нам с женой найти и снять на лето верхние пол-этажа хорошей дачи, недорого. Посредничал в недвижимости, гордился тем, что рассказы его были вывешены на сайте Зеленогорской администрации, в разделе «Культура».

Последний раз я видел его примерно в году две тысячи пятнадцатом. Он мне показал выстроенный им дом: огромный, двухэтажный, снизу каменный, сверху деревянный. Строение, достойное богатого финна или нового русского! Но непросто это далось: в отличие от тех, кто имеет деньги и заказывает себе такой дом, Жуков и строил сам, и материалы сам где-то доставал (не буду делать бестактных догадок). «Посредник в недвижимости», это звучало красиво, но реально он где-то работал сторожем. Думаю, он надорвался, строя этот дом: сторел от рака желудка, умер в шестьдесят пять лет.

В последние лет десять он был в Зеленогорске достопримечательностью. Сознательно играл роль чудака, ходил с резной палкой-клюкой, на вопрос о графике работы отвечал: «Меня всегда найдёшь на пляже Зеленогорска». – «Где, в каком месте?» – «Прямо напротив каменного мола, моя точка там, меня все знают».

Я не верил, что такое расплывчатое обозначение чего-то стоит, но однажды летом завернул туда – и сразу, ещё издали, его увидел!

...Но давно пора описать внешность Кутузова и Жукова! Оба они были выше среднего роста, Жуков – брюнет, с чертами лица слегка азиатскими. Толстые губы, узкие глаза. Происхождение смешанное, возможно, кто-то из предков относился к финнам или карелам. Кутузов уже в пятьдесят лет был полностью седым, так что о цвете его волос я судить не могу. Глаза серо-голубые; о происхождении своём он сам написал в автобиографическом романе «Полёты во сне и наяву, или Игра в бирюльки»: смешанное происхождение... (У кого в России оно не такое?)

...Итак, я вижу Жукова (загорелого до тёмно-коричневого оттенка) на пляже в Зеленогорске, год – примерно две тысячи десятый или чуть позже. Жуков был не один, пара дружков с ним, и видно было, что они не знают, как к нему относиться: то ли как к сумасшедшему, то ли уважительно... Мне показалось, он чего-то испугался, заметив, как я подхожу, и сразу решил блеснуть чутьём на погоду.

– Вон тучка! – Жуков показал на безоблачный горизонт. – К ночи гроза будет.

– Да ну? – не поверили мы в один голос.

– Запомните мои слова...

Слова я запомнил, но, как часто бывает с прогнозами, проверить забыл, ибо «к ночи» уже был в Петербурге.

Писал он, мне кажется, чем дальше, тем всё меньше и реже. Я ему отредактировал пару рассказов, заметил в них много небрежностей и ошибок. Вряд ли с таким качеством текстов его приняли бы теперь в Литинститут, что же случилось?

Возможно, Жуков, как тот старик, за всю жизнь не научившийся русскому языку, тоже в нём «не делал прогресса». Бывает ведь, что люди разучиваются писать, их ошибки лезут в глаза. Но мне кажется, рассказы стоят того, чтобы их обработать.

Аумаю, я достаточно сказал о том, как Кутузов «убил» Жукова. Ничего непонятого здесь нет: влиятельный писатель отказался помогать начинающему; может быть, где-то и высказал свой вердикт, который сделался известен, и другие тоже не стали помогать Жукову.

Но вот как Жуков (и подобные ему) в ответ убили Кутузова? Почему я назвал рассказ «Взаимное убийство»?

Ответ: пьянство Кутузова. Назовём вещи своими именами: он просто-напросто спивался и окончательно превратился бы в алкоголика, если бы не «подоспел» пенсионный возраст. Как известно, пенсионерам при Ельцине пить было не на что, и это некоторым из них спасло здоровье.

Но пока Кутузов был при гонорарах и должностях... Тут пьянство его принимало, порой, размах безудержный! И это и было своеобразной мезью ему со стороны России, ответом со стороны «недобитой великодержавности». Или, может быть, ответным ударом русской генетики, которая оставалась фундаментом его собственной нервной системы.

«Вы победили, интернационалисты! Прогресс правит, а всякие рыбаки-кустари влачат жалкое существование...» Но почему же не чувствуется праздника в победе? Почему для ликования нужна водка, коньяк, и ещё раз водка? Да потому, что он оставался русским, Кутузов, и о русскости ему напоминали, в том числе, и те «литературные неудачники», чьи тексты он сам же отверг.

А уж как пил Кутузов... Кое-что я об этом написал в моей большой статье «Борьба в ленинградской культуре 1970–90-х годов». Повторяться не буду, но приведу здесь свидетельство, которое я не стал включать в эту статью. Это мемуарный текст профессора и писателя Александра Фёдоровича Новикова, названный им «Человек – кузнец своего». Здесь Новиков упоминает Кутузовского внука Владислава, которого дед называл «Скворчиком». Внук и внучка (дети Геннадия Станкевича-Кутузова) часто жили у деда с бабушкой на литфондовской даче в Комарово, там их и видел Новиков. С Геннадием Станкевичем-Кутузовым я и сейчас дружу, а Новиков, видимо, мало его знал, потому и не упоминает. Но шалости внука, в том числе и артистические, Новиков описывает ярко. Владик был любимец деда... Цитирую:

«Внуку надоело в песочнице, вбегает, дёргает дедушку за брюки, мешает разговору.

– На вот, скворчик, возьми, поиграй деревянной кружкой...

А через некоторое время:

– Ну-ка, покажи, Владик, как дедушка из Союза писателей приходит... Молодец! Хо-хо! Ха-ха!..»

Как именно изображал деда внук, угадать между строк Новикова вполне можно. Тем более что и сам Кутузов говорит: «как дедушка приходит». Не «однажды пришёл», не «иногда», а просто – «приходит». Сценка-то, пожалуй, страшная!

Неслучайно вскоре после неё Новиков добавляет и такое:

«Вспоминается эпизод...

Двор-колодец, ночная темень. Полупьяненький, он неловко пытается согнуть непослушную ногу, встать на колено, чтобы извиниться перед человеком за какую-то старую вину:

– Я ведь всё-всё помню: и как я поступил с тобой, и твой телефонный звонок, и твою игрушку для скворчика, на лестнице... Но я ведь тогда совсем не знал тебя.

– Да я уж и забыл всё, полно.

– Я, я не забыл!»

За что извиняется здесь Кутузов? Почти наверняка за то, что отверг рукопись, зарубил книгу (или просто не поддержал её), – а в издательских делах бывает, что «поезд ушёл», и если «мэтр» не подаст руку начинающему, тот останется на платформе как опоздавший. И дальше (извиняйся или нет) ничего уже не исправить.

Эти вот небольшие, но, в сущности, страшные детальки действуют на читателя сильнее, чем обобщающие суждения Новикова, чем, например, вот такое описание внешности Кутузова: «Когда-то бирюзовые, а теперь уже совсем выцветшие от времени и от многолетнего питья глаза с дьявольской проницаемостью стреляют в собеседников».

Увы, «многолетнее питье». Это и была мезь то ли собственных генов, то ли русской земли интернационалисту и коммунисту Евгению Васильевичу Кутузову.

Внучка его, слава Богу, жива и здорова, родила двоих детей, а внук Кутузова – упомянутый здесь Владик – уехал в Америку и там трагически погиб.

Царство ему небесное! И да помилует Господь души двух главных героев, описанных мною: Андрея Жукова и – всё-таки – выдающегося писателя Евгения Кутузова.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодежи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Иной полноты и не надо...»

Железняк – с нами

Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону...

М. Голодный

Признай, как работает мозг наш,
Душа на поверку идёт,
Когда по окопам наотмашь
Бьёт вражеский пулемёт.
Тихо сидим – как овцы,
За штык, за винтовку держась.
А справа от нас махновцы.
И слева какая-то мразь.
А что впереди, что прямо?
Туманно, незримо как сон –
Неведомая панорама –
Таинственный град Херсон.
Такая вот вышла дорога...
Не Невский проспект, не Арбат.
Штыки – их не так уж много
И десять всего лишь гранат.
Зато кто тогда был с нами?
Голос его – как флаг:
«Ребята! Пробьёмся штыками!
И десять гранат – не пустяк!»
Расскажут потом киноленты,
Напишут поэты в стихах.
А имя этой легенды –
Матрос-партизан Железняк.

Призыв – что ведёт и поныне.
Куда Украина идёт?
Бандеровцы на Украине.
Вперёд, ребята, вперёд!
Непобедимы ребята.
Реет над нами флаг,
Если в строю как когда-то
Наш командир Железняк.

Россия – страна восходящего солнца

В знаниях зная толк,
Вера любого японца:
Япония – крайний Восток –
Страна восходящего солнца.
Но вот – настоящий презент.
Быть истине более точной:
Камчатка – здесь наш президент
Заметил, что мы – восточней.
Отныне пусть знают умы,
Не очень стесняя японца:
Да, только Россия, и только мы –
Страна восходящего солнца.

Жизнь как версия

Век двадцатый на нас не обидится.
Мы – аскеты не без причин.
На мужчинах прогрессы зиждутся.
Нет у времени у мужчин.

Е. Дворников

Больной? Прокажённый? И что в голове?
Всё формулы, всё логарифмы,
Трактаты – в год по главе.
И лишь порою – рифмы.
Иное во мне не идёт –
Не ведаю, не принимаю.
Быть может, совсем идиот?
Живу, а об этом не знаю.
Но как себе ни кажись,
На мыслях каких ни висни,
Ты спросишь: а как же жизнь?
И сам ты в собственной жизни?
Но у меня есть ты.
С тобой всё легко и нетужно.
И знаешь, иной полноты,
Пожалуй, мне и не нужно.

Максим ВОРОБЬЁВ

Война за историю

Мы должны защищать историческую память нашего народа

Жизнь народа определяется его сознанием, а сознание и самоосознание невозможно без памяти. Без исторической памяти, накопленной за долгие века. Потому-то во все века сохранению памяти придавалось огромное значение и самим народом, и его правителями. Сохранение культурно-исторической традиции определяет индивидуальность народа, его цивилизационную уникальность. Преемственность поколений обеспечивает будущее любого народа. И всегда находились силы, жаждущие внести изменения в эту традицию в угоду тем или иным политическим интересам. Но в последние лет двадцать-тридцать эти усилия переросли в самую настоящую войну. Войну за память и душу народа. Русского народа. Началось ещё с перестройки. Как тогда были популярны эти «разоблачения» и заодно шельмования каждой более-менее заметной исторической личности! Как ими упоённо зачитывалась интеллигенция и околоинтеллигентская публика! Кому только не перемывали кости, от Зои Космодемьянской до Алексея Фёдоровича Лосева. Официальная историческая наука была объявлена политически ангажированной и потому не вызывающей доверия. В результате к настоящему времени мутный ручей компромата разросся до размеров наводнения. Оно и не удивительно. Война идёт на всех фронтах и в первую очередь за умы и сердца людей.

Переосмысление и новый взгляд на историю сейчас стали сверхпопулярны. Массированный поток информации обрушивается на неподготовленные головы. Фоменки, носовы, морозовы, неоязычники и западники, а также бесчисленное множество полуграмотных блогеров, желающих попиариться на модной теме, захлестнули информационное пространство России.

Надо сказать, что историческая безграмотность современного человека поистине безмерна.

Максим Зотикович Воробьёв – родился в 1966 г. Окончил ГЦОЛИФК (ныне РГУФКСиТ). С 1990 г. участвует во Всесоюзных соревнованиях по сверхмарафону. Мастер спорта Международного класса. Обладатель Кубка Европы по суточному бегу 1994 г. Неоднократный призёр чемпионатов России и Европы по сверхмарафону. В 2003 г. организовал Пуцинский городской общественный благотворительный Фонд детского спорта. Принимает активное участие в литературной и художественной жизни города и района. Регулярно печатается в местной и центральной печати. Составляли 2 персональные фотовыставки в Пуцинском музее, работы находятся в Русском музее Санкт-Петербурга, вошли в фундаментальный каталог первого фотобиенале Русского музея. Живёт в Пуцино.

Безграмотность российской молодёжи в отношении истории даже превышает её безграмотность в отношении родного языка. К несчастью, длится такая ситуация уже не один десяток лет. Потому-то так легко и верят каждому новому переоткрывателю истории, особенно если он умеет убедительно говорить и ведёт свой блог. Тщеславие и честолюбие, погоня за сенсацией заставляют забывать об объективности и беспристрастности. Ну, а кроме того, изучение истории уж больно длительный процесс. Слишком уж много литературы надо прочесть, буковок много, да ещё первоисточники эти... На всё это просто нет времени. А привлекать аудиторию и собирать лайки нужно сейчас. Посему хватается какой-либо исторический факт и начинает толковаться от ветра головы своей. Чем более несуразней и невероятней окажется новая версия, тем лучше. Зачастую – вопреки реальности, здравому смыслу и мнению компетентных историков. Главное, будет обеспечена сенсация и море лайков, от таких же недоучек. В информационном пространстве интернета такие «открытия» происходят по десяти раз на дню на протяжении многих лет. Разве может такое пройти бесследно?

И вот неглупый человек, имеющий высшее образования и даже патриотично настроенный, внезапно заявляет:

- Татаро-монгольского ига не было!
- Как так? Почему, откуда ты такое взял?

– Так монгольских завоеваний вообще же не было. Это же небольшой кочевой народ где-то на краю света заброшенный и забытый. Где уж ему было полмира завоевать.

- А как же война с Китаем, с Хорезмом, разорение Руси, наконец?
- Это всё историки придумали. Дурят народ.

Слушаешь такое, и даже обида за монголов берёт. Они-то точно не согласятся с таким подходом. Уж не говорю о десятках и сотнях тысяч русских, сложивших свои головы при защите родной земле и угнанных в рабство. Как будто всего того и не было. А ведь именно это и стремятся нам внушить. Ибо армия малограмотных блогеров – лишь послушное орудие в руках людей, стремящихся целенаправленно лишить русский народ (да и не только русский) исторической памяти.

«Вся история – мифы. Ты сам по себе. Имей свою точку зрения и никого не слушай». Вот девиз, которым пропитано современное интернетное сознание.

В информационной войне хороши любые средства. От недомолвок до явного вранья и подтасовки фактов. Интернет кишит поддельными, отредактированными и подретушированными фотографиями, высказываниями и даже документами. Но подретушированная, отредактированная истина – это ложь. Именно на лжи основано большинство современных, новомодных исторических подходов.

Событиям нападка подвергаются славные события и герои русской истории. Вот лишь несколько направлений атак.

Отрицание или приуменьшение значения Куликовской битвы. Очернение образов Святых равноапостольных князей Ольги и Владимира, Св. Александра Невского, других русских князей и правителей. Я уже не говорю о таких фигурах как Иоанн Грозный и Пётр I.

Нет ни одного героя русской истории, подвиг которого не попытались бы отменить, преуменьшить или охаять. От Ивана Сусанина до Александра

Матросова. Нет смысла приводить длинный перечень статей, в которых топчутся на костях героев и поливают их грязью.

Даже новейшая история подвергается «переосмыслению». Причём зачастую с противоположных точек зрения. Для примера можно вспомнить доклад американца Рэната Грасса: «Критический анализ официального взгляда на Аушвиц в свете химии и технологии», прочитанный в Москве аж в 2002 г. где на основе производительности крематориев отрицается не только геноцид евреев, но и массовое истребление людей в Освенциме вообще.

За двадцать лет многое произошло. В частности, были рассекречены архивы ФСБ и Министерства обороны, на основании которых можно говорить, что первоначальная цифра в 2 миллиона погибших в Освенциме может быть увеличена, по крайней мере, вдвое. Но цель американского историка была не в установлении истины. Характерны его слова, завершающие доклад: «Я предвижу, что скоро всё изменится».

И действительно, изменилось. Переосмысление итогов Второй мировой войны и приуменьшение роли СССР в разгроме гитлеровской Германии на Западе стали обязательным трендом.

В то же время недоверие к историческим фактам и профессиональным историкам прочно укоренилось в головах современных людей. Но свято место пусто не бывает, и в образовавшийся вакуум бурно хлынули самые фантастические и дикие теории, поданные под видом «научных исследований». В результате головы большинства россиян забиты историческими сенсациями, имеющими к реальности очень отдалённое отношение. А это – прямой путь к потере верных ориентиров в сегодняшнем дне. Можно ли полагаться на человека, имеющего искажённое представление о реальности?

Активно продвигается и альтернативная история неоязычников, которую иначе как воспалённым бредом и назвать нельзя. Сложно даже назвать высказываемые ими исторические идеи «псевдонаучными», поскольку в них отсутствует даже видимость науки.

Например, неоязычники, обозвавшие себя родноверами, отвергают подлинные исторические знания, обозвав их «иудео-материалистической наукой». Также отвергают они и христианство, именуя его «еврейской религией». Даже и святого равноапостольного князя Владимира в евреи записали. Вместо исторических знаний неоязычники руководствуются, мягко говоря, беспочвенными фантазиями, выдаваемыми за некое «истинное» историческое знание. Тут тебе и Велесова книга, и славянские руны, и всё, что только взбредёт в голову новоявленным неоязыческим лидерам. Логический конец этого мировоззрения, воплощённый в жизнь, мы наблюдаем на Украине. Большинство украинских неонацистов придерживаются язычества самого дикого толка. Не думаю, чтобы вменяемому человеку такая перспектива казалась заманчивой. Хотя, конечно, адепты неоязычества с пеной у рта будут отрицать такую связь, но, как всегда, бездоказательно. Не припомню ни одного ярого пропагандиста неоязычества, который бы не вызывал сомнения у непредвзятого собеседника в своей психической адекватности.

В современном мире очень сложно сохранять спокойный, взвешенный и ясный взгляд на происходящее. Многие даже не задумываются о том, насколько это важно. А в сегодняшнем потоке информации это просто необходимость, позволяющая обезопасить себя от массивных атак на наш разум.

Зыбкие границы и неустойчивые понятия об основных принципах жизни – прямой путь к шизофрении. В том числе шизофрении народов и человечества в целом. Этой же цели служат современное шизофреническое искусство и СМИ. Психически неуравновешенным обществом управлять очень просто, даже не нужно никаких чипов и психотропных веществ. Достаточно вбросить какую-нибудь сенсационную новость и, умело подогревая ажиотаж, направить обсуждение в нужное русло. А потом незаметно подтолкнуть массы к нужному решению, так, что каждый будет уверен, что он сам, своим умом додумался до той мысли, которая и являлась конечной целью интернет-спектакля. Технологии давно отработаны и используются практически ежедневно, что стало особенно очевидным с началом СВО.

Потому-то нам так важно твёрдо держаться незыблемых ориентиров, позволяющих преодолеть вызовы и штормы нашей жизни. Таких ориентиров по большому счёту только два: Православная вера и культурно-историческая традиция нашего народа. Наша история – наше достояние, часть нашего культурного кода, память каждого человека. Если мы сомневаемся в нашей истории, значит, мы сомневаемся в правильности пути наших предков, в правильности существования нашей Родины, самих себя. Нельзя отдать память наших отцов, дедов и прадедов на поругание и глумление.

Назрела необходимость цензуры не только в области современной политической ситуации, но и применительно к материалам, затрагивающим исторические темы. Не думаю, что в сложившейся ситуации такое требование будет чрезмерным. Речь идёт о будущем России. Но когда ещё это решение будет принято на государственном уровне... Да и будет ли принято вообще? Значит, надо нам самим, каждому из нас охранять нашу историю и защищать её от посягательств тех, кто хочет её переосмыслить и перевернуть.

Мы в долгу перед нашими предками, сложившими свои головы под натиском Бытеевых полчищ, громившими шведов и тевтонский орден под предводительством святого Александра Невского. Не унывавших в тяжёлые времена монголо-татарского ига, заново отстраивавших на пепелищах новые города, наперекор всему рожавших по 10-12 и более детей, выстоявших и победивших в Великой битве на поле Куликовом. Бравших Казанское и Астраханское ханства. Устремившихся неудержимым потоком на бескрайние просторы Сибири и сделавших её русской территорией менее чем за 70 лет. Изгнавшими поляков из Москвы, громившими шведов под Полтавой и в Гангутском сражении. Бравшими Измаил, громившими турок и французов под командованием А.В. Суворова. Уничтожившими всеевропейскую армаду, под предводительством Наполеона вторгшуюся в Россию. Сломавших хребет фашистской Германии и водрузивших знамя Победы над Берлином.

Мы не вправе допустить забвения свершений наших предков, тех, благодаря которым мы сейчас и живём. Непрерывное самоотверженное служение наших прадедов на протяжении многих сотен лет позволило России выстоять, стать великой державой и продолжать идти вперёд вопреки всем прогнозам. Долг каждого из нас защитить народную память от посягательств и беречь нашу историю не меньше, чем родной язык. Мы должны победить и в этой войне. Передать нашим потомкам подлинный, объёмный взгляд на историю, не приукрашивая мрачных страниц и не принижая славных деяний предков.

ПОЭЗИЯ

Галина РОМАНОВА

ГАЛИНА РОМАНОВА

Галина Александровна Романова – член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Директор по связям с общественностью на авиационном предприятии, редактор корпоративного журнала, член редколлегии литературно-публицистического журнала «Балашиха: голоса сердец». Автор книг «Хрустальная капля» (стихотворения, рассказы, очерки), «Под ливнем дней», «Хочется жить», «И музыкой прощались ночь», «Какое ты разное, небо!» (стихотворения). Произведения и материалы об авторе печатались в журналах и газетах «Воин России», «Крылья Родины», «Юность», «Смена», «Подмосковный летописец», «Открытый урок», «Великороссь», «Свет столицы», «Московский литератор», «Литературная газета», «ЕНП. Подмосковье», «Факт» и др. На её стихи написано около 60 песен и романсов.

Живёт в Балашихе.

С тобой, Россия!

Русский дух

С Днём народного единства!
Никому не поддадимся!
Будем жить – рука в руке,
Все границы – на замке.

Будем мы дружить, как прежде,
Верить и любить в надежде.
С нами сила, с нами Бог!
Враг, не суйся на порог!

Жить хотим со всеми в мире,
Но не спрячемся в квартире.
Сохранились гордость, честь,
Есть Пожарский, Минин есть.

Запрягаем, может, долго,
И течёт спокойно Волга,
Но не спит в нас русский дух –
Кто там хочет оплеух?

Военный оркестр

Исполнилась моя мечта:
Концерт военного оркестра.
Причина радости проста:
Театр, партер и в центре место.

Оркестр играет духовой!
Ведут мелодию кларнеты,
Хватает музыки с лихвой,
Чтоб долететь на край планеты.

Вот-вот поднимет всех на бой
Труба своей призывной статью,
И поведёт нас за собой
Духовно сильной смелой ратью.

Подхватывает тему хор,
Ликуют инструменты страстно.
Всех умиряет дирижёр,
Накал снимая жестом властно.

Как нежно флейты (раз-два-три!)
Зовут вальсировать валторны.
Как сладко, трепетно внутри,
Душа волнительно покорна.

Но тут врывается волна –
И в марш сливаются все ритмы:
Звучит «Священная война»,
И зал встаёт на поле битвы.

Всем сердцем понимаю вдруг,
И соглашаюсь головой:
Не покорить наш русский дух!
Оркестр играет духовой.

Не созреет на поле пшеница:
Полегли на войне колоски.
Не взлетит серебристая птица:
Разметало её на куски.

Не от ветра качнулся подсолнух:
В сочный стебель осколок попал.
Не от летней грозы в небе всполох:
На земле поджигают запал.

Не природная гонит стихия
 Наших братьев с родных городищ,
 Это мать городов русских – Киев
 Стала мачехой средь пепелищ.

С тобой, Россия!

Этот воздух российский привольный
 Наполняет надеждами грудь.
 Этот звон сквозь века колокольный
 Пролагает нам праведный путь.

Мы богаты сердцами и душами,
 И величием наших святынь,
 Голос предков мы слышим и слушаем.
 Сердце Родины! Бейся, не стынь!

Нас питают ключи благотворные.
 То покаемся, то согрешим.
 Непокорные мы! Непокорные!
 Мы на помощь повсюду спешим!

Не спугнуть нас словами и ордами,
 Не потерпим ни лжи, ни оков.
 Были, есть и останемся гордыми –
 Никогда не боялись врагов!

Я бегу за твоими рассветами
 Не чужими, твоими дорогами.
 Я живу наших предков заветами
 И твоими, Россия, тревогами.

Снова вижу, любимая Родина,
 Эту вещую радугу снов:
 Как ты смотришь задорно и молодо
 В ярком золоте всех куполов.

Нет известий

«Просто жду, – сказала мне подруга. –
 Просто жду его теперь живым».
 И ещё добавила с испугом:
 «С детства был мой мальчик боевым».

На звонок он не ответил в праздник,
 А на завтра всё я поняла:
 Там он, там он, внучек мой, проказник,
 Где вершатся важные дела.

Спать, поверь, не хочется мне даже.
 Новости смотрю, смотрю подряд,
 Чтобы вдруг увидеть в репортаже
 Внука Ванечки бесстрашный взгляд.

Знаю, всё у них идёт по плану –
 Выполнят Верховного приказ.
 Встану, лягу, сяду, снова встану –
 День и ночь я не смыкаю глаз.

Это даже лучше – нет известий.
 Правда, это лучший вариант?..
 В танке он, на поле действий,
 Мальчик мой, родной мой лейтенант».

Я молчу, растеряна немного.
 Да и что сказать мне ей в ответ?
 Наступают танки по дорогам,
 На броне белеет ярко «Z».

На Аллее Ангелов

Аллея Ангелов. Гранит.
 Имен коротенькие строчки.
 Душа страдает и болит:
 Донбасса в них сыны и дочки.

Идёт «экскурсий» череда –
 Голгофа вражеским солдатам.
 Случилась страшная беда:
 Не уживаются брат с братом.

Высокий пленный прячет взгляд
 Под вздох притихшего отряда.
 Глаза защитника горят:
 – Эх, не прикончил сразу гада!

Не ты ли выпустил снаряд,
 Тот самый, что убил ребёнка?
 Читай! В земле они лежат...
 Не засмеются больше звонко.

Не будут бегать и мечтать,
 Не вырастут на Украине.
 Все слёзы выплакала мать
 Мальчишки, что взлетел на mine.

Нам вместе жить теперь, солдат.
Ты кровный брат мне, ВСУшник.
Пусть бьют по гильзе, как в набат –
Сними свой западный наушник!

Луганское Счастье

Ну, здравствуй, луганское Счастье –
Обычный, простой городок.
Ты выжил под киевской властью?
Молился на русский восток?

Осколками ранено Щастя,
И каждая рана болит.
Отбили у нациков Счастье,
Такое простое на вид.

Умоется в озере Чистом,
На площади Мира споёт:
– Не дамся я больше фашистам,
Храни меня, русский народ!

Ты разное в разные годы.
В чём счастье – извечный вопрос.
Подружатся снова народы,
И новый построится мост.

Когда-то, в XVII веке,
Ты выбрало эти края,
Пусть светится счастьем навеки
Донбасская эта земля.

Вперёд!

Вирус, страшнее ковида,
В плоть Украины проник.
Требуешь вновь геноцида
Нелюдь-бандеровец в крик.

Так далеко и так близко
Не утихают бои.
Кружатся вороны низко,
Стали чужими свои.

Ловится каждая новость,
Сводка потерь и наград.
Жалость, решимость и гордость –
Нет нам дороги назад!

Год переломных событий –
Хватит, в конце-то концов!
Мальчики наши, держите
Знамя Победы отцов!

Всё повторяется

Ещё живём победным маем,
Читаем письма с той войны
И до конца не понимаем,
Зачем нам эти дни даны.

А там уже идут в атаку
Праправнуки былых времён.
Не отдадут врагу и мраку
Победных праведных знамён.

Жилеты, каски, балаклавы,
Бесстрашием глаза горят.
Смешались в нас и долг и право –
Жалеть, но отдавать ребят.

Простыми русскими словами
Мы их напутствуем с утра
И крестим испокон перстами:
– Пора... Вернись, сынок... пора...

Для счастья я его растила,
Сын у меня всего один.
Но отпущу его из тыла
В одну из грозных тех годин.

Бал править будет неповадно
Ликующему сатане.
Работай, сын мой, беспощадно
И землю возроди в огне.

Осенние тревоги и надежды

Мне не спрятаться в мире привычном,
Не укрыться опавшей листвой:
Каждый день прилетает мне в «личку»
Ужасающий HIMARSов вой.

Посреди подмосковных бульваров,
Обгоняя трепещущий лист,
Ранят душу осколки ударов
Под безумно-пронзительный свист.

Жёлто-рыжую осень блакитно
Оттеняет небес синева.
Сквозь нависшие тучи мне видно,
Как безжалостно кружит война.

Только внешне ты, осень, спокойна,
Отпуская листочки с ветвей.
Понимаю, что жалко и больно,
Как и нам – провожать сыновей.

Но весной распустятся почки,
Вновь порадует каждый листок,
К нам с победой вернутся сыночки,
И займётся зарёю восток.

ПУБЛИЦИСТИКА

Яков ШАФРАН

Западная цивилизация – антипод русской цивилизации

(Из цикла статей
«Нацизм – инструмент объединённого Запада
против Русской цивилизации»)

Концепцию, выраженную в заголовке данной статьи невозможно, признаться, осознать без того, чтобы не разобраться в истоках возникновения Западной и Русской цивилизации как таковых. А истоки их находятся, насколько видится, в Античности, в Римской империи, а точнее после её окончательного раздела соответственно в Западной, захваченной германскими варварами, и в Восточной, подвергнувшейся эллинизации. Обратимся, друзья, к истории.

Читатель может не согласиться с утверждением, изложенным в данном заголовке. Не будем спорить с несогласными, а зададимся вопросом – как же возникла Западная цивилизация, ставшая ныне современным объединённым Западом, куда входят, кроме США и Западной Европы, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Япония и прочие малые сателлиты? Если мы обратимся к истории, то увидим, что возникла она на развалинах западной части некогда могучей Римской империи, и развитие её прошло через все предшествующие века в постоянном противостоянии православной части империи и далее Русской цивилизации, ставшей её преемницей. Каким образом сие происходило? Заглянем в те времена.

А там, вслед за установлением тогдашним, уже не языческим, а христианским императором Константином христианства в качестве официальной религии, данное вероучение стало новой внутренней сутью повседневного существования великой державы. И дабы, в связи с этим, обозначить в истории новую эру, глава империи создаёт второй Рим, новую столицу – Константинополь на востоке государства. Что, к слову сказать, было сделано весьма своевременно, так как вскоре в западной части его, захваченной

Яков Наумович Шафран – Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Автор восьми книг прозы и поэзии. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н.С. Лескова и «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора, ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула, журнал «Приокские зори») и музыкально-литературного альманаха «Тулльская сторона».

Живёт в Туле.

воинственными варварами-германцами начали учреждаться независимые королевства.

Восточная часть, ставшая затем по самоназванию Державой Ромеев или Византией, каковой именовали страну позднее на Западе, в отличие от западного «варварско-римского котла», устремляется на неуклонное и последовательное продвижение Православной веры, на просвещение окрестных народов, и среди них россов. Из этой могучей христианской цитадели, почтенной матери современной человеческой культуры и права, шло православное ведение о Боге, о едином мироздании и об индивидуальном и общем спасении.

Западная же часть занялась незаконными агрессивными действиями, направленными против государевой воли подлинного Главы империи – на то время императора Византии – и Господней воли, транслируемой через Единую Церковь. И началась Западная Европа с провозглашения главы отмежевавшейся церкви Папой Римским и «назначения» короля варваров-франков Карла, фактически узурпатора, титулованным римским аристократом и затем «римским императором». Рим слишком долго жил по руководящему принципу полной трансформации грубой силы в безоговорочное, неотъемлемое право – у кого сила, того и право, – чтобы это не оказалось плотью и кровью старой аристократии. Но поскольку в описываемые времена она обессилела, то передала данную привилегию свежей силе, свежей крови германских племён, захвативших империю. А те с этим, естественно, с удовольствием согласились.

Если глядеть из нынешнего времени, – как говорится, большое видится на расстоянии, – делается понятным, что путём отделения завоёванных германцами западных земель и создания «особой» церкви была реализована цель неких сил, неких акторов, действующих по известному негласному правилу «разделяй и властвуй». Поэтому ни о каком *modus vivendi* – условиях, обеспечивающих совместное сосуществование, речи быть не могло. Началось упорное и ожесточённое противостояние с Православной Церковью, Православной Цивилизацией.

Для сего Запад, ставя всё с ног на голову, принялся доказывать, будто именно Германская Римская империя является единственной законной правопреемницей Рима в качестве единственно правильной и целостной, от которой якобы откололась Византия. Это их собственное дьявольское измышление не было экзистенциальным, но стало краеугольным камнем, положенным в вековой идеологический фундамент всего высокомерного и враждебного отношения Запада к Православной державе. И поскольку доказать неоспоримую реальность этого не представлялось возможным, то росло явно маниакальное, неискоренимое стремление уничтожить её.

Не потому ли Запад с невиданным всеобщим подъёмом организует и проводит именем Христа крестовые «освободительные» войны? И что характерно, эти военные кампании повсеместно отличаются неблагоприятными деяниями так называемых рыцарей-крестоносцев, как то: лёгкая личная нажива, откровенное насилие, хищнические разбои, прямое искоренение, истребление жителей: греков, славян, арабов и африканцев на покорённых территориях.

Как же случилось, отчего такое высокоразвитое, религиозное и цивилизованное царство кануло в историческое небытие? Давайте по закону дедукции перейдём от общего к частному. Источники говорят нам о возникновении

сразу после первого крестового похода по всей Византии, особенно в больших полисах и на всём восточном побережье, множества венецианских и генуэзских коммерческих, торговых организаций («в деньгах родства нет»), политических обществ и ассоциаций, занимавшихся во всевозможных аспектах целенаправленными слаженными действиями против Византии. Было постоянное и инклюзивное отрицание, вплоть до полного выкорчёвывания и, в конце концов, уничтожения Православной религии, с заменой её повсюду воинствующим католицизмом. Сюда относится и крайняя, небывалая агрессивность мусульманского мира, появившегося на обширных пространствах изначально старинного, многовекового христианства и стремящегося к окончательной ликвидации Православной империи. Это весьма играет на руку Западной Европе во исполнение вожделенной цели. Настоящим апофеозом того стало тщательное планирование в середине XII века «крестового» похода уже не против мусульман, а против христианской Византии! И вот в 1204 году в неё ворвались дальние, но вполне достойные потомки неотёсанных германских варваров – «крестоносцы». Взяв Константинополь, они разрушили законную власть в Империи, разрушили значимые культурные и религиозные объекты при гробовом молчании и, мало того, при полном попустительстве папы и при единодушном и громогласном одобрении всего западного мира. И такие разбойные деяния, в результате которых Византия в скором времени никогда уже больше не сможет оправиться от такой страшной, лихой беды, как гибель, являлись вполне закономерными, ибо западные «воины» – совершенный антипод византийцам, никогда не кичащимся, всегда проявлявшим особую тактичность и немалую терпимость в религиозных вопросах, – в противоположность западной инквизиции – и использовавшим местные языки. Более того, византийские святые Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность! Не были ромеи и ксенофобами, подобно Петрарке, «пламенно» призывавшему генуэзцев и весь Запад безотлагательно смести с лица земли Византию с «малодушными гречишками» и называвшему жителей Азии и Восточной Европы полуживотными и «недочеловеками». В Империи Ромеев¹ похожего *contumelia*² и неприкрытой лютой ненависти нельзя, как ни постараться, даже вообразить.

И вот, в итоге, на растерзанных останках некогда могущественного Православного государства Константина Запад учредил латинскую империю, нещадно бившую ромеев по их благородным чувствам любви к Родине. Но «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», – начался латентный период в истории Византии. Новоявленные, по сути, латинские руководители той в течение двух последующих столетий могли, невзирая на нескрываемую неприязнь и явную антипатию греков, по требованию папской церкви назначать Константинопольского Патриарха из числа западных католических епископов, организовывали на православной земле католические монастыри и стремились подчинить Православную церковь западной, римскому папству. Стремилась вынудить её на униатский союз и проделывали для этого всё мыслимое и немислимое: применяя и щедрые заманчивые обещания, обнадёживая значительных православных священнослужителей кардинальскими

¹ Византийцы называли себя «Империей ромеев». А Византия – не более как учёная кличка, введённая в обиход западными, а по их примеру, и российскими либеральными идеологами около ста лет после гибели империи как бранное слово. Отсюда и производные термины – «византизм» (или «византинизм») и «византийство».

² *Contumelia* (лат.) – поношение.

шапками, и крупные взятки, а касательно нерешительных прибегали к влиянию итальянских «гуманистов»... Тяжко было православному священнику осуществлять свою церковную службу. Ромеи страдали от неуклонного вытеснения их из по-настоящему значимых областей человеческой и общественной жизнедеятельности, от безжалостного угнетения. И на этом фоне закономерным стало принятие в 1369 году в Риме императором Иоанном V католичества, свершилось неслыханное публичное национальное унижение, бесчестье Византии. А далее, как всегда в таких случаях водится, началась длительная упорная, каждодневная борьба между подлинно православными и латинофилами из среды византийцев, во всём ориентировавшимися на Запад, возлагавшими на того радужные надежды, в том числе, что он защитит от неотвратимой, грозно нависшей опасности масштабного тюркского вторжения. А были и такие – «пятая колонна» противоположного рода, – что образовывали нераздельный идеологический фронт с имевшимися в изрядном числе поклонниками врага. Запад же перед нешуточной и для него самого угрозой, руководимый указанным ему императивом, не отклонился от определённого генерального направления на насильственное разрушение Византии и образования из неё полной своей вотчины. И это при недостаточной военной и экономической мощи для действенного сопротивления тюркам.

Данное положение и стагнация в развитии Византии привели к вынужденному («нет, нет, и ещё раз да!») согласию на организационное объединение. Рим достиг желаемого, принудил ромеев принять католическое вероучение во всех спорных в течение пятисот лет ключевых вопросах. Дата 6 июля 1439 г. навсегда останется позорной в истории Византии. В сей день в кафедральном соборе Флоренции произошло помпезное мероприятие по заключению церковной унии. Греки во главе с императором в торжественных одеяниях преклоняли колени перед папой и лобызали его руку. В стране существовало вполне обоснованное глубокое убеждение, что произошёл прямой подкуп многих высших священнослужителей «врагами истинной веры». Монахи Афона в красноречивом послании русскому Великому Князю Василию II писали: император и духовенство «какову мерзость въсхотеша очима своими увидети свою благочестивую веру продате на злате студным латинам...»¹.

Вернувшихся в Константинополь народ откровенно осуждал за предательство своей родной и истинной церкви и родины, ибо «от свечи и дом сгорает». И, когда произошла первая попытка осуществить достигнутый флорентийский договор, негодующий и гордый народ устроил восстание под сводами Святой Софии и изгнал продавшегося патриарха... Запад, в итоге, будучи не в силах полностью покорить Византию, отдал её под безраздельное чужеземное владычество тюркам. Выходит, главную, определяющую роль в падении Державы ромеев сыграли объединённые западные силы – католическая церковь и Венецианская с Генуэзской республики совместно с пролатинскими силами внутри страны.

Несомненной, очевидной истиной является и то, что и духовное состояние граждан Византии того времени далеко оставляло желать лучшего и в свою очередь привело к обскурации. «Сами друг перед другом величаются,

¹ Послание прота и иноков Афонской горы к Великому Князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной по случаю Флорентийского собора. – «Летопись занятий археографической комиссии за 1864 г.» СПб., 1865. Приложения, стр. 29.

а другого чтоб унижить ни во что не вменяют... хитрейшие обманы делают... с кичливой надменностью ... грех да соблазн и вере поношение...»¹.

Так, общими усилиями – *viribus unitis* – из двух неотъемлемых частей бывшей Римской империи – Восточной и Западной – осталась только Западная, сделавшаяся фактически реальной основой Западной цивилизации. Достойной преемницей Восточной Римской империи – Византии стало Православное Русское государство (как говорится в народе: «глубокая вода не мутится»). «Москва – третий Рим и четвёртому не бывать!» Этот девиз был реализован, и, таким образом, с тех пор непримиримое длительное цивилизационное противостояние начало происходить между Западной Европой и Русским царством. Данная конфронтация сохранялась и сохраняется в отношении Российской империи, Советского Союза и современной России на протяжении более чем пяти веков. Наиболее ярко оно проявилось во время лихого Смутного времени начала 17-го века, в гнилой период царствования Анны Иоанновны (1730–1740 гг.), во время наполеоновского двенадцатизычного нашествия, Крымской войны, в гибели великой Российской империи в феврале 1917-го года, в действиях активных троцкистов и их союзников в 20-е и 30-е годы двадцатого века, во время Священной Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в тайной разрушительной деятельности «хрущёвых», «сусловых», «пономарёвых», «андроповых» и иже с ними с 57-го по 85-й гг., в пресловутой «катастрофике» Горбачёва, в период бесславного правления Ельцина и до сих пор во враждебной работе «пятой» и «шестой колонны» в нашей стране. Ныне на международном, планетарном уровне это выливается в противостояние объединённого Запада и России с союзниками. И вот на авиабазе Рамштайн в Германии в сентябре 2022 года собрались официальные и полномочные представители пятидесяти союзных западных стран в едином неудержимом порыве покончить с российским государством, о чём они мечтали все эти минувшие века и предпринимали неоднократные настойчивые и неустанные попытки сделать сие; в едином неудержимом порыве окончательно решить мучивший их днями и ночами русский вопрос.

Почему? Почему Запад формировался в духе жёсткого антипода России? Настоящее происходило недаром, так как цивилизация России является для него во все времена «инопланетной», она самобытна, в противовес западной – это духовная цивилизация. Фундаментальная основа глубинной России, независимо от формы правления, – её духовность, которая космична, представляет собой духовную систему, олицетворяет базовую идею создания совершенного Царства Небесного на земле в качестве осуществления полной правды – полного единства спокойной совести, мировой истины, сердечного добра и земной красоты, – социальной справедливости и гражданского равноправия людей в обществе, служащего совместному делу, чётко определяющих достойное место человека во Вселенной, его высокое предназначение в жизни в настоящем и будущем.

Но Русская цивилизация есть не только православие и богатое культурное византийское наследие, у неё имеются и другие неповторимые особенности, и

¹ Н.С. Лесков. Запечатлённый ангел. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2: Повести и рассказы. – М.: Литература, Мир книги, 2005. – 464 с. – (Золотая серия. Русская литература). С. 87.

многие другие значимые факторы. Например, показательно, как в советское время религиозный образ мыслей видоизменился в пролетарский русский мессианизм, когда Ленин стал долгожданным мессией, Сталин – апостолом Петром, Троцкий – Иудой, Мавзолей – гробом Господним, ревизионисты – еретиками, мировой коммунизм – грядущим Царством Божиим, марксизм и ленинизм, – соответственно, Ветхим Заветом и Новым Заветом, знаменитый моральный кодекс строителя коммунизма – Нагорной проповедью Иисуса Христа, а коммунистическая партия – хорошо организованной общиной верующих и так далее. И повседневное поведение – в быту и в труде, – и менталитет советских людей оставались в разумных и соизмеримых рамках базовой православной модели. Потому и современная Россия, несмотря на малое количество воцерковлённых, несмотря на подлое время перевёртышей, сохраняется по смыслам православной.

Аа, ментальность беспрекословно считается важнейшей составной частью остова цивилизации. Она определяет текущее решение животрепещущих вопросов, связанных с характером глубоких смыслов, их местом в реальной действительности, говорит об очевидной тесной связи разных смыслов между собой и с определяющими общественными и культурными факторами.

Русский народ – изначальное, историческое ядро российской державности – сформировался и совершенствовался между Византией – соединением самобытных цивилизаций восточного Средиземноморья и Ближнего Востока и Степью – культурой кочевых народностей, как *aurea mediocritas*¹ между ними. В результате выработались такие отличительные, определяющие народные черты, как постоянное стремление к длительному мирному сосуществованию с соседями, терпимое и гуманное отношение к лицам иной национальности и к их образу жизни, поразительное умение усваивать привлекательные индивидуальные черты различных народов. Кроме того, суровые природные условия мест обитания, привели к выработке правил и обычаев коллективизма, общинных связей и артельности.

Следующими уникальными качествами Русской цивилизации, если кратко, являются удивительный органичный и креативный синтез европейского и азиатского, самая протяжённая в мире граница с порядочным количеством сопредельных стран, расположение на двух континентах, разреженность расселения и большая неоднородность территориального размещения населения в крупных городах и в сельско-провинциальных её частях.

Таким образом, мы видим, насколько различны Русская и Западная цивилизации. К слову сказать, разница между ними хорошо показана на следующем конкретном и поучительном примере. Примечательно, европейцы во время интенсивной колонизации Северной Америки не смешивались с индейцами и устраивали всевозможные искусственные преграды для этого. И далее текущая политика и реальная практика американского государства касательно коренных племён и несчастного негритянского населения заключались во всяком разъединении их и белого «христианского» населения, а в отношении первых – вплоть до уничтожения. А что творили англичане в Индии и во время англо-бурской войны, что творили «цивилизованные» народы в своих африканских, американских и полинезийских колониях, что творили наговцы в Югославии, Ираке и Ливии?! И это немудрено, ибо их прародители – германские племена

англов и саксов активно вырезали местных бритов и норманов (кстати, спасшиеся норманы и основали на континенте землю Нормандию, ныне являющуюся частью Франции), да и наименование «вандалы» (одно из германских племён) недаром стало нарицательным. Русские же простые воины и казаки, богатые промышленники, отважные и пытливые исследователи и так или иначе попавшие туда крестьяне, идя по Уралу и Сибири, перенимали домашнюю и хозяйственную утварь, традиционную одежду, местные способы и рецепты приготовления пищи, типы жилища у коренных обитателей. Кроме того, в Сибири произошёл уникальный сплав культур. Различие между Россией и США состояло ещё и в том, что вместо изгнания тамошних аборигенов с их исконной земли, Россия интегрировала новых подданных в свою разумную христианскую цивилизацию. Русские женились на местных женщинах, и смешанные браки эти сплошь и рядом являлись согласными и крепкими. И православная церковь осуществляла народное просвещение и проповедовала гуманное, доброжелательное отношение к иноплеменникам, тем самым значительно помогая прочному союзу с ними.

Итак, Российская цивилизация – именно цивилизация, ибо она является особым континентом на Земле, особым миром, – никогда не занималась, что каждому из истории может быть ясно видно, любого рода насилием, территориальными и прочими жестокими захватами, в отличие от германо-романской и англо-американской цивилизаций, и проявляется как собирательная, культивирующая дружбу окружающих и малых народов. Россия изначально строилась не в виде «единой расы», а в качестве свободного братского содружества народов, говорящих на множестве различных языков, и в этом её неизбывная притягательная и созидательная сила. Это создало уникальность России – в своей трудной и славной многовековой истории она аккумулировала в своём эгрегоре неистощимую потенциальную, креативную энергию развития. Потому-то её и избрала, не избавив от всевозможных серьёзных препятствий, испытаний, страданий, противоборств, конфликтов и войн, непрерывная Планетарная Эволюция для движения к Новому Миру, когда индивидуальное сознание и интеллект, внутренняя духовность и нравственность людей станут соответствовать космическому сознанию и космической ответственности, к Миру, за которым грядущее, ибо духовный разум непобедим. Реальная альтернатива ему одна – неминуемая гибель человечества, так как голый, циничный потребительский прагматизм, «делание денег» и безудержное стремление международного финансового капитала к тотальному господству над планетой ни к чему хорошему привести не могут, противостоя в том числе и природе Земли. Запад, согласно своей по определению антирусской природе, совершенно независимо от того, какие партии и лидеры будут стоять у власти (что ещё раз подтверждает их роль в качестве пешек в «большой игре»), будет предпринимать всё возможное и невозможное против России. И непрекращающаяся глобальная война с целью любой ценой добиться унижения и разрушения Русского народа и Русской цивилизации, которые по традиции мужественно встают против открытого вызова, предъявленного всему человечеству (в отличие от предшествующего исторического периода упорного поиска «государством» благоволения «господ мира сего», что неминуемо привело к неслыханному унижению и потерям), явится последним, драматическим действием в данной вышеуказанной парадигме. Результатом же будет построение Новой Страны, Новой России, полностью соответствующей природе Русской Цивилизации.

¹ *Aurea mediocritas* (лат.) – золотая середина

Грустная история

10 ноября 1982 года – день смерти Генсека Л.И. Брежнева. Но запомнился мне этот мрачный ноябрьский день одной маленькой частной историей.

Соседский мальчик Женя – не по годам умный; ему было 6 лет, но он давно читал толстые книги, хорошо знал большую географическую карту, что висела на стене у его кровати, знал наизусть названия всех столиц мира, у него со мной была такая игра.

– Спрашивайте меня про города, а я буду отвечать, только не европейские столицы, что-нибудь посложнее, Латинская Америка или Азия.

Таких глубоких географических познаний, как у моего собеседника-дошкольника, у меня не было, но он действительно с лёгкостью называл все столицы мира.

В то лето я часто сидела у подъезда с коляской, младшему сыну уже пошёл пятый месяц, на воздухе ребёнок хорошо спал. Женя часто подходил ко мне, заглядывал в коляску, интересовался малышом. Потом я поняла, почему. В конце августа Женя мне радостно сообщил.

– У меня родился брат, назвали Васькой. Я его так сильно люблю!

С его мамой я не была близко знакома, при встрече здоровались. Они жили в другом подъезде. Запомнилась маленькая, хрупкая женщина с бледным лицом, она никогда не задерживалась у лавочки, после работы с мужем шла домой. Осень выдалась тёплая, сухая, каждый день я гуляла с ребёнком во дворе, часто сидела на лавке под старой грушей, с Женей мы подружились. Ждала, когда во дворе появится после роддома его мама, но Рая не выходила во двор.

– А мама болеет, – как-то грустно сказал мне мальчик, – она в больнице, с ней Васька.

Прошёл сентябрь, за ним – октябрь, с Женей мы редко виделись. Начались осенние дожди, задули ветры, на балконе приспособила малышу

Ирина Сергеевна Шатырёнок – родилась и выросла в Молодечно. Член Союза писателей Беларуси, автор книг «Старый двор моего детства», «Банные мадонны» и др. Живёт в Гродно.

для сна ванночку, и теперь каждый день выносила маленького сына спать на открытый воздух.

10 ноября 1982 года был советский день милиции, все газеты, радио, телевидение тиражировали новость – умер генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Начиналась пятилетка кремлёвских похорон.

Вечером ко мне зашла соседка, сообщила, что умерла Рая, мама Жени, собирает по квартирам деньги, надо и мне сдать рубль на венок. Теперь уже никто не собирает на похороны соседям. В день похорон пошла в однокомнатную квартиру проститься с Раей. От себя принесла букет белых хризантем, они особенные, сильно горчат скорбным ароматом и напоминают о кладбище. У гроба сидел худенький Женя, его глаза были сухими, но мне он показался таким маленьким – сирота. Все женщины в комнате его жалели, гладили по коротко стриженной голове, утирали платками свои мокрые глаза.

Вдовец остался с двумя детьми. Новорожденного сына он отправил в соседний райцентр к своим родителям, они ещё работали, поэтому Ваську оставили на старенькую бабушку – прабабушку Васьки. Скоро в квартире на четвёртом этаже появилась молодая женщина, воспитательница из детского сада, вечерами в квартире стало шумно, приходили гости, громко играла музыка. Новый 1983 год отец Жени и будущая мачеха отметили фейерверками и танцами. Поздно ночью гости разъезжались на такси.

Летом вдовец женился, никто его не осуждал, но кто-то из соседок посплетничал, дескать, отец Жени давно крутил шашни с воспитательницей. Пара была друг другу под стать, оба высокие, радостные, лёгкие на подъём, поглощённые своим безмерным, до краёв переполненным счастьем. Они не обращали ни на кого внимания, как будто и не было в их жизни хрупкой Раи с печальными глазами.

Мачеха – красивая блондинка с прозрачными русалочьими глазами не спешила вернуть домой маленького Ваську. Отговаривалась, что не собирается сразу взвалить на свои молодые плечи такую обузу, как двое мальчиков. Вдовец во всём с ней соглашался, потакал её капризам, баловал обновками. В декабре она уже щеголяла в дорогой норковой шубе, мех на солнце отливал нежным золотом. Взрослые были счастливы.

– Надо пожить для себя, в удовольствии!

Этими словами соседки начинали перемывать косточки весёлой мачехе.

Женю отец на всё лето отвозил к своим родителям, поговаривали, что он хотел даже оставить на постоянное жительство мальчика в райцентре, но старики наотрез отказались – большая ответственность, есть отец, пусть воспитывает.

Через пару лет у молодых родилась совместная дочь, девочка стала центром их обожания и большой любви. Женя остался в тени забот родителей о новорожденной, но безотказно нянчился с маленькой сестрой. При встречах со мной отмалчивался, уже не играл в города-столицы, не по годам повзрослел, вытянулся и стал рассудительным, как старичок. Глаза его были не по-детски грустны. Иногда я нетактично спрашивала.

– Женя, ты помнишь маму?

В такие минуты его лицо оживлялось, глаза загорались, рассказывал, какие книжки на ночь читала ему мама, она уже тогда много лежала, он готов был ей услужить по мелочам, приносил бутылочки и коробочки с лекарствами, подкладывал в ноги грелку, Рая мёрзла даже в тёплый летний день.

– Когда я вырасту – стану врачом, буду лечить людей, никто не будет умирать, все будут жить, будут такие операции, придумают такие операции... – захлёбывался Женя, – всех людей будут спасать!

Добрый, славный мальчик – моё сердце сжималось от боли – у тебя всё получится. Как могла, успокаивала его.

– Ты только не забывай маму, она рядом с тобой, и с Васей...

Как-то я стала свидетельницей такой сцены. Июньским ранним утром во дворе на стареньком «Запорожце» припарковались родители покойной Раи, приехали из Слуцка, люди уже немолодые, захотели побывать на её могиле. Поднялись на четвёртый этаж, а дверь закрыта. Вышли во двор и спрашивают у меня.

– Вы не знаете, будут ли дома из одиннадцатой квартиры соседи?

Что я могла ответить, мы живём в разных подъездах, Женю иногда вижу – не больше. Присели старики рядом со мной, лица растерянные.

– Мы звонили зятю... бывшему, предупредили его заранее, приедем сегодня, дорога для нас не близкая, договорились. И что теперь – назад возвращаться?..

Мы долго сидели под старой грушей, я слушала их рассказы про бедную Раю, у неё был врождённый порок сердца, ей и Женю нельзя было рожать, вторые роды окончательно подорвали её здоровье. Так они и уехали, не поймав внуков. Больше они не приезжали.

Скоро отец Жени, как многодетный отец, получил от завода четырёхкомнатную квартиру, семья съехала из нашего дома. Знаю, Вася так и остался жить в другом городе с бабушкой, Женю в шестом классе отправили учиться в суворовское училище.

День 10 ноября 1982 года запомнился мне, как маленькая частная история – день смерти мамы Жени. Прошло 40 лет. Надеюсь, Женя вырос добрым человеком, теперь ему больше 45. Где он, что с ним – не знаю. Но до шести лет он получил полную меру материнской любви, такое не забывается. С Васькой – хуже, мальчик вырос без матери...

ПРОЗА

Сергей ФИЛИППОВ

Сергей Владимирович Филиппов – родился 19 августа 1953 г. в Москве. Окончил Московскую школу №232. В 1971 г. поступил в Московский институт химического машиностроения. По специальности инженер-механик. До 1991 г. работал в Институте шинной промышленности на Опытном шинном заводе. С 1991 г. в коммерческих структурах. В настоящее время генеральный директор ООО «Формула дерева». Член литературной студии «Вешняки» (руководитель студии поэт и журналист Виктор Александрович Синельников). Печатался в различных газетах, в журналах «Белый Ворон», «Ковчег», «Арина», «Новый Енисейский литератор», «Зарубежные задворки», «Великороссы», «Неман», «Голос эпохи» и др.

Живёт в Москве.

«Судьбы заложники и пленники...»

Если ты невзначай захворал, занемог,
Если думы тревожные зреют,
Счастлив будь, если есть на земле уголок,
Где тебя и поймут и согреют.

Если в жизни ты вдруг бесконечно устал,
Если силы твои на исходе,
Этот самый надёжный и верный причал
Даст приют при любой непогоде.

Если ты не погиб, только сбился с пути,
Если бродишь по самому краю,
Крепче зубы цепи, дотяни, доплыви
В тот причал, где тебя ожидают.

Если душу свою ты вконец истерзал,
Здесь излечат её очень просто.
Здесь начало твоих самых главных начал,
Твой заветный единственный остров.

Если ж силы растратив на трудном пути,
Разбазарив последние крохи,
Ты его в суете не нашёл, не достиг,
Если так, то дела твои плохи.

Судьбы заложники и пленники,
Несущие её печать.
Вам, дорогие современники,
Перед потомством отвечать.

А вы, во все пускаясь тяжкие,
Дельцы, проныры и пройдохи,
Подходите с большой натяжкой
В хранители своей эпохи.

Вперёд особо не смотрящие,
Агенты, менеджеры, служащие,
Живя во имя настоящего,
Лишаете потомков будущего.

Плывёте строго по течению
Из конъюнктурности, от узости
И примитивности мышления,
А то и попросту от трусости.

Смирившимся, не негодующим
В душе от лживого и пошлого,
Вам предстоит в недолгом будущем
Стыдиться собственного прошлого.

Сопоставив все плюсы и минусы,
Обозначив при жизни критерии,
Каждый занят сегодня, кто бизнесом,
Кто созданием целой империи.

Для чего-то корячится, пыжится,
Лезет в самые узкие щели,
И с грехом пополам всё же движется
Потихоньку к намеченной цели.
А иные за этот же срок
Совершают приличный рывок.

Но каким чудодейственным махом
Ни являлась на свет бы материя,
Каждый бизнес кончается крахом,
И распадом любая империя.

Не сник, не спёкся, не потух.
Не растерялся, не отвлёкся.
Три раза прокричал петух,
А я ни разу не отрёкся.

Не тратил понапрасну сил.
Не поддавался искушенью.
Да, никого не воскресил,
Хоть знал про чудо воскрешения.

Нёс на своём худом горбу
Посильный груз унылых буден.
И не испытывал судьбу,
Как состоявшиеся люди.

Никто из них, на пьедестал
Взойдя, меня ни до ни после
В ученики к себе не звал,
С того от них и не отрёкся.

*Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?*

А. Блок

Мир полон злобы и безумства,
И человек, само собой,
Устал. Простим ему угрюмство,
Пессимистический настрой.

Простим извечные упрёки,
Больной души истошный крик.
Когда-то данные зароки
И позабытый Божий лик.

Где всё, что было в нём вначале?
Надежда, вера, пылкий ум?
Он изменился, стал печален,
Озлоблен, мрачен и угрюм.

Не верит больше в сны и сказки,
Ждёт только худшего. Увы,
Все изменения и встряски
На нём оставили следы.

От реформаторских художеств
Устав, растерянный бедняк

Бойтся всевозможных новшеств,
Реформ и прочих передряг.

Не ждёт ни от кого подмогу,
А перед сном, ложась в кровать,
В одном лишь умоляет Бога:
Последнего не отбирать.

Мне говорят: люби себя!
Ведь ты же этого достоин.
А я, признаться, был настроен
Жить, больше ближних возлюбя.

Но что поделаться, коли мы
Забыли заповеди Божьи,
Знать, неспроста так долго ложью
Питали грешные умы.

И остаётся, господа,
Ждать всем лишь часа рокового,
А там пришествия второго,
А с ним и Божьего суда.

Извольте, сударь, ваш бокал!
Извольте выслушать. Изволю.
Хотя была моя бы воля,
И слушать никого не стал.

Моя бы воля, пересек
Границы времени, и франтом
В век восемнадцатый галантный
Проник и проклял этот век.

Но воля их, а посему
Забудь про времена Вольтера,
Переносясь в век двадцать первый
Из Просвещения во тьму.

Сатрапам есть, к чему стремиться.
Смешав всё зло в один котёл,
Поймёшь, что ужас инквизиций
Отнюдь не худшее из зол.

И всё содеянное ране
Покажется пустой игрой,
Когда масштабы злодеяний
Повергнут в шок наш шар земной.

Но чтобы ни грозило люду,
Вся эта сумрачная рать,
Пасуя перед силой, будет,
Как ей положено, молчать.

Костёр, смирение и плаха –
Извечный символ тёмных царств,
Где каждый знает, что от страха
Нет и не может быть лекарств.

Мужи и юные повесы,
Поднять решившие полки,
Чей узок круг был интересов,
Кто были страшно далеки.

Кто поломал немало копий,
Порядком исписал чернил.
Кто, находясь в плену утопий
Своих, кого-то разбудил.

Кто будь, как все мы, конформистом,
Мог благ весомых обрести,
Но выбрал честь быть декабристом,
Где слово это не в чести.

Где царь, и только он, безгрешен.
Одна на все века стезя.
Где толком не умеют вешать,
Но и помиловать нельзя.

Но, может, хоть когда-то будет
Не всё так мрачно, как теперь,
И люди заживут, как люди,
Ты только лишь, товарищ, верь!

Реформы не проходят на ура!
Но всё равно, в пространстве обозримом
С реформами Великого Петра
Что может быть у нас сопоставимо?

Но если говорить, как на духу,
С царём ведь никогда никто не спорит,
А нужен ли простому мужику
Какой-то пресловутый выход к морю?

А если уж, друзья мои, совсем
Задаться риторическим вопросом,
Зачем реформы? Чтобы драть не семь,
Как драли шкур с него, а сразу восемь?

Не потому ль во все века у нас
Реформы проводились из-под палки?
А там, где уследить был царский глаз
Не в силах, для отчётности и галки.

И, может, потому с давнишних пор
Новаторы у нас садятся в лужу,
Что от обилья новшеств и реформ
Простому человеку часто хуже?

Они нужны, да только всё вокруг
Огульно реформировать не надо.
Ведь тщетность реформаторских потуг
Лишь на руку махровым ретроgrадам.

Всё происходит только так.
Лишь через драки, через споры,
Пустые, вроде, разговоры,
Аврал, сумятицу, бардак,
И обещанья каждый раз:
Всё будет! Позже. Не сейчас.

Привыкнув в некотором роде,
Вполне освоившись, все мы
Нисколько не удивлены,
Когда всё так и происходит
Практически из раза в раз.
Во всяком случае, у нас.

И тот, кто свыкся, даже рад,
Что происходит ощущение
Самой иллюзии движенья,
И лишь конечный результат
Практически из раза в раз
Разочаровывает нас.

Человеческая комедия

Читая в юности Бальзака,
Мы примеряли иногда
К себе одежды Растиньяка
Честолюбиво без стыда.

Но жизнь диктует человеку
И превращает без конца
Его то в жадного Гобсека,
То в безутешного отца.

В того, кто не живёт, а бредит,
Кого давно попутал бес,
И человеческих трагедий
В ней больше, чем счастливых пьес.

С красивой фабулой и текстом,
Зато мы знаем, что у нас
И все трагические пьесы
Умело превращают в фарс,

Где все кричат одно и то же,
То что-то строя, то круша,
И жизнь – шагреновая кожа,
Не стоит медного гроша.

Перечитывая Золя

Сижу в тиши и размышляю,
Жизнь прожита, как видно, зря.
И вновь читаю и читаю
С утра до вечера Золя.
И нахожу в его романах
Ответы, судя по всему,
На многое, РУГОН-МАККАРОВ
Глотая в день по одному.

И вижу главный корень зла,
Так всё банально и типично.
Вновь ДЕНЬГИ во главе угла.
Не могут поделить ДОБЫЧУ,

Как прежде, жадные дельцы.
В правительствах сидят Макроны,
Честолюбивые лжецы,
И те же самые Ругоны.

Меняют десять раз на дню
Личину подлые Сакары.
И попадают в ЗАПАДНЮ
Одну и ту же все Маккары.

Увы, всё в точности, друзья,
Как это, словно в корень зря,
Давным-давно писал Золя.

Не надо, господа, не улыбайтесь.
Ни лорду, ни банкиру, ни дельцу,
Как вы ни сильтесь все, как ни старайтесь,
Улыбка в наше время не к лицу.

Вы мастера манерности и позы.
Вам улыбнуться пара пустяков.
Да только за улыбкой каждой слёзы
Десятков, сотен, тысяч бедняков.

Простого человека без ошибки
Определишь, у вас наоборот,
За каждой привлекательной улыбкой
Предельно-чёткий деловой подход.

Такая ваша, видимо, природа,
С улыбкой наблюдать, как падать ниц
Пред вами собираются народы
И слушать летней ночью пенье птиц.

Общаться с вами иногда приятно,
Особенно вначале, но в конце
Общениа становится понятно:
Улыбка – просто маска на лице.

И совершает каждый раз ошибку,
Кто верит ей, так дивно хороша,
Вот только за приятною улыбкой
Холодная и чёрствая душа.

Работодателя на слове
Ловить не пробуй даже, брат,
Когда на конкурсной основе
Нас вдруг куда-то пригласят.

В извечном поиске достатка,
Порою мнимого, ему,
Как и тебе и мне, не сладко
Живётся, судя по всему.

И даже если на Майями
Привык он нынче отдыхать,
Почти в любой момент местами
Нас жизнь способна поменять.

Но кардинально не меняя
При этом ровно ничего.
Для нас в приятный, полагаю,
И в очень грустный для него.

Я ненавижу слово «бизнес».
Не выношу его апломб.
Как он везде твердит про кризис.
Как проникает в каждый дом.

Как нагло и бесцеремонно
Повсюду ищет дураков.
Как попирает все законы.
Как бьёт в больных и стариков.

Мне ненавистно в нём буквально
Всё, чем он дышит и живёт.
Его коммерческие тайны,
Любой маркетинговый ход.

Не верьте в сказки про богатых
И любящих простой народ.
Про добрых дядей-меценатов,
Дающих от своих щедрот.

Лишь прибыль, даже на ночь глядя,
Волнует этих воротил,
И нету подлости, что ради б
Неё богач не совершил.

Ошалев от победного запаха,
Не учли, чем, настанет срок,
Агрессивной политике Запада
Адекватно ответит Восток.

Сердцем, печенью, селезёнкою,
 Всеми фибрами грубой души,
 Позабыв: Восток – дело тонкое,
 Доверять ему не спеши.

Не гадали, когда кошмарили,
 Чем аукнется в свой черёд
 Детям нашего полушария
 Их кровавый восточный поход.

И не думали о последствиях,
 Всё сильнее впадая в раж,
 Забывая, с какими бедствиями
 Связан каждый такой вояж.

Есть за что, господа хорошие,
 Коль себе и другим не врать,
 Нашей с вами Европе крошечной
 Пеплом голову посыпать.

Не судьба ей в кровати нежиться,
 А пошире раскрыв карман,
 Принимать сотни тысяч беженцев
 Из поверженных в прошлом стран.

И стоят вконец обалдевшие,
 Вон уж – каждый второй азиат,
 Полководцы позеленевшие,
 Виновато потупив взгляд.

Кто предвидел из них заранее,
 Ну хотя бы один на всех,
 Чем чреваты завоевания?
 Сколь токсичен любой успех?

Что себе изменив до странности,
 Вся Европа сегодняшних дней
 Превратится в музей толерантности,
 Во всеобщедоступный музей.

Где хотите вы, не хотите ли,
 Не поймёте, кто белая кость,
 Кто тут чёрная? Кто победители?
 Кто хозяин? Кто временный гость?

Шлейф былого победного запаха
 Испарился, и вот вам итог
 Агрессивной политики запада –
 Пронизавший весь Запад Восток.

Вновь в городе случилось происшествие,
 И люди озабочены весьма.
 Все, кроме городского сумасшедшего,
 Давно уже сошедшего с ума.
 Кто ищет в жизни разные лазейки,
 Кто пашет от зари и до зари,
 А он сидит счастливый на скамейке
 И мыльные пускает пузыри.

Ни смотри, ни парады и ни шествия,
 Ни войны, ни другая кутерьма,
 Нисколько не волнуют сумасшедшего,
 Ведь он уже давно сошёл с ума.
 Ему плевать, Эллада или Троя,
 Он выстрадал по праву свой статут.
 За критику общественного строя
 Его лишь одного не привлекают.

Год близится к концу, и по прошествии
 В Налоговой потребуют отчёт
 От каждого, и только с сумасшедшего
 Давно никто налоги не берёт.
 От нашей повседневности оторванный,
 Не знающий Закон от сих до сих,
 Налогооблагающие органы,
 Как правило, не трогают таких.

Но ты, мой друг, как все мы, в мир пришедший,
 Запомни, коль всему вокруг не рад,
 Ты вовсе никакой не сумасшедший,
 А так, обыкновенный психопат.
 Задёрганный, но не умалишённый,
 Как наш герой, и вздумаешь роптать,
 То значит в соответствии с законом
 Тебе за всё придётся отвечать.

Не ведая с отчётливостью вящей,
 Что ждёт тебя: сума или тюрьма?
 В безумном мире, с каждым днём сходящим
 Всё более и более с ума.
 И коль наш мир неизлечимо болен,
 Не верьте ни в один безумный миф,
 И только сумасшедший лишь настроен
 Сегодня на какой-то позитив.

Бессмысленность каких-либо усилий.
Почти невыносимая среда.
Вот так и Бунин покидал Россию,
Как выяснится позже, навсегда.

Чтоб странствуя, скитаясь, сожалея,
Вдали от дома тридцать с лишним лет
Писать с тоской про тёмные аллеи,
Которых в этой жизни больше нет.

Былого, как известно, не воротить,
И впору брать билет в один конец.
Прощай Москва! Прощай родной Воронеж!
Орёл, Ефремов, Тула и Елец.

Прощай страна и родина! Отныне,
Когда судьба отчизны на кону,
Кому-то очутиться на чужбине,
Кому-то строить новую страну.

Кому-то слёзы лить, кому-то дуться
И повторять: трава в ней не расти.
Но рано или поздно вновь сойдутся
Однажды их нелёгкие пути.

В июле, октябре, а лучше в мае,
Когда забрезжит утренний рассвет,
Пускай и с опозданием понимая,
Что правых-виноватых больше нет.

Рассказы

К родным

Надоница. Второй день от Красной горки. Нынче весна ранняя, швыдкая. С каждым годом, стала примечать бабка Катерина, всё быстрее от-метали для неё метели. Подберёт зима свой истрё-панный ветрами хвост, твякнет-хватит, будто лю-тая собачица, напоследок морозами, и нет её, как не бывало. Лишь останутся напоминанием о ней замызганные сопливые снега по буеракам, но и те слизнут парные апрельские дожди, растопит-под-жарит, будто смалец на сковородке, бойкое вешнее солнышко.

И оглянуться Катерина не успеет, как горожу надо городить, чтобы скотина по бакше не шастала, картошку прогревать, с Федькой трактористом загодя сговориться стать на очередь, чтоб вовремя вспахал-засеял. В былые годы за пару зорь ничего не стоило ей и лопатой управиться. Но то ж когда было! С тридцати трёх вдовствует. Всё в одни руки. Поизносилась бабка Катерина. Глазеньками-то чего б не наворотила! А только порой и похлёбки сварить мочушки нет. С каждой весной урезает она себе бакшу и урезает. На кой ляд такая-то? Вон в подполе ещё сколь картошки! Всё одно под гору валить. Проросла, спуталась, не разобрать.

Уж и третьи петухи отголосили, а бабка так и не сомкнула глаз. Какой сон? Дождалась-таки, дал Господь и в эту вёсну дотянуть до самого на-главнейшего для неё дня – Радоницы.

На кухне зашипели ходики, растворилось оконце, но кукушка кашлянула, поперхнулась и притихла. Катерина сползла с постели, натянула бурки и, пригрозив птичке корявым шишкастым пальцем, поддёрнула гири. Вернулась в горницу, села на кровать. Дожидаясь рассвета, взяла с пол-ки прореженный временем гребешок, расчесалась на пробор. Коса у неё всё такая же, по самый опоясок. Только из тугой пшеничной короны вокруг головы осталась белёсая жиденьякая верёвочка. Бабка закальвала косицу шпилькой, заправляла

Татьяна Ивановна Грибанова – родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор четырёх поэтических книг «Апрель», «Прощённый день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль», книги деревенских рассказов «Лесковка» и книги лирических очерков «Кольбель моя посреди земли». Печталась: в журналах «Наши современники», «Родная Ладога», Роман-журнал «XXI век» и др.; на сайтах: «Росписатель», «Великороссъ», «Камертон», «Русское поле», «Славянские традиции», «Славянская лира» и мн. др. Член Союза писателей России. Лауреат многих литературных конкурсов.

Живёт в Орле.

её под низко повязанный платок. Некому пожалковать об её угасшей красе. Уж сколь годков некому!

На Петровичевой веранде пыхнул свет. «Витька ихний из Заречного вернулся, – решила Катерина, – бабы перетирают, по Людке Тимохиной сохнут, обхаживают... Коли не война эта растреклятая, и я внучат бы давно выхаживала... Как убивалась тогда на росстани по Митеньке Варя Сотникова! Любость у них, знать, была... Сказывают, так и не сложилось потом у неё в городе»...

Бабка пообвыклась глазами. Всё в горнице по-прежнему. С тех пор, как ушли её родные, не меняла она в своём обиходе ничего. Надеялась, что живы, что ошибка вышла. Не могли они уйти, оставив её одну-одинёшеньку на белом свете, знали, что она и дня без них не может. Только верой в их возвращение и цеплялась за жизнь. Сердце не смирялось с похоронкой.

Тягучка-то за Василия не отдавал... Катерина из крепкой семьи, а Вася – сирота сиротой, бабушка выхаживала. За все годы, что прожила Катерина с мужем, ни разу не пожалела о той мартовской ноченьке, когда семнадцать лет в одном платьице ушла из родительского дома к Васе.

Всё нажили... Вася рукастый... И дом поставили, и хозяйством обзавелись. И табуретки, и стол, и этажерка – всё мужем слажено... А уж как берёт её, Катерину-то! Соседки завидовали: «И за что тебя, девка, Господь мужиком таким наградил?»

А как народился Митя, так и жили ради него. Смышлёный был мальчонка, всё около отца, около трактора крутился. Вася прикидывал, сынок на механика выучится... Вон и книжки Митины на полке... Сколько лет надеялась, пыль сметала, хранила, думала, может, вернётся Митенька, сгодятся.

Катерина встала, подошла к шкафу, раскрыла резные створки: Митины сатиновые рубашки, Васин тёмно-коричневый в полоску пиджак. Погладила вещи, опустила руку в карман пиджака, нащупала расчёску. Когда-то она купила её в городе на ярмарке для Васиных норовистых кудрей... А в другом кармане... она точно знала... письма её родных... все семь... Писал их завсегда сынок. Почерк мелкий, убористый. Всё – как ты, мамка? Не хвораешь ли? Как с уборочной, управились ли без мужиков? И обязательно – Варе поклон. А о себе особо не прописывал. Громим, мол, ворога лютого. Ты только дождишь нас, мама, снова заживём, лучше прежнего. А в конце – обязательно приписка. Буквы корявенькие, Васиные. Мол, крепко тебя, Катерина, обнимаю, помню. Навеки твой – Василий Митрофанов.

Старушка за долгие годы ожиданий запомнила на треугольниках каждый завиток. Очки не надбились, заучила наизусть... все до одного.

Вчера днём было не до воспоминаний, а ночью нахлынули, не отпускают...

В сенцах громыхнуло, и в отзынутую дверь проскрёбся Катеринин хлебник, хозяин и гроза всего проулка, кот Стёпка. Шляется с самого марта где ни попадя, пропадает по неделям, а мыши ходуном ходят. Сготовила старая семечки гарбузные на посадку – угостились за моё почтение. «В каждом дворе опосле твоего гостенья рыжатки мявчут», – поцуняла любимца бабка.

Ещё с мужем завели они эту золотистую масть. С тех пор Катерина сколь котов сменила! И все рыжие, и все Стёпки... как при Васе.

Накануне умаялась, хлопотала у печи. Красила в луковой шелухе яички. Рябка свеженьких после Пасхи поднесла... Рябку вчёрась, хоть и жаль, порешила.

Вечером разостлала на сундуке новый подшалок, собрала всё, что полагается на помин: свячёный в новой, в прошлом году поставленной церкви,

куличик, пяток крашенок, умлевшую на тихом жару Рябку. Спихватилась – позабыла красенькую. Откутала чулан, разыскала поллитру.

Вася-то особо не потреблял... Было, правда, раз... гулял дружкой у Федьки Прохорова на свадьбе... Но уж как маялся! Опосля и нюхать не нюхивал...

Увязав узелок, выставила его на холод, в сенцы на лавку. Сверху прикрыла плетушкой. Не дай Бог Стёпка начередит, разучует Рябку! Плетушку, для спокойя, привалила голышиком, что из капустной кадки под Велик день вынула (квашенка уж на самом донце, подъелась за зиму, гнёт ни к чему).

Не спалось... То ли от того, что не как обычно, на печке, а пройдя по полосатым, редко хоженным половикам в дальний угол почти нежилой горницы, Катерина прилегла в прохладную (столько лет не тронутую!) постель, то ли от того, что пахло от подушек чабрецом и донником. Вася любил дух поспелых трав, и она в лучшие годы, тайком от мужа, сушила и подкладывала в подушки пригоршню другую душистых цветиков. Бабы допытывались, бывало: «И чем ты Василия приворожила? В жисть на сторону не лызнул, будто окромя тебя в округе и баб статных не сыскать!»

Почти исчезнувший, но такой знакомый, сразу уловимый, запах трав напомнил Катерине довоенное время, пору сенокосную.

Двужильная была она, мужику на косовице не уступала. Ручку шла за Васей след в след, ни на шаг не отставала. Припомнились ей давно затерянные, почти уж стёртые временем ночи в лугах покосных. Не ночи – мгновения! Откуда силы брались! Ночь с Васей в копёшке пролюбятся-промилюются, а утром опять за косу, за грабли-вилы. Знать, от ласк Васиных, от поцелуев жарких душа у бабы пела, руки к работе рвались... Вася дочку хотел... А Катя ему: «Срамота! Митьке пятнадцать, а ты – роди да роди!» Да... жизнь была в радость. Только такое короткое бабье счастье оказалось!

За неделю до того проклятого дня покосы у Светлого дола отвели. Председатель Фомич расщедрился, от колхозных работ освободил. Паи богатые нарезали. Коси – не хочю! По двору бабушку Васину оставили. Хоть и духу у неё на копейку к той поре осталось, а всё ж таки живая душа: курам сыпанёт, Милку из стада встретит-подоит.

Травица! Стена стеной! После тёплых дождичков как поёрла! Не разгонишься, коса задыхается. Ручку пройдёшь, уж на копёшку смахнул. Работы хватало. Спозаранок, покуда роса, косили. Потом прибежал Митя на подмогу – валки подразбить, вчерашнее сворошить. Днём жара! Сенцо, что чай, душистое. Неподмокшее, за день просыхало. Бери да смётывай. Вася – самый мужик, тридцать пять, Катя – чуток помоложе... Подвострят жальцы да и вдругорядь, без передыху. Силушка на волю рвалась. Весь отдых – кваску попить. Подвалили – на три коровы. Подумывали, не пустить ли бычка в зиму. Корму – хоть отбавляй.

В тот день Вася заканчивал делянку, а Катерина с Митей в валки скатывали сухое. Уж полдень вовсю. Смотрят: бригадир на Смелом летит. Вася ещё: «Запалит, паразит, коня!» А жена ему: «Васенька, знать чтой-то приключилось! Уж не пожар ли?» Петрович на стремянах привстал, картузом машет, созывает: «Война! Война с германцем!» Вася только и сплюнул: «Эх, скопнить сволочь фашистская не дал!»

А Катерина не могла, не хотела верить... Какая война? Всё такой же залитый солнцем день, на небе – ни тучки, ни громыхнёт, ни сверканёт. И дед Редька погнал стадо к тырлу на дойку. Беспечно роятся бабочки, воробьи барахтаются в просёлочной пыли, голопузая ребятня ныряет с кладки у

Степкина омота. И кукушка с самого утра считает и считает. Всем до ста лет наворожила. И такая красота кругом! Разве может в такой день где-то прятаться, подкрадываться смерть?

«Брешешь, – загалдели мужики на Петровича, – у нас сговорённость!» Но, подхватив наспех косы и грабли, рванули в деревню. Какая косовица!.. У правления, вывесив на столб тарелку, всех поджидал председатель. Завидев его, смекнули: видать, дела нешуточные, коли так посуровел и ссутулился Фомич. Разом постарели бабы, посмурнели мужики, притихли ребятишки... Казалось, помертвело всё вокруг, будто перед грозой: осыпались маки в конторском палисаднике, присмирели в чертополошинах воробьи, и только ласточки, словно пули, вжикали и вжикали низко над землёй... И вдруг над покосными лугами, над просохшим несметанным сеном ка-ак бубухнуло, и с запада потянулись тяжёлые страшные тучи. И уже совсем рядом, у околицы, ударило ещё раз и сверкнуло так, что полыхнули тополя на Манькиных задворках. Над ними застонали грачи, заорали, закружили, накрыли обмершую деревню чёрным расплзающимся облаком...

А уж после Петровок, в середине июля, мобилизовали всех работных мужиков...

Растревожила старуха душечку воспоминаниями... Да и как забудешь те минуты, с которых жизнь покатила кувирком, и не сыскать уж возврата к её далёкому счастью?

Не давала бедной Катерине уснуть и карточка, что висела в горнице над фикусом, напротив кровати. Пожелтела совсем. Вон ведь как рушник по раме белеется, а Васи с Митею почти не разглядеть. Только старушка точно знает: тут они, смотрят прямо на неё, в упор, будто до сих пор серчают за то, что выла, пласталась у большака, как провожала, не отпускала.

А как не причитать-то? На велику бойню нешто лёгко сразу обоих спровадить? Вася всё ж таки мужик, а Митенька!.. Господи, до семнадцати годков двух месяцев не дожил... Море разливанное слёз утекло, а всё не может простить себе Катерина, что не доглядела, не удержала, не спасла единственную кровиночку...

Сколько раз, не считано, голосила она за свой век старинную вдовью песню:

*На кого ты, милый мой, обнадежся?
И на кого ты оположился?
Оставляешь ты меня, горе-горькую,
Без теплова свово гнёздышка!..
Ни от кого-то мне, горе-горькой,
Нет-то мне слова ласкова,
Нет-то мне слова приветлива.
Нет-то у меня, горе-горькой,
Ни роду-то, ни племени,
Ни поильца мне, ни кормилца...
Остаюсь-то я, горе-горькая,
Младым-то я млада-младёшенька,
Одна да одинёшенька.
Работать мне – изможенья нет,*

*Нет-то у меня роду-племени,
Не с кем мне думу думати,
Не с кем мне слово молвити –
Нет у меня милова ладушки.*

Причитала Катерина всегда душой. Повоет, глядишь, и полегчает. Поголосит, что через скобку водицы святой плеснёт, – отляжет с душеньки.

Как провожала мужа, думала, до осени... край к Роштву свидятся. А оно вона как закрутилось! На годы захлестнуло!

Оба легли... вместе... в сорок третьем... И ведь где-то рядом... А могилы старушка не знает. Дуга-то Орловско-Курская эвон какая была! И бойня жуткая... Тут... в нашенской земле лежат её родные, хоть это успокаивает надорванное сердце.

Как подходят майские, День Победы, собирается всё село к правлению, у обелиска, открит Катерина у себя в хате, повяжется вдовым, ни разу не менянным на светлый со дня двойной похоронки платком, и, окаменев, (как только ноженьки несут?), потянется за односельчанами на митинг.

Много фамилий высечено на камне, но нет на нём двух её самых дорогих имён. И оттого нет и ей покоя сколько уж лет. Не заспит, не заест своего горя Катерина. Хоть бы одним глазком увидеть то место, где остались навечно её Вася и Митенька... Как могли сгинуть без вести её родные?.. Землицы бы своей, деревенской свезти, на холмик посыпать, поголосить бы от души, рассказать им, как жила все эти годы осиротевшая в самом расцвете Катерина.

Хоть и была с вечера сварена поминальная пшёнка, собран узелок, бабка поднялась, ещё не забрезжило. Зажгла свечку у Георгия Победоносца, пошептала с ним о чём-то, поклонилась в пояс мужниной и сыновней карточке. Но не заголосила, не закричала. Утёрла влажные глаза кончиком подшалка. Слёз не было. За долгие мучительные годы выпали они ядовитой росой на её сердце, иссушили его. И сама она – щепка-щепкой. И живёт из года в год одной надеждой, что откроет Господь ей глазоньки и в этот год на Радоницу...

За окном затарахтел мотоцикл. Агроном Иван Сидорыч собрался ни свет ни заря в поле. Гришка, вроде, у Дальнего лога вчера рыкал, пахал. Сидорыч ему не доверяет... Да и как доверишь? День работает, неделю пьёт... Да... пулей долетит агроном до Дальнего. Теперь эвон какая техника!.. Раньше-то лисапедка за диковинку слыла. Редко у кого имелась.

Помнится, отсеялись по весне, Василию премию выдали. А он – ишь чего удумал! – на подарки её и убухал! Лисапед в сельпо приобрёл. Митька всё Варюшку Сотникову в Снежный овражек за черёмухой катал... Потом её соседскому мальцу отписала... Вещь почти неиспользованная. Чего зазря без уходу ржаветь-то? Застоялась без хозяина... Митя бы дозволил... душенька на распашку... бесхитростнай... Кто только не гонял при нём на лисапедке том!

И жену не обнёс тогда Василий: отрез крепдешиновый прикупил. По топлёному молоку розанчик аленький с голубиное яичко. А ещё учудил – помаду к лицу! Вовек она губы ничем не мазала. Только за ради Васи и приняла подарок... И по сей день лежит та помада в сундуке, рядом с любимыми бусами, теми самыми, что одарил её Вася за сына. Крупные, ягодка к ягодке, вишенка к вишенке... Не стало мужа, и запрягала она свою радость, завязав в носовой платочек, на самое донце сундука. Нечего душу беречь!..

Любил Вася Катерину порадовать. Да и вообще задористый был. Привёз как-то из города шутовину. Для всех, мол, чтоб в дому веселье не переводилось. Открывает ящик чёрненький, а в нём – патефон! Первый на деревне! Катерина: «Что ж ты? Видать, все деньги ахнул?» А Вася: «Ничего! Жизнь впереди! Ещё заработаем!» Вынесет к вечеру музыку во двор, вся молодежь на «Кукарачу» да на «Рио-Риту» и сбегается...

Патефон Катерина в сорок пятом отнесла в клуб... на общий праздник... да там и оставила... всем на радость.

С полным рассветом бабка отправится в путь. А пока, не привыкшая к безделью Катерина, искала своим рукам заботы. Бурьянным венником размела утоптаный до сметанного блеска пяточок у крыльца, прибралась на загнетке. Порылась в сундуке, вынула тёмно-синюю в мелкую крапку штапельную кофту, обористую, цвета смурной октябрьской ночи, юбку, новый подшалок. Целая стопка этих чёрных подшалков громоздилась в углу сундука... чтоб хватило до конца бабкиных дней. Видать, её это цвет – чёрный...

В тот день, когда Маруся-почтальонша принесла похоронку, жизнь Катерины, словно берёзовое полено, раскололась надвое. Маруся протягивала страшный конверт, а она отступала. Забежала в хату и заперлась. Пролежала в беспамятстве сутки, а как выползла на другой день в сенцы, обнаружила похоронку на полу. Почтальонка подоткнула её под дверь.

Маруся и сама была не в себе. Месяц назад получила такую же страшную весть о своём Николае. А потому не стало у неё сил на причитания с Катериной. Сколько похоронок разнесла по деревне! Но разве к такому привыкнешь? Со смертью мужа оборвалась в натянутой душе её какая-то звонкая струна, и она сникла, как никнет от лихих заморозков всё живое.

С тех самых пор Катерина старалась не заглядывать в зеркальный осколок повыше загнетки, встроенный когда-то для неё мужем. А если бы ненароком посмотрела, то не узнала бы себя – за ночь выбелило ей голову, да так, что и невозможно предположить, русая или чернявая была её коса до гибели мужа и сына.

Выгребая из подвала на посадку картошку, баба откидывала старую, сморщенную, никому не нужную, не годную на еду, не способную родить. Она невольно сравнивала себя с никудышной, жмуриной картофелиной. Становилось ещё горше.

А сейчас, в свои восемьдесят с лишком, бабка Катерина, как замшелая верба на Синь-юру, гнулась всё ниже и ниже. И так же, как верба, не сдавалась ни лютым ветродуям, ни страшным февральским буранам, всё ещё скрипела зачем-то на этом свете. Почему Господь до сих пор не забрал её к себе? Может, и ему она не нужна? Или за давностью лет позабыл Всевышний о её существовании?

Бабка и сама понимала, что задержалась на этом свете. Но несколько лет назад в райцентр ко Дню Победы доставили настоящий танк. Говорили даже, что времён войны. Установили его на главной площади, как памятник, над могилой неизвестных солдат, погибших у нас в сорок третьем.

И решила тогда для себя Катерина: эта общая солдатская могила и будет могилой её родных. Они ведь танкистами были, у танка им и лежать полагается.

И повадилась она в район. Не на День Победы, когда митинги да оркестры, а на Радоницу. Хотелось ей наедине попричитать о Васе с Митенькой, потолковать с ними о своём.

Теперь у Катерины в этот поминальный день неведомо откуда брались силы. Согнутая в три погибели спина её распрямлялась, и бабка становилась проворна, словно молодуха. Издали казалось, сорокалетняя сноровистая баба снуёт по Катерининому подворью: вывешивает чугуны на просушку, отворяет ставни, стучит-гремит вёдрами, торопится с управкой.

В те страшные дни, когда фашисты нахрапом брали в округе село за селом, всю колхозную технику, лошадей, приказали спешным порядком отправить

на фронт. Председатель Фомич уговорил приехавшего уполномоченного, чтобы колхозу за все трактора и грузовики позволили иметь именную танк. Так и назвали его, как колхоз, – «Родина». И усадили на него лучшего тракториста, Василия Митрофанова.

Митя к тому времени два раза убежал на фронт. Но его упорно возвращали. И порешил Василий взять сына в экипаж. А Катерину успокаивал, мол, всё одно сбежит, а со мной хоть под приглядом будет.

Так и воевали почти два года отец с сыном на колхозном танке. На карточке разглядела как-то Катерина, на башне танка Митя краской вывел: «За Родину!». И за колхоз, значит, и за всю огромную страну.

Мужики её бились с ворогом, а Катерина вздрагивала от каждого стука в дверь...

Через месяц, как ушёл Василий, поняла она, что ночи июньские покосные оказались для них действительно счастливые – Катерина понесла. Но крошечная Василиса, не прожив и месяца, померла... В страшном сорок втором не было места младенцам.

Как бедовали под немцем, жутко вспомнить! Хорошо, что бабушка Васина через неделю, как он ушёл, преставилась. Чем бы кормила её Катерина? Выгребли всё подчистую нехристи. Бабке до сих пор не верится, что сдюжила деревня тогда, не померла с голоду. Картошку прошлогоднюю в полях по весенней хляби собирали, сушили, мололи, «пирепики» стряпали. Хлеба два года не видывали. Всё на подножном корму. А чтоб приварок какой! Об этом вовсе позабыли. От голода пухли, еле волочили ноги. Скот, птицу немец вырезал. Детишки мёрли один за другим. Крыс-мышей и тех не стало. Стёпка с голодухи стащил у германского повара курицу... Пристрелил злыдень Стёпу...

Бывало, идёт Катерина вместе с другими бабами под прицелом полиция Афони окопы рыть, а сама думает: «Только б знать, что живы, что бьются, а я уж тут как-нибудь». А саму ветром шатает от мякинных лепёшек да от лебеды. Чёрная, словно смерть, в чём только душечка теплится.

А как нашим придти, удумали фашисты девок, мальчишек да баб молодых в неметчину гнать. Двое суток просидели они с Варей в шейной яме. Дед Микитка соломой завалил, стог над ямой свостожил. Тем и спаслись.

К осени сорок третьего, как уж похоронка пришла, надумала Катерина с жизнью расстаться. Прасковья, соседка, из мотка вынула: «Ты что ж это, девка, – серчала она, отхаживая Катерину, – фашиста погнали! Только жизнь начинается. Эх, ты!» А Катерине на белый свет глядеть не хотелось. Ничто не мило.

Но демобилизовали с фронта израненного Фомича, затеплился колхоз. И Катерине некогда стало задумываться о собственной судьбе. Навалилась страшная, тягловая работа. В деревне не осталось даже коров. Подходила весна. Надо было как-то вспахать, чем-то засеять. По четвёрке бабы впрягались в плуги и пахали не огороды, запущенные колхозные поля.

Тупая, тяжкая, каждодневная работа опустошала и тело, и душу. Повечеряв кой-чем, валилась замертво. Наверно, это и спасало. Не оставалось времени на нытьё. Надо было выживать, всем бедам назло. И в душе всё не гасла, теплилась крошечная надежда: а вдруг всё-таки живы ...

В сорок четвёртом на одной ноге вернулся с фронта Фомичёв Михаил. Парень видный. Но на десять лет моложе... Вернулся – и к ней. Так, мол, и так, всегда нравилась, напрасно ждёшь, мёртвые не воскресают.

Захолодело у неё всё от правды жестокой, но сдержалась, не накричала, не вытолкала прочь, лишь твёрдо сказала, как отрезала: «Не серчай, Васю

люблю». Не «любила», а «люблю!» «Мёртвым не видала, а значит, живой он для меня, и дороже Васи с сыном нет в моей жизни никого!»

Катерина раздвинула занавески, выглянула в оконце. С востока, словно крашенки, выкатились малиновые облачка, вот-вот покажется запоздалое солнце – румяный Пасхальный куличик. Уже блеснула, прорезалась над Мишкиной горой его коронка.

Старушка всплеснула руками, вспомнив, что позабыла о выращенной для Васи с Митей гераньке. Она вынесла и её в сенцы, поставила рядом с узелком.

Выпросила у Семёновны ещё с осени росточек. Выходила. Кустище звон какой вымахал! Геранька – цветик немудрёный, особого ухода не просит. Гореть будет у танка до самых заморозков.

Поначалу власти настороженно отнеслись к появлению бабки Катерины у танка, но, присмотревшись, смирились, допустили, сошли до бабкиного горя.

Обычно она садилась в сквере на лавочке, развязывала свой поминальный узелок, наливала стопочку себе, две других ставила на краешек памятника. На землю, туда, где по весне школьники высаживали цветы, к подножью танка, клала крашенки, крошила куличик. А потом часов до пяти вечера обсказывала родным о своём житье-бытье. Старалась понапрасну не тревожить. Зачем им знать об её хворобах, о том, что угол у горницы осел так, что и зимовать страшно, что в деревне проводят газ, а ей денег даже на дрова собрать не просто? Пусть покоятся с миром. Земля им пухом и царствие небесное.

Совсем развиднело. Прихватив узелок и горшок с геранью, бабка затворила крыльцо, вставив в ручку орешину, и уселась наизготовке под грушенкой. В её кипени уже жужукали пчёлы. Дульку эту раздобыл где-то Митя и посадил у крылечка в предвоенную вёсну. Не один десяток лет кормит она безотказно деревню. Людям на здоровье, Мите с Васей на помин.

Коровы стадом прошли вдоль улицы за околицу, в Марьин овражек. Потянуло парным. Когда-то и Катерина держала корову. С последней Зорькой тяжело расставалась... А куда деться-то? Руки совсем не слушают. А её, сердешную, ну-кась, обиходь. Советовали ей козу завести... Нет скотины, и эта ни к чему. Конечно, стакана б молока ей хватило. Но как вспомнит она вымястую Зорьку!.. Идёт по улице на закате, дойки чуть ли не по земле волочит. И молоко сдержат не может, так и кропит на подорожники...

И что это Михаил задерживается? Уж кой год молоковозит, а порядку не помнит. Правда сказать, об одной ноге-то шибко не разгонишься. Да и в дому один. Лидия-то когда ещё померла... Во все концы один... И с конягой поди управься!.. Молочка тайком прямо с фермы завезёт и завезёт Катерине... Тебе, мол, словно дитю малому, полагается... Придумал тоже!.. Не раз, как помоложе была, предлагал сходитьсь... «К чему на старости лет срамиться-то?.. Да и Васю я с годами ещё пуще люблю», – отнекивалась Катерина. Он, видать, за любовь такую крепкую к Васе и уважает её, каждый раз поклон её родным передаёт. Сполню, мол, Катя, просьбу твою, сполню...

Слышится скрип, и из-за Прониной хаты выкатывает телега, груженная молочными бидонами. На передке, на охапке сена, восседает Михаил. Он в новом картузе и потёртом плисовом пиджаке, на котором поблёскивают медали и орден Славы. Заметив пристальный взгляд Катерины, поясняет: «Ить я тоже... не у мамки за печкой хоронился!.. Собралась что ли?»

Катерина, придерживая узелок и гераньку, усаживается рядом. «Ну, милай, поспешай! Аль не знаешь, куда едем!», – прикрикивает на Гнедого Михаила...

Подранок

Весна бьёт во все звонницы. На Оке сошли льды. Изумрудится первая травка. Солнце припекает не на шутку – не по-мартовски.

Мы сидим в парке на скамеечке, я и мой хороший знакомый, пожилой учитель физики из Орловской школы Пётр Михайлович Сиваков. Говорим о раннем паводке, о последней подборке его стихов, опубликованных в местной газете. Пётр Михайлович родом из Белоруссии, с Могилёвщины. Давным-давно переехал в Орёл, но каждый отпуск проводит на родине.

– Не могу, – вздыхает, – лишь запахнет в середине февраля весной, лишь задзынькают сосульки, потянет меня, как старого аиста, в родные края. Посмотреть, буйно ли зацветёт вереск, урожайна ли черника нынче на моих болотах, не перевелись ли плотицы в заросшем купавками прудке.

Грачи горланят в кронах, таскают веточки, подновляют гнёзда. Порой взлетают всей хлопотливой братией, кружат в тёплых ветрах и шумной тучей снова обрушиваются на парк.

Мой собеседник наблюдает за птицами. Вдруг замолкает, словно припоминает что-то из далёкого прошлого. Я не осмеливаюсь нарушить его раздумья.

– Был март, – наконец, вспоминает о моём присутствии Пётр Михайлович, – совсем такой же, как сегодня. Ранний. Звонкий. Разноголосый. Моя шестая весна. Военная...

Мальчик из разорённой войной белорусской деревушки. Подранок... Память его – открытая, незаживающая рана.

– Почти два года прожили мы с мамой в землянке. Фашисты спалили нашу деревушку Ржаное. Оставили лишь несколько дворов на безлесом взлобке, подальше от партизан. Разместились в уцелевших хатах и начали вершить новый порядок.

По утрам Федька-староста пробегал с двумя полицаями вдоль землянок, выгонял жителей на трудовую повинность – валить лес. И так изо дня в день и летом, и зимой. Боялись партизан, вырубали в округе лес.

Как не бояться-то? Весь край поднялся, вся Белоруссия. Кто стерпит такое зверство? Жутко было жить среди обуглившихся срубов, осиротевших печных труб, среди того пожара, которое для любого из нас сызмальства до каждого плетня, до каждой скворечни было самым дорогим местом на Земле. Бабы ревели, мужики проходили молча, только сжимали крепче ручки топоров. Из мужиков всего-то два инвалида Первой мировой, а остальные наши – кто на фронте, кто в лесах.

Матушка неделю, как слегла. Ноги её распухли, вокруг глаз ещё сильнее проступили чёрные круги. Одежка мешком висела на обострившихся, и без того худых плечах...

Общая беда сближает людей... Не бросали соседи... Помню деда Трифона... То взвар маме принесёт, то пирепиков на огородах набирает, лепёшек сварганит, мне в карман засунет. Сам – в чём дух держится! Даже землянку вырыть не осилил. Накрыл кое-как валежником вырванную миной ямину, так и жил в ней вторую зиму, как медведь в берлоге...

Не забывала нас и соседка Макарьевна. Правда, была она не в себе после того, как немцы расстреляли её старшенького. Когда фрицы ворвались-таки на улицу Ржаного, засел он на колокольне посередине деревни и снял из дедовой берданы офицера.

Какая ж мать не свихнётся от такого горя?.. Иногда Макарьевна забывалась и принимала меня за своего Стёпушку. Совала в руку печёную картофелину, прижимала к плюшке, от которой пахло гарью и сыростью... Как сейчас вижу её. Стоит перед глазами. Не забудутся, видно, вовек её обгоревшая белокрайка, разбухшая от весенней распутицы, на ладан дышащая обувка – слаженные из милостыни дедом Трифоном чуни.

В тот мартовский день полицаи раньше обычного стукнул прикладом в амбарную воротину. Как-то, собирая на погорелье пожитки, матушка притащила её к землянке, приладила вместо двери. «На сход!» – заорал фашистский прихвостень.

Деревенских, согнанных на старую ферму, словно перед забоем овец, оцепили автоматчики. Дед Трифон нащупал мою ладошку в длинном рукаве отцовского ватника и крепко сжал. Толпа тихо переговаривалась.

Были последние дни марта. Ручьи золотистыми ящерками скользили по склону, убегали в ещё заснеженный бор. Пригревало. Федькин Вороной сыто лоснился на солнце. Яблоки навоза, просыпанные вдоль дороги, отогрелись, подымался пар.

На крыльцо вышли два офицера и колхозный счетовод Рудольф Францевич. Один из фрицев возбуждённо загыркал в сторону замерших баб. Автоматчики встали наизготове. Дед ещё сильнее сжал мою руку. «Ты, Петро, зажмурьси», – посоветовал старик.

Я, не понимая ребячьим умишком происходящего, любовался начищенными офицерскими пуговицами, разглядывал непонятные знаки – молнии на красиво подогнанной шинели.

Заговорил Рудольф Францевич: «Господин офицер ищет добровольца, кто бы помог доблестным войскам Вермахта – нашим освободителям, пройти через болота». Толпа заволновалась.

Не раз устраивали каратели облаву на засевших в топях партизан. Но все попытки оказывались бесполезны. Как рвали железку, так и продолжали рвать.

«Пять минут на размышление», – взвизгнул переводчик. Бабы молчали. У каждой второй ещё в начале войны муж подался в леса. Как могли они сдать отцов своих детей?

Прошло пять минут... потом ещё пять... Никто не сделал шаг вперёд, не поднял руку, не подал знак. Не было и не могло быть среди истерзанных работой, почерневших от голода и стужи, предателей.

Офицеры заговорили меж собой. Дед Трифон, побывавший в Первую мировую в австрийском плену, прислушался: «Об нас гуторють... Рыжий всех порешить удумал. А энтот, что в очках, супротив пошёл... Чья возьмёт, такая и наша планида станется».

Казалось, бабы от страха ещё сильнее потемнели. Сгребли детей, прижали к себе. Спор затягивался, офицеры ушли в хату.

Народ онемел. Зачув неладное, дети притихли, уткнулись в подолы матерей. Вдруг, стоявшая в середине толпы Макарьевна, не выдержала и начала пробираться вперёд. Бабы сомкнулись плотнее, сберегая ополоумевшую от беды, сжали, не позволили протиснуться...

Ещё двадцать страшных минут стояли мы под прицелами автоматчиков.

Офицеры спустились с крыльца, за ними семенил счетовод Рудольф Францевич, выкрикивая: «Вам предоставляется возможность доказать свою

преданность Великому Рейху. Работать, пока не выпилите свои проклятые леса! Отправляйтесь за инструментом!»

«Выкусил? – зло сверкнул на счетовода дед Трифон, – испокон веку на земле нашей такого не водилось, чтоб своих сдавать, холуй ты паскудней!»

...Весна наддавала. Проклюнулся апрель.

С ватагой пацанов я бегал на пепелище. Рубил лапник, наваливал недогоревших хархаров, устраивал под сосенкой лежанку. Дед Трифон помогал выводить обессилевшую маму. Укладывали, прикрывали. Она всё никак не могла согреться. Даже под палящим солнцем её не покидал озноб.

Уже замуравилась лужайка перед нашим убогим жилищем. Показался первый щавель. Ребятня набивала голодные желудки травой. Хворала.

Схоронили Макарьевну... Не уследили-таки: кинулась с топором на полицаю, приставленного к вырубке сторожевым псом. Полоснул из автомата – не моргнул... Детей разобрали соседи.

В ту пору подружились мы Макарихиным Колькой. Лет на пять постарше меня, ловкий такой, смышлёный. Тоций, чёрный, словно грачонок. День-дёнської лазали по лесу: то ягод сухих насбираем, то беличьи ореховые схроны разорим. Всё никак не могли наесться.

Как-то прибегают Колька спозаранку.

– Петрусь! Айда на охоту!

– Какая охота! – отвечаю, – до ветру выйти сил нет.

– Околеешь, коли со мной не пойдёшь!

– Чем охотиться-то?

– А во! – и вынимает из-за пазухи две свежеструганные рогатки.

– Ишь, чего удумал! Кого эдаким орудием подобьёшь? – сопротивляюсь.

– В Параськины ракитки смотаемся. Там грачей – тьма тьмущая! – не сдаётся Колька.

– Спятил с голодухи! У неё немцы на постое!

Тяжело застонала мама.

– Чего раздумываешь? – Колька кивнул в её сторону. – Аль с осени закормлены?

Поправив под болезной тюфяк, прикрыв получше фуфайкой, я зачерпнул воды, поставил с нею рядом.

– Ну, Кольша, гляди! Словят, не сдобровать!

... Снег давно сошёл, и солнце подсушило пожарище. Ветер веял пепелище, гонял прогоревшие головешки. Деревенскими задами пробрались к Параськиному двору. По пути завернули на ручей, набили галькой карманы.

За бакшой плотным забором громоздились ракитки. Пожар сюда не дотянулся, лишь слизал край ореховой горожи. В эту дыру мы и пронырнули.

Грачи только просыпались. Переговаривались, взлётывали, осматривали окрестность, возвращались в гнёзда. Мы засели в прошлогодних черныльях.

– Грачихи худые, без приварку – высиживают, редко слетают. Бей по грачам, – учил Колька.

Прошло немало времени, прежде чем наострились пулять. Зачув недоброе, грачи облетали нас и с недоступной стороны заходили на посадку. Наконец, Колька умудрился подбить первую птицу. А потом изловчился – и ещё двух. А у меня охота не клеилась. Шесть лет – дитя малое!

– Возьми-ка, – друг протянул подстреленного грача. – Не горюй, Петро! Ещё и яичек набираем!

...Во дворе закопошились фрицы. Дебелый повар крутился вокруг полевой кухни, готовил обед. До тошноты пахло тушёнкой.

Усевшись на порожки, молодой немец наигрывал на губной гармошке. Из-под горы к Параськиному двору потянулись грузовики. Выгружались солдаты, пили из колодезной бадьи, умывались с дороги, готовились к обеду.

– Каратели! Снова облаву задумали, сволочи, – сплюнул Колька, – надо свистнуть нашим.

– Может, хватит? Пора удирать! Завтра ещё разок заглянем.

– Щас! Я мигом! Ты пригнись пониже, посиди минутку. С той стороны ракитки взберусь. Толстенная, не заметят, – заспешил пацан.

Подкинув мне своих грачей, быстро полез вверх по стволу. Дотянулся до гнезда, выгреб яйца, положил в котомку. Рядом ещё гнездо, и ещё, и ещё!

Колька, словно хищник, опустошал гнёзда. Грачи, не выдержав вероломства, спохватились, застонали.

– Партизанен! Партизанен! – послышалось с усадьбы.

Колька белкой метнулся вниз. Раздались выстрелы. К ракиткам бежали фашисты.

– Тикай, Петро! Ти... – только и успел выкрикнуть парень.

Автоматная очередь оборвала его на полуслове. Колька рухнул в бурьян и из последних сил протянул мне котомку. На Макарихиной душегрейке, в которой он ходил после материнной гибели, заалела кровь. Вдоль и поперёк была она прошита пулями, лохмотьями выбивалась окровавленная вата.

Глаза друга погасли. Ничего не соображая, я протянул руку навстречу Колькиной, схватил котомку и помчался к прорехе в гороже. Нырнул в неё и – к обрыву. Кубарем – вниз, через ручей и в лес!

Позади – переполох: орала грачи, гыркали немцы. В Параськиных ракитках остался мой друг Колька...

Я бежал и бежал, пока, наконец, обессилев, не упал в довоенный омшаник. В моей котомке лежали три чёрных злосчастных птицы. В Колькиной – размелюженные грачиные яйца. Долго не решался в неё заглянуть. Под вечер голод взял своё. Всклипывая, растирая по лицу грязными ладонями слёзы, выбрал скорлупки из сумки. Склонился и выхлебнул скользкое желтоватое месиво.

Два яичка оказались целыми. Свернув кульком лопух, уложил в него драгоценность. Подобрал обмякших грачей и по сумеркам прокрался к врывшемуся в землю Ржаному.

Подполз к своей землянке, отворил дверь, прислушался... Тишина...

– Мама! Мама! Посмотри, что я принёс! – бросился к маме, протянул на ладошке два крохотных яичка.

Мама пошевелила рукой, видно, захотелось напоследок меня пожалеть...

Разбив яйца в алюминиевую кружку, недавно разысканную на останках нашей хаты, я поднёс её к маминим губам.

– Чуток пораньше бы... голубь мой... – еле расслышал угасающий голос.

... На другой день дед Трифон оципал грачей. В чугуне на костре сварил похлёбку. На помин.

Собрались соседи. Маму завернули в обгоревшую штапельную занавеску с нашей припечки, отнесли к лесу, на новое кладбище. Старое во время боя

разворотили фашистские танки. Уж и на новом виднелось столько крестов! Полдеревни легло на нём за два года.

Яму выстлали лапником, опустили маму. Сверху насыпали гору вереска... Любила мама пору, когда цвёл вереск.

«Помянем рабу Божью Матрёну», – пришедших позвал дед Трифон к себе в землянку.

...Ещё издали, выходя из лесу, заметили на взгорке виселицу. Фашисты повесили моего друга Кольку ... Уже мёртвого... На шее – доска. Крупными корявыми буквами – «Партизан»... На устрашение...

Через месяц наши отбили мою, выжженную дотла, деревушку. Партизанский отряд проходил вдоль улицы. На одной из печных труб аисты обустроили гнездо, из него выглядывали два птенца.

– Наладится... Всё наладится! – кивнул мне командир. – Держись, малец!

Последний отморозок

Спите! Бог не спит за вас!
В.А. Жуковский

Мертвенная подсветка витрин с канопами, фигурками ушебти, погребальными масками и саркофагами не могла рассеять сумрака обширного зала. По периметру помещения, между пузатыми колоннами в форме связок папируса застыли фигуры в капюшонах.

«И как им удалось арендовать зал искусства Древнего Египта в Пушкинском музее? – подивился Потоков. – Да ещё на ночь! Да ещё для... столь экстравагантных целей»

– У нас обширные связи, Семен Семеныч, – словно читая его мысли, произнёс мужчина в длинном балахоне, застёнутом у горла массивной фибулой в виде строчной латинской «h» с плюси́ком и длинным завитком-хвостиком, как у интернетовской «собаки», – и огромные возможности. Но, по причине косности общественного сознания, мы стараемся их не афишировать. – Говоривший стоял, прислонясь к витрине с мумией жреца Хор-ха. – Не все, увы, далеко не все, особенно из обывателей, разделяют благородные идеи трансгуманизма. А уж соучаствовать в созидании постчеловечества дано лишь избранным. Но вы – другое дело. Вы прошли обряд инициации, внесли вступительный взнос и теперь – один из нас, единовечных братьев-имморталов. – Он обвёл рукой ряды фигур в капюшонах. – Кстати, отныне ваше иммортальское имя брат Симеон. Согласитесь, звучит презентабельнее прежнего, профанного.

– А как мне теперь обращаться к вам, Альберт Карлович? – спросил нареченный Симеоном Потоков.

– Зовите меня просто Верховным Иерофантом Высоковечного Братства Имморталов.

Семен Семёнович несколько раз мысленно повторил мудрёное титулование и обратил внимание, что лицо предводителя имморталов имеет

Александр Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Изящная словесность», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Юность», «Знание – сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ) и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009) и «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с С. Юдиным). Живёт в Москве.

странную особенность: верхняя его часть всегда сохраняет совершенную неподвижность, нижняя же, напротив, пребывает в непрерывном движении. Прежде он этого как-то не замечал. Хотя знакомы они с Альбертом Карловичем были не первый год. Конечно, ранее Потоков знал его не как Верховного Иерофанта, а в качестве руководителя одного из столичных телеканалов.

– А когда уже можно будет меня заморо...гхм, когда вы планируете меня крионировать?

– Что ж, договор на криосохранение вы подписали, чего же мешкать? Сейчас и приступим.

– Как? – несколько растерялся Симеон. – Прямо сейчас?

Верховный Иерофант бросил на неопита долгий взгляд из-под тяжёлых полуопущенных век и скривил подвижный тонкогубый рот.

– Можно и не сейчас. А у вас что же, возникли колебания?

– Нет, но...

– Вспомните, что сим актом вы присоединяетесь к когорте избранных, тех, которые составят новую постчеловеческую общность – высокое братство бессмертных интеллектуалов. Уже сегодня немалая часть мировой элиты – в наших рядах. Я ведь называл вам ряд громких имён? И это далеко не полный перечень.

– Да, но...

– Между прочим, один из ваших сокурсников по университету и, пожалуй, самый плодовитый ныне литератор – я имею в виду Юрия Бабушкина – так вот, он тоже распорядился крионировать себя, не дожидаясь естественной кончины. Вы же понимаете, что эдак *гораздо* надёжнее. После смерти связи нейронов мозга начинают рушиться уже через несколько минут. А ведь потребно ещё время, чтобы доставить тело в криохранилище.

– Бабушкин? – поразился Симеон. – Как это возможно? Он ведь не так давно... ну да! где-то с год назад, на прошлое Рождество, был героем моего телешоу «Ты обделаешься!»?

– Верно. А через полтора месяца уже лежал в жидком азоте.

– Вот новость так новость! Прямо обидно, что я теперь не у дел... Постойте! Но у него же до сих пор каждый квартал новый роман выходит!

– Дело в том, что в отличие от вас, Бабушкин не смог внести всю сумму, необходимую для условно-бессрочного криосохранения тела. Но мы нашли выход. В каждое полушарие его мозга были вживлены по двести пятьдесят шесть соединённых с компьютером платиновых электродов, и таким образом он получил возможность и далее надиктовывать свои незаурядные тексты. Этак даже эффективнее – никаких внешних раздражителей, отвлечений. Ну, а гонорары идут на поддержание его тела в прежнем замороженном состоянии. Кстати, если желаете, мы можем, в качестве бонуса, и вам...

– Нет! Ни в коем случае!

– Я лишь предложил, – пожал плечами Верховный Иерофант. – Так как, вы определились?

– Да, да... – вновь замаялся Потоков. – Денёк-другой бы поразмыслить, собраться, так сказать, с духом... Или полагаете, откладывать не стоит?

– Я же говорю, можно и после. То есть когда вам будет угодно. Только не забывайте о своём диагнозе.

– Да, да, диагноз, – прошептал Симеон.

– Вот именно. Доктора дают вам от силы неделю-две. Метастазы слишком глубоко проникли в полушария вашего мозга, и операбельное вмешательство,

увы, невозможно. Но главная опасность состоит в том, что опухоль в вашем мозгу такого рода, что сравнима с гранатой без чеки. То бишь, смерть может настичь вас в любой момент. К примеру, завтра. Да что завтра! Даже в следующую минуту. Простите, что вынужден говорить вам столь горькие вещи, но, во-первых, вам об этом и без меня известно, а, во-вторых, проблему я заостряю для вашего же блага. ...

– Вы правы, – решительно вскинул голову Потоков, – оттягивать незачем. Давайте приступать.

– Это ваше решение, – важно кивнул Иерофант. И обращаясь к молчаливым фигурам в капюшонах, спросил: – Братья! Надёжно ли заперты двери?

– Надёжно, – глухим слитным хором отвечали те.

– Выставлена ли наружная охрана? – вновь спросил предводитель.

– Выставлена, – подтвердили имморталы.

– Пойдите! – встревожился Симеон. – А вы что же, опасаетесь кого-то? Нам могут помешать? А не повредит ли это процедуре...

– Не тревожьтесь, брат Симеон, – одними губами улыбнулся Верховный Иерофант. – Обычные меры предосторожности. Бдительность лишней не бывает, согласны?

– Но всё же? – не успокаивался Потоков. – Значит, есть причины?

– Это мы от Союза православных кадилоносцев страхуемся, – раздражённо отмахнулся Иерофант.

– А что не так с этим союзом?

– Воинствующие невежественные клерикалы. Втемяшили себе в головы, что мы-де мешаемся в замыслы их Творца, ну и прочее бла-бла-бла в том же поповском духе. Полтора года назад, когда мы ещё были на легальном положении, они воспользовались нашей открытостью и ворвались в одно из криохранилищ, в то, что в Сергиевом Посаде.

– И что?

– Да как обычно, как у них заведено. Принялись голосить: «Эх, да, со святыми упокой, упокой!». И давай... упокоевать.

– Как это?

– А так! Кадила то у них со свинцовой начинкой. Вот и переколотили нам с десяток дьюаров. Благо те пустыми тогда стояли. Но всё равно – ущерб немалый.

– Хулиганство какое-то! – возмутился Симеон.

– Кто бы спорил. А ведь есть ещё летучие отряды мотобатюшек. Те-то все натуральные отморозки. В дурном смысле слова. Как налетят на этих своих ревущих байк-часовнях! Или тот же Союз отцов-плевателей во имя Чистоты Веры. Неделями копят слюну, дожидаясь подходящего случая! А вспомните боевые дружины юродивых. То-то! Видите, сколь безумный-безумный-безумный мир вы собираетесь оставить. Э-хе-хе, – предводитель имморталов сокрушенно вздохнул и покачал головой. – Я к тому, что жалеть совершенно не о чем. Впрочем, лично вам, брат Симеон, тревожиться резонов нет. Сегодня мы работаем под плотным прикрытием со стороны органов МВД и Генпрокуратуры. Именно так! Среди высшего руководства сих ведомств также имеются члены нашего братства. Кроме того, здешнее хранилище находится под круглосуточной охраной и расположено столь глубоко, что ему даже прямое попадание ядерной бомбы нипочём. Однако довольно речей. Приступим к делу.

Верховный Иерофант нажал у основания витрины какую-то незаметную кнопку, и одна из плит пола приподнялась и отъехала в сторону. Под ней

открылась крутая винтовая лестница. Первым спустился предводитель, за ним брат Симеон, следом – остальные братья. Лестница привела их к лифту, который доставил имморталов в длинный зал с низкими бетонными сводами. Иерофант включил освещение, и взору Симеона открылись уходящие вдаль ряды сверкающих капсул-дьюаров.

Предводитель имморталов подвёл Симеона к одной из капсул, похлопал по стальной поверхности и указал на перемигивающийся разноцветными индикаторными огоньками пульт:

– Как я ранее вам и пояснял, время сохранения вашего тела в этом контейнере условно-бессрочно. Однако программа настроена таким образом, что как только человечество решит проблему старения, а ваша болезнь перейдёт в разряд легко излечимых, вы будете незамедлительно возвращены к жизни.

– Это произойдёт в автоматическом режиме?

– Да.

– Понятно. А внешнее, ручное управление дьюаром возможно? Ну, так, на всякий случай.

– Разумеется.

– Хорошо. А сама процедура? Хотелось бы поподробнее.

– Всё просто. После помещения в дьюар вы моментально уснёте. Потом в вашу кровеносную систему будет введён специальный раствор – криопротектор – он минимизирует возможные повреждения при заморозке-разморозке, и воспрепятствует образованию кристалликов льда в межклеточном пространстве. И наконец, камера заполнится жидким азотом...

Уже помещённый в дьюар, Симеон подумал, что надо бы сказать братьям на прощание что-нибудь значительное, сообразное историчности момента, и даже открыл рот, но хлынувший поток усыпляющего газа помешал его намерениям.

По первым ощущениям Потокова сознание вернулось к нему минуты через две, максимум через три. Однако он с трудом закрыл одеревеневший рот и разлепил веки.

Белый потолок. Белые стены без окон. Кажется, и без дверей. Сам он лежит на кровати совершенно голый, укрытый белой же простынёй. Что за чёрт? Где он? Неужели что-то пошло не так, и крионирование сорвалось?

Потоков попробовал пошевелить шеей, потом конечностями. Получилось. Он уже хотел попытаться встать на кровати, как вдруг жуткая мысль змеёй заползла ему в голову. А ну как и не было ничего: ни приёма в члены секретного братства имморталов, ни крионирования? Вдруг всё это лишь бред поражённого метастазами мозга?! А сейчас он в каком-нибудь хосписе для безнадежно больных, где его пичкают наркотическими декоктами, чтобы зря не мучился! Потоков со стоном уронил голову на подушки.

– Френд Симеон? – раздался приятный высокий голос. – Как вы себя чувствуете? Ваше сознание вполне загрузилось?

Потоков скосил глаза. Посреди помещения стояло весьма миловидное златовласое существо, облачённое в нечто вроде коротенького хитончика. Пол создания был трудноопределим. Кто-то из персонала хосписа? Но Потоков мог поклясться, что секунду назад здесь никого не было!

– Гхм... кхр... ххреновато, – после нескольких попыток сумел выговорить он. – Я вввв... больнице?

Симпатичный андрогин с улыбкой покачал головой.

– Вы провели в жидком азоте, в состоянии полного анабиоза более тысячи лет. Если точно, одну тысячу сто тридцать два года. Как у вас с оперативной памятью? Вы осознаёте, кто вы и что с вами произошло? Пробелов нет?

– Всё я помню, – заявил Потоков, с кряхтением усаживаясь на кровати, – нет у меня никаких провалов. Но это что же..? Мать Божья!! Значит у них... у нас всё получилось?! Честно признаться, не ожидал! Надеялся, конечно, но... Позвольте, а кто вы? Полагаю, представитель Братства, то есть, э-э, Высокочечного Братства Имморталов, да?

Андрогин вновь покачал головой, но уже без улыбки.

– Мой ник Сомо, и я полномочный сиснунций Конфедерации Свободных Доменов планеты Земля.

– Чего? Кого?

– Вы лучше прилягте, френд Симеон. Кстати, я правильно вас кликаю? На вашем дьюаре значился именно этот ник.

– Симеон – мое иммортальское имя. А так, по жизни, я Семён Семёнович Потоков.

– Какой громоздкий ник! Можно всё же кликать вас Симеоном? А ещё лучше – Симом.

– Зовите хоть горшком, – проворчал Потоков, подчиняясь совету Сомо и укладываясь обратно в постель, – только поскорее введите меня в курс дела.

– Уверены ли вы, френд Сим, что в состоянии сейчас воспринять столь обширный объём информации?

– А вы без лишних предисловий, покороче.

– Хорошо, я попробую. Хотя история эта древняя. Ну так вот. Ваши бывшие френды, имморталы-радикалы, под предлогом формирования постчеловечества, на самом деле намеревались создать диктатуру бессмертных геронтократов евгенического толка. Но подлинные либертарианские трансгуманисты вовремя разгадали их планы и, объединившись с техногайянистами, сорвали этот коварный заговор... Вы успеваете сканировать?

– В общем и целом, – пробормотал Потоков. – И как же они его сорвали?

Сиснунций звонко рассмеялся.

– Просто, но одновременно и гениально! К тому моменту человечество уже в полной мере освоило технологию «загрузки сознания». И вот, когда к власти в государствах сначала Европы, а затем и Северной Америки пришли подлинные трансгуманисты с техногайянистами, ими были приняты законы о том, что любой гражданин имеет право – на совершенно бесплатной основе! – сканировать свой мозг, оцифровать сознание и загрузить его в Глобальную Сеть. Что собственно и произошло. И человечество шагнуло на новую ступень развития, превратилось в постчеловечество!

– И прямо все люди, – засомневался Потоков, – вот так вот захотели оцифроваться?

– Не все и не сразу. Но стоит заметить, что в те годы среднестатистический житель планеты и без того от семидесяти до восьмидесяти процентов и личного, и рабочего времени проводил в виртуале. Поэтому для большинства окончательная оцифровка не стала каким-то принципиальным выбором. Но главная суть в том, что в результате массовой загрузки сознания в Сеть имморталы потеряли приоритет на бессмертие. Их план лопнул!

Потоков присмотрелся к сиснунцию повнимательнее. И заметил, что тот стоит, не касаясь ногами пола, проще говоря, левитирует в воздухе!

– А вы, значит, тоже... оцифрованный?

Сомо радостно закивал и взмыл к потолку.

– Мы предпочитаем называть себя хомо-сайтами.

– И всё-таки, что случилось с теми, кто отказались от оцифровки?

– Вы правы, френд Сим, некоторые люди проявили прискорбную косность. Нашлись даже целые государства, которые вообще запретили процедуры сканирования и оцифровки сознания на своих территориях. Более того, не остановившись на этом, они фактически объявили войну постчеловечеству. Пытались портить коммуникации, сбивать спутники связи. Но техническое превосходство было на нашей стороне. И мы с ними разобрались.

– Как разобрались?

– Окончательно.

– Надо ли понимать, – с замиранием в сердце уточнил Потоков, – что теперь на Земле одно сплошное постчеловечество?

– Вы снова правы, Сим! – воскликнул Сомо, но заметив выражение лица собеседника, поспешил заметить: – Уверяю, планете это пошло только на пользу. С тех пор она натурально преобразилась. Только представьте: никакого антропогенного давления на окружающую среду! Чистейшие моря и озёра, девственные леса и поля, счастливые непуганые животные. Надеюсь, скоро вы сами сможете убедиться – настоящий Эдемский сад! Кроме того, пойдя этим путём, мы, помимо проблем старения и болезней, разом избавились и от всех остальных. Ведь в виртуальном мире не существует ни голода, ни преступности, ни болезней, ни самой смерти. При этом каждый хомо-сайт совершенно свободен во всех своих желаниях и склонностях. Ведь они никому не могут ни повредить, ни помешать. В Конфедерации Свободных Доменов счастливы даже социопаты и маньяки!

– О! А есть и такие?

– Я же говорил, оцифровка была доступна абсолютно всем. Свобода воли – наш базовый принцип.

– Феерично, – согласился Потоков. – Нет, я и вправду поражён, но... У меня проблема.

– Какая же? – спросил сиснунций, озабоченно зависнув над кроватью.

– Неоперабельная опухоль мозга. Врачи дали мне лишь неделю жизни. Вы сможете мне помочь?

– Легко!

– Уфф, – выдохнул Потоков, – а то я уж было разволновался. Подумал, раз настоящих-то людей, то есть, хотел сказать, таких как я не осталось... Значит, вы все-таки научились уничтожать подобные опухоли без операционного вмешательства?

– Нет-нет! – рассмеялся Сомо. – Зачем бы мы стали изучать болезни вымершего вида животных? Это нерационально.

– Нет?! Как, то есть, нет?! А что ж... а как тогда вы собираетесь вылечить меня?!

– Очень просто. Мы вас оцифруем.

– Вот-те раз... а другой альтернативы нет?

– Можем не оцифровывать.

– Но тогда я умру!

– Да, тогда вы умрёте, – легко согласился сиснунций.

– Мне надо поразмыслить.

– Это никогда не вредно. Но на вашем месте, Сим, я не стал бы зависать надолго. С учетом диагноза.

– Да, да, мой диагноз... Могу я выйти на свежий воздух? Где-нибудь прогуляться?

Сомо хлопнул в ладошки, и белые стены и потолок растворились в воздухе. А Потоков вновь очутился в Пушкинском музее, только не в криобункере и не в Древнеегипетском зале, а посреди Греческого двора. Судя по толстому слою пыли и тенётам паутины на статуях, портиках и барельефах Парфенона, хомо-сайты не слишком интересовались артефактами материальной культуры прошлого.

– Мне бы какую-нибудь одежду, – оглядевшись, попросил Потоков.

– Не волнуйтесь, – улыбнулся Сомо, – снаружи вполне комфортная температура.

– Да, однако ж... совсем голым как-то стеснительно.

– Ах вот вы о чём! – рассмеялся Сиснунций. – Ваши стеснения излишни, уверяю.

«Чего ж ты такой смешливый? – проворчал про себя Потоков. – Небось, палец покажи, и то животик надорвёшь». А вслух спросил:

– В смысле, снаружи никого нет, что ли?

– Не в том дело. Просто постчеловечество фактически утратило прежние гендерные различия. Зачем они нужны в виртуальном мире? Кстати, большой плюс, согласитесь.

Потоков неопределенно хмыкнул и, завернувшись на манер тоги в простыню, проследовал за Сиснунцием к выходу.

Картина, представшая взорам Потокова, и впрямь напоминала сад. Только не Эдемский. Открывшийся ему пейзаж словно сошёл с полотен Ватто и Юбера: оплетённые плющом живописные руины, ливанские кедры, пышные заросли цветущего олеандра; среди развалин тут и там паслись напоминающие козлов животные. В целом же природа походила на средиземноморскую.

– Вам вероятно хочется побыть в одиночестве? – спросил Сомо, участливо заглядывая в лицо Потокову.

– Пожалуй, – согласился тот. – Поброжу тут часок, поностальгирую. А после вернусь в музей.

– Договорились. – И Сомо тут же исчез.

«Гендерных различий, вишь, у них нет, – ворчал Потоков, осторожно ступая босыми ногами по каменистой почве, – так теперь, выходит, и ботинки не нужны!». В останках древних строений вокруг смутно угадывалась улица Волхонка. Потоков направился в сторону бывшего Гоголевского бульвара. Но скоро выдохся. Видимо, за тысячу сто тридцать два года ноги несколько отвыкли от ходьбы. Вдруг слева от себя он заметил овальное озеро; пологие берега водоема обрамляла колоннада пушистых средиземноморских сосен. «Посижу-ка я на берегу», – решил Потоков и свернул на извилистую козью тропку.

Стоило ему приблизиться к воде, как быстро, но бесшумно рассекая озёрную гладь, подплыла и ткнулась в песчаный берег утлая голубая лодочка. Особенно не раздумывая, Потоков забрался в неё и сел. Лодка тут же отчалила, мигом доставила его на середину водоёма и там, чуть покачиваясь, замерла.

«Это сервис что ль такой», – успел подумать Потоков. Но тут в воздухе перед самым его носом сформировалась тонкогубая ухмылка. Впрочем, не

кошачья, а вполне человеческая. Следом за ней проявились и остальные черты лица. Памятные черты.

– Альберт Карлович, вы?! – ахнул Потоков. – То есть, Верховный Иерофант этого... как его?

– Ни-ни! – предостерёг его знакомый голос. – Я теперь Спайдадмин Закрытого Контент-ресурса «Зеро».

– Понимаю, – прошептал Потоков.

– Уверены? – усмехнулся бывший Верховный Иерофант.

– Выходит вы того... не того... не стали себя крионировать?

– Обижаете, брат Симеон (уж, позвольте, я буду величать вас по-старому).

Разумеется, я, как истинный иммортал, прошёл процедуру крионирования. Причём, подобно вам, не стал дожидаться естественной кончины. Но когда началась вся эта заварушка с загрузкой сознаний и массовой оцифровкой плембса, я был досрочно оживлён и рука об руку с остальными отмороженными братьями-имморталами вступил в борьбу с либертарианскими оппортунистами и предателями техногайянистами. Мы сражались до последнего! И проиграли. Когда поражение стало очевидным, я сам, добровольно, пошёл на оцифровку. Всяко лучше, чем ничего. И потом, вы знаете, я всегда был рационалистом... Впрочем, сейчас важно не это, а совсем другое.

– Что же?

– Брат Симеон, я не смогу долго удерживать блокирующий инфо-кокон, а потому прошу вас быть предельно внимательным.

– Слушаю вас, Спайдадмин, – напрягся Потоков. И на всякий случай огляделся. Вокруг них наблюдалось некое радужное колебание воздуха. Наверное, упомянутый инфо-кокон.

– Когда человечество ушло в виртуал, оно, конечно, совершило скачок развития, спору нет. Но одновременно люди угодили в чудовищную эволюционную ловушку, в капкан!

– Почему?

– Ну это же очевидно, Симеон! Ведь эволюционировать способна лишь живая природа. А нынешние постлюди, все эти хомо-сайты (и я, увы, в их числе) по сути своей – потоки и сгустки электромагнитных полей. Согласитесь, электричество никак не может быть отнесено к живой материи. Всё! Конечная остановка! Мы очутились в эволюционном тупике!

– Что же делать?

– У меня есть план, – значительно понизив голос, произнес Спайдадмин. – Но без вашей помощи он неосуществим.

– Да что я теперь могу? – развёл руками Потоков. – Один в поле не воин.

– Слушайте! Хомо-сайтам – разумеется, избранным хомо-сайтам, преданным Закрытому Контент-ресурсу «Зеро», – необходимо обратно загрузить свои сознания в подходящие биологические существа.

– Обратю в людей? – предположил Потоков.

– Это невозможно, – отрезал Спайдадмин. – Последняя женщина вида хомо сапиенс скончалась от старости семьдесят лет назад.

– Тогда что же вы предлагаете? Перенести сознания в зверушек каких-нибудь, что ли? – с недоумением спросил Потоков. – И при чём тут я?

– Говорю же, слушайте! И не перебивайте. Хомо сапиенсов более нет, факт. Но их вид можно возродить! Это реально. Мы спарим вас с самкой одной из высших обезьян, с шимпанзе, например (сегодняшние технологии такое позволяют), потом...

– Что?!

– Не перебивайте! Возьмём самку из вашего с ней потомства, снова спарим с вами, потом ещё и ещё раз – и так, пока не получим существо, максимально приближенное по своим параметрам к хомо сапиенсу.

– Вы в своём уме, Альберт Карлович! – не сдержался Потоков. – Я не хочу трахаться с шимпанзе!

– Нужна лишь ваша сперма...

– К чёрту! К дьяволу! И спермы не дам! – разорался Семен Семенович. – Я, может, и до завтра не доживу, а он спаривание какое-то предлагает! Тьфу!

– Опомнитесь, брат Симеон, – увещевательно загудел Спайдадмин. – Да, скорее всего, вам придется принести себя на алтарь постчеловечества. Но оно того стоит. Это благородно! По-рыцарски.

– Всё равно, не желаю! – заупрямился Потоков. – Сами-то вон, когда хомо-сайты вам хвост прищемили, оцифровываться побежали. А меня на алтарь укладываете!

– Вы забываетесь!

– А ну вас! – отмахнулся Потоков и, стукнув кулаком по корме, приказал: – Эй, лодка, вези меня обратно.

Лодка послушно развернулась и заскользила к берегу.

– Ренегат! – гремел ему вслед голос Спайдадмина Альберта Карловича. – Ты пожалеешь! Если оцифруешься, даже носа в мой Контент-ресурс не показывай!

Потоков почти бегом вернулся в музей. Сиснунций Сомо уже подждал его.

– Ну как, френд Сим, поразмыслили?

– Поразмыслил, – выдохнул Потоков.

– И что решили?

– Надо погодить.

– Не понимаю, – поднял брови Сомо.

– Поместите меня обратно в дьюар.

– Вы хотите снова крионироваться?

– Вот именно.

– И на какой же срок?

– Думаю, тысячи лет хватит. Чтобы тут всё устаканилось.

Потоков очнулся прямо в криокамере. Когда подстёгнутые инъекциями мышечные функции более-менее восстановились, он сдвинул прозрачный колпак дьюара и выполз наружу. Удивительно, но лифт всё ещё работал. Он поднялся на поверхность, однако вместо зала искусства Древнего Египта очутился прямо посреди влажного тропического леса.

Жирные лианы оплетали могучие древесные стволы; где-то на невидимых вершинах заливались на разные лады птицы, а здесь, в зелёном полумраке, гудели мириады насекомых.

Потоков медленно, то и дело спотыкаясь о переплетения корней, побрёл по упругой лесной подстилке. В голове у него шумело: ему слышались чьи-то крики, стоны, даже ругательства. «Болезнь, – пробормотал Потоков, – болезнь прогрессирует. Надо спешить. Только куда?»

Когда шум сделался непереносимым, он в отчаянии обхватил голову руками и привалился к стволу лесного великана. На некоторое время ему полегчало. И вдруг раздался человеческий голос, низкий, почти утробный:

– Ты маньяк?

Потоков огляделся. Никого не видно.

– Кто здесь?

– Я спросил, ты маньяк? – вновь прогудел голос.

– Нет, чёрт возьми! С чего ты взял?

– Тогда зачем бесцельно убил полтора десятка разумных существ?

– Когда?! – ахнул Потоков, непонимающе озираясь.

– Только что. Затаптал своими неуклюжими копытами.

Тут до Потокова дошло, что голос невидимого собеседника звучит прямо у него в мозгу. Телепатия? Или болезнь? Поди-ка, теперь, разберись!

– С кем я говорю? – попробовал выяснить он.

– Плохо видишь? Ты же на меня опираешься!

Потоков оглянулся и несколько секунд тупо смотрел на служившее ему опорой дерево. Потом робко похлопал по стволу и спросил:

– Это ты, что ли? Я говорю с тобой?

– Какой догадливый! – с иронией отозвался голос.

– Ты... Ты обладаешь сознанием? Ты разумно?!

– Да что с тобой? Болен? Какой-то ты дисгармоничный.

– Да, да, я болен!

– Оно и видно, – буркнуло дерево. – Явные признаки деменции. Ладно, попробуем выстроить логическую цепочку. Следи за ходом моих мыслей. Я же живое, так?

– Т-так, – с некоторой заминкой согласился Потоков.

– Ну вот. Уже прогресс. Следовательно, как любое живое создание на этой планете обладаю разумом.

Потоков несколько минут переваривал полученную информацию.

– Это что же, – наконец выдавил он, – теперь каждое животное и растение на Земле... разумно?

– А бывало иначе? Что-то с тобой, приятель, не так.

Потоков затравленно огляделся и застонал. Потом принялся ругаться. Ругался он долго, от души.

– Эж тебя проняло, – посочувствовало дерево.

– Ох, гадко мне, – заявил он, когда самообладание вернулось к нему, – ох, тошно. А ну ваш солярис к лешему! Мне в этом новом дивном мире места нету ...

Стараясь ступать по возможности аккуратнее, он поплелся обратно к криобункеру.

«Надо ещё погодить», – бормотал он, с кряхтением забираясь в шахту.

Когда голова Потокова скрылась под землёй, одушевлённая планета издала слитный вздох. Не то разочарования, не то облегчения.

Рассказы

Рыбное озеро

В мою память навсегда впечатано чувство катастрофы, хотя за давностью должно было потерять остроту. Оно вспоминается неожиданно, чаще всего бессонной ночью, события выстраиваются в памяти так отчётливо, словно случились недавно, а не сорок лет назад.

После окончания института я попал по распределению на Крайний Север в геологоразведочную экспедицию глубокого бурения. Для начала меня направили помощником дизелиста в бригаду бурового мастера Сафонова.

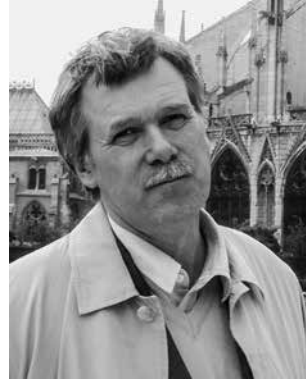
Первая вахта тянулась долго, без привычки тяжело пробыть целый месяц посреди тундры – бледно-зелёного болота с редкими небольшими озёрами. Зачастили туманы, характерные для сентября. Выйдешь утром из балка, взглянешь на буровую вышку, а кронблока не видно, даже верхние полаты с трудом различимы, – и безнадежное одиночество, потерянности охватывают душу.

Но работе туманы не были помехой, бурение шло, как полагается, по плану, но из-за них не летали вертолёты, и с продуктами на буровой были проблемы. Дожили до того, что повариха Надежда Сергеевна стала готовить исключительно манную кашу на завтрак и макароны по-флотски на обед. Сафонов хмурился, фыркал и оставлял половину макарон в тарелке. Хорошо ещё, что муки было достаточно, Надежда Сергеевна пекла из неё вкуснейший хлеб с поджаристой корочкой. Но одним хлебом сыт не будешь, и однажды Сафонов, не выдержав, сказал:

– Всю жизнь в тундре работаю, но такой буровой бригады ещё не видел. Среди вас рыбаков, нет, что ли? Или рыба в озёрах перевелась? Неужели вам макароны поперёк горла ещё не встали?

Рыбаки были, и озеро было в километре от буровой, из него качали воду для бурения. Вполне внушающее доверие озеро, в таком обязательно должна была водиться рыба – пелядь, сиг, хариус,

Юрий ПОКЛАД

Юрий Александрович Поклад – родился в 1954 г. в Свердловской области в семье военнослужащего. С 1961 г. жил в г. Куйбышеве (Самаре), где окончил в 1977 г. нефтяной факультет политехнического института. Работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения в Крыму и на Крайнем Севере (Ненецкий АО), на нефтяных промыслах Западной Сибири. Строил морские буровые платформы на верфи «Самсунг» в Южной Корее. В 1994–1999 гг. сотрудничал в Объединённой редакции МВД России (обозреватель газеты «Щит и Меч»). Публиковал рассказы и повести в журналах. Рассказы звучали на радио «Русский мир» («Театр у микрофона»). Повести выходили в сборниках издательства АСТ, а также издательства Объединённой редакции МВД РФ.

Живёт в Мытицах.

щука. Любой маломальский рыбак, едва взглянув на это озеро, сказал бы, что в нём не может не быть рыбы. Вот и Сафонов был в этом убеждён, считал, что проблема лишь в неумении и лени рыбаков.

Я поступил на работу в сентябре, а скважину забурили в конце июля – самое время для рыбалки. Из досок была изготовлена и надёжно просмолена лодка-плоскодонка. На рыбалку ходили каждый день после вахты, но, сколько ни ставили на озере сетей и перемётов, сколько ни делали забросов спиннингом с самыми различными видами блёсен, – рыба попадалась редко. Разве что заморённый хариус длиной в ладонь, или мелкая щучка на полкило. Рыбаки были избалованы иными уловами, поэтому энтузиазм их стал гаснуть, пока не угас совсем.

Николай Павлович Сафонов – страстный рыболлов, не раз порывался лично попасть на озеро, но у него болели ноги в коленях и спина, поэтому поход откладывался. Он не мог обязать кого-то пойти на рыбалку, чтобы обеспечить котлобак рыбой, поэтому и воззвал к совести подчинённых.

Первым откликнулся слесарь Гулевич:

– Рыба будет.

Это был странный человек. Есть люди, живущие с торопливой жадностью, с неоправданным риском, без него им скучно, словно еда без перца и пряностей. Для тридцати восьми лет Гулевич выглядел несерьёзно: по-мальчишечьи вертлявый, суетливый, худой; утомительно говорливый, с неподдающимся расчёске хохолком волос на макушке, с тлеющей сигаретой в углу рта. Специалист он был посредственный, но с претензией на подвиг: рассказывали, как однажды осенью, когда уже лежал снег, не побоялся нырнуть в ручей, чтобы зацепить трос за форкоп утонувшего бульдозера. Рутинный производственный процесс был ему скучен, но, когда требовалось выполнить какую-нибудь отвлечённую работу, скажем, помочь в столовой, брался за дело с азартом. Любил рассказывать о своей героической жизни, врал при этом так безыскусно, что не верилось никому, даже мне, но рассказы звучали забавно, слушать их было интересно.

– Ты дорогу на буровую забыл, целыми днями околачиваешься в жилом городке, – ругался на него Сафонов, но готовность Гулевича обеспечить столовую свежей рыбой, оценил:

– Снасти есть у тебя?

– Найдём. Напарник нужен.

– Это, пожалуйста. Вон, Гену возьми.

Гена – это я. Он мог бы добавить: на буровой от него всё равно толку нет, но он не добавил.

Толку от меня тогда действительно не было: нас не учили в институте эксплуатации и ремонту дизелей, я набирался знаний по ходу работы, и пока что мало чему научился. Вспоминал институтские лекции, но ничего полезного из них извлечь не мог: какие-то формулы, графики, расчёты на прочность – сплошная дребедень, к чему она мне здесь? В первый день работы дизелист Иван, у которого я числился помощником, попросил пойти на палубу и запустить третий дизель. Я спросил:

– А как?

– Что как? – не понял он.

– Как его запускать?

– Ты не умеешь?

– Не умею.

Иван укоризненно покачал головой, но не поленился подняться со мной на палубу и объяснить, каким образом заводится дизель. Он был удивлён, но не подал виду.

У Ивана круглое, всегда улыбающееся лицо, он никогда ни с кем не ругался, даже, когда надо было ругаться, молчал и тяжело вздыхал.

Решение бурового мастера меня, конечно же, обидело: досадно чувствовать себя ни к чему серьёзному не пригодным, но я пошёл вслед за Гулевиным готовить рыболовные снасти.

Я никогда не увлекался рыбалкой, не мог понять фанатического пристрастия некоторых людей «замерев, часами глядеть на неподвижный поплавок», но в любом случае не стал бы Гулевиному что-то советовать, он в советах не нуждался. Я знал, что месяца через три меня переведут на базу экспедиции, на инженерную должность, не для того меня учили пять лет, чтобы помогать раздолбаю-слесарю нести на озеро рыболовные снасти.

Мы стали распутывать сети, разложив их на земле. Гулевич, желая выглядеть для меня подавляющим авторитетом, сначала негромко ворчал, потом стал недовольно покрикивать. Но я сказал:

– Будешь хамить, пойдёшь на озеро без меня, – и он примолк.

Часа за полтора, утопая сапогами в вязкой болотине, мы пробрались к озеру, поставили в протоках три сетки, натянутые на каркасы, называемые телевизорами, и два перемёта. На следующее утро пришли и проверили снасти: попало два средних размеров хариуса. Ещё два дня утомительного хождения на озеро дали примерно такие же результаты. После этого я заметил, что Гулевич стал задумчив, он что-то замыслил.

Бессмысленное хождение по раскисшей тундре мне надоело, я стал подумывать, каким образом можно от этого отказаться. Например, заболеть: простуда – повышенная температура, слабость. Или боли в желудке. Ради такого случая стоило даже не пойти на обед и с мучением на лице сообщить об этой проблеме Сафонову.

Очень жаль, что я не реализовал этот план.

Серое, пасмурное небо отражалось в подёрнутой лёгкой зябью поверхности озера. Ветер усиливался, я надеялся, что пойдёт дождь, и рыбалка не сойдёт. Но Гулевич не собирался ставить сети. На этот раз он зачем-то взял с собой мелкокалиберную винтовку – «мелкашку». Возможно, решил заодно и поохотиться, хотя ни зверей, ни птиц возле озера не было заметно. Вопросов я задавать не стал: отношения так и не налаживались, мы почти не разговаривали. Мне не нравился человек, который к тридцати восьми годам оставался никчёмным клоуном, и не было надежд, что он станет другим.

На берегу озера был настлан фундамент в два наката брёвен, скреплённых скобами, на нём сооружено дощатое, обтянутое тёмно-зелёным брезентом укрытие, в котором располагалась небольшая электростанция и насос для подачи воды на буровую. Под стеной укрытия лежал кислородный баллон, забытый монтажниками, соорудившими водонасосную. Баллон наполовину утонул в мягкой почве.

Гулевич попытался вытащить баллон, но ничего не получалось.

– Чего стоишь, помоги! – раздражённо крикнул он мне.

Вдвоём мы одолели баллон. Гулевич открутил колпак, напрягшись, открыл двумя руками кран, мощно пшикнув газом.

– Живой, – удовлетворённо сказал он.

– Зачем он тебе? – спросил я.

– Вырастешь, поймёшь.

Не знаю, почему, но мне тайный его замысел сразу же внушил опасение: я был убеждён, что этот человек выдумать что-нибудь дельное не способен.

Он отыскал на берегу несколько брёвен и стальных скоб, стал сооружать плот. Так и не понимая, в чём состоит его секрет и какое отношение он имеет к ловле рыбы, я помогал ему. На плот был водружён баллон с кислородом.

– Объясни, что ты хочешь сделать, – попросил я.

Он не ответил, стал молча бродить по берегу озера, отыскивая ещё какой-то, необходимый ему, подручный материал. Нашёл три коротких бревна и куски досок.

– Всё будет отлично, – с уверенностью сказал Гулевич, – и навялим рыбы, и посолим, и для столовой хватит, пусть Сафонов не переживает.

– Что ты меня за дурака держишь, – не выдержал я.

– Ты в институте учился?

– Ну, и что?

– Если на дизельное масло кислородом подуть, что получится?

Я не знал, что получится, если подуть кислородом на дизельное масло. Может быть, на лекциях в институте об этом когда-то и шла речь, но я не запомнил.

Гулевич выждав время, необходимое для ответа, с сожалением взглянул на меня и открыл секрет:

– Взрыв будет, студент. Такие вещи надо знать.

– А зачем нам взрыв?

– Чтобы рыбы наловить.

Пока мы возились с брёвнами, погода совсем испортилась, небо грозно нахмурилось, словно было заранее возмущено прогрессивным методом ловли рыбы слесаря Гулевича.

Из трёх брёвен был сооружён ещё один плот, и на нём установлена трёхлитровая банка с дизельным маслом. Два плота – большой с кислородным баллоном, у которого будет приоткрыт вентиль, и малый – с трёхлитровой банкой масла, предполагалось пустить по озеру навстречу друг другу. Когда они встретятся, Гулевич выстрелит в банку.

После того, как я понял смысл затеи, она мне разонравилась окончательно. Гулевич видел это, но моё слово решающим не было. Как все люди, которым редко выпадает случай принимать ответственные самостоятельные решения, он проявлял удивительную энергию и сообразительность, и чем энергичней он был, тем сильнее зрела во мне уверенность, что всё это кончится плохо.

Сначала всё шло по его плану: большой плот и маленький плотик двигались навстречу друг другу и должны были оказаться рядом почти на середине озера, но ветер вдруг сменился, и плотик с банкой масла постепенно прибило к противоположному от нас, крутому берегу. Гулевич занервничал:

– Если кислород из баллона уйдёт, всё сорвётся.

Он столкнул в воду лодку-плоскодонку, ловко орудуя коротким самодельным веслом, пересёк озеро и, зацепив плотик рукой, отбуксировал его, расположив напротив большого плота, так, чтобы он двигался в нужном направлении. Гулевич не учёл того, что возвращаться ему придётся против ветра. Поняв, что можно не успеть, принялся грести изо всех сил, но лодка почти не двигалась с места. Оставалась надежда, что банка после столкновения плотов не опрокинется или не плеснёт маслом, горлышко её Гулевич, второпях, заткнул куском тряпки, но тряпка провалилась внутрь банки.

Гулевич не успевал. Поняв, что катастрофа неизбежна, я упал лицом в траву, закрыв затылок руками. Страшной силы взрыв потряс воздух, и мне стало ясно, что суетливого человека, которым я был так недоволен, больше не существует. Этот факт никак не умещался у меня в голове, потому что я был мальчишкой, который считал себя взрослым человеком. Я лежал, не шевелясь, не в силах ни о чём думать, жизнь впервые столкнула меня с гибелью человека.

Я не представлял, что теперь делать. Идти на буровую? Но придётся объяснить, где Гулевич, и я не смогу объяснить.

Лежала довольно долго, пока не услышал, что кто-то идёт. Я поднял голову и увидел совершенно мокрого, сгорбленного, незнакомого мне человека. Судя по одежде и внешности, это был Гулевич, но это был не он: глаза были пустыми и отрешёнными, у Гулевича не могло быть таких глаз. Я вскочил, подбежал к этому человеку, стал лихорадочно его ощупывать, словно проверяя, всё ли на месте: руки, ноги, голова. Я что-то спрашивал, не понимая, что спрашиваю. Человек молчал, иногда по всему его телу пробегала волной крупная нервная дрожь.

Поверхность озера была густо усеяна рыбой, всплывшей вверх брюхом, озеро действительно было рыбным, буровой мастер Сафонов не ошибся, но мы не обращали на это внимания.

Страсти по Чебуркову

— Видите вон там, у реки, монастырь? — спросил пожилой мужчина, сидящий напротив меня в электричке. — Раньше там автопредприятие было, совхозный гараж.

Он снял с головы фуражку, положил её на объёмистую сумку, туго набитую газетами, вытер пот с мощного лба. На шарообразной голове высоко поднимались залысины, оставляя впереди мыс с седым кучерявым чубчиком. Ему лет семьдесят, даже больше, но старость не победила широкое, с настырными глазами и сурово сжатыми губами, лицо. Грудь широкая, выпуклая, во все не стариковская, из распахнутой клетчатой рубашки кущи седых волос.

Я часто езжу в Москву электричкой и не раз видел этого человека. «Кроссворды, сканворды, чайнворды. Приобретайте, вам будет интересно!», — он выкрикивал эти слова громко, но без надлежащего одушевлённого напора, газеты покупали плохо.

— Я заведовал этим гаражом, — сказал мужчина, выжидающе взглянув на меня, определяя, стану ли я слушать его историю.

— Следующая станция «Акри», — объявили по электричке.

Пусть рассказывает, решил я, не так скучно будет ехать.

— Руководитель я был такой, как положено, — продолжил он, почувствовав мою готовность слушать, — подчинённых давил, начальство уважал. Доставалось шоферам крепко. Если Чебурков с похмелья, — а пил я от души, — лучше не подходи. Нагнал страху, боялись меня. Монастырь давно ликвидировали, то коммуна там была, то детский дом. Я принял хозяйство в начале восьмидесятых. Директор совхоза, Николай Николаевич Ковальчук, меня ободрил:

— Мы твоему опыту, Пётр Дмитриевич, доверяем, надеемся на тебя.

Разве ж можно было после таких слов работать спустя рукава?

Взялся я за дело. Многое пришлось перестроить. Бестолково монахи расположили здания. К примеру: посреди двора церковь, как бельмо на глазу, перегораживает маневр крупнотоннажной технике. Хотел её снести, едва удержался, но пространство вокруг расчистил беспощадно. Все эти надгробья и прочую дребедень сгорнул бульдозером за ворота. Я люблю, чтоб всё было по-хозяйски.

Вдоль стены стал строить боксы для спецтехники, чтобы в дальнейшем, когда котельную на ноги поставлю, тепло в них дать. Помещений хватало, но до каждого руки были необходимы. Разместил в бывшей монастырской столовой токарный участок, здание длинное, двери в торце. Стали боковую дверь бить, а стены — метр толщиной.

Постепенно всем нашлось место: и вулканизаторщикам, и пайщикам-медникам, и электрикам, и мотористам. Себя не обидел, кабинет оборудовал просторный, в той церкви, что посреди двора. Но главная гордость — аккумуляторный участок. Я не первый год с техникой работаю, и скажу так: если гаражом опытный человек заведует, аккумуляторный участок у него будет на первом месте. А как иначе? Зима подойдёт, умное ли дело машины с буксира заводить? Это ж позор! По мне так: прежде обеспечь водителя аккумулятором исправным, потом спроси: добросовестно ли ты, парень, эксплуатируешь вверенную технику? Я публику эту отлично знаю: не даёт генератор зарядки, а водитель, вместо, чтоб постоять, отремонтироваться, ходки рвёт, двигатель целый день не глушит. Налицо перерасход топлива.

С аккумуляторного участка начались мои несчастья. Облюбовал я под него небольшое зданье, круглое по форме, часовня не часовня, что-то такое, опять же, религиозное. Стал производить косметический ремонт: побелка, покраска и прочее. Место хранения серной кислоты стал оборудовать: вентиляторы с вытяжными зонтами установил, всё по уму. Кто технику безопасности не уважает, с собственной головой не дружит.

Тут, как раз, уборочная. Дел — не продохнёшь, технику ежедневно приходилось в город гонять, а это поломки. Ковальчук затерзал телефонными звонками: сколько единиц на линии, да сколько единиц на линии. Голова кругом.

Мало того, как-то утром забегает в кабинет механик Вася Кольцов:

— К вам, Пётр Дмитрич, две женщины и мужчина. Похоже, из города.

Мне весь этот посторонний контингент, да ещё в горячее время, тем более, из города, — нож острый. Столько времени отнимает эта празднующаяся публика!

Заходит чахлый мужичок, лысоватый, с ним две дамы. Что это за люди сразу же стало ясно. У меня на интеллигенцию глаз зоркий, мгновенно вычисляю. Мнят из себя. А чего мнить? Что у них за душой, чтоб о себе мнить? Чем они от меня, скажем, отличаются? На пять книжек больше прочитали?

— Мы из университета, учёные-историки, — сказал мужичок. — Я, Дмитрий Эдуардович, кандидат наук, это Ирина Степановна и Варвара Ивановна, аспиранты.

Оглядываю гостей, молчу, они нервничают. Варвара Ивановна краснеет, Дмитрий Эдуардович подбородком дёргает.

— Какие ко мне вопросы? — спрашиваю.

— Вам наверняка известно, что ваше предприятие находится на территории монастыря, представляющего большую историческую ценность, — объяснил Дмитрий Эдуардович.

— Шестнадцатый век! — вставила Варвара Ивановна.

Дама габаритная, в шортах, в майке с иностранной надписью, в очках. Дмитрий Эдуардович, без очков, но мне показалось, и он тоже носит очки, но их не надел.

– Всё понятно, – говорю, – шестнадцатый век, историческая ценность. Освободить территорию? Когда прикажете?

– Об этом речи пока не идёт, – скромно заметила Ирина Степановна, – но, знаете ли, не исключено.

Сколько ей лет? Тридцать? Пятьдесят? Платышко серенькое, худоба, косточки, волосики кукишем на затылке, полное несчастье в личной жизни. И туда же: «не исключено»!

– Не дождётесь, дорогие товарищи. Был тут монастырь, теперь упразднён, религия – дурман, и вообще у нас атеизм.

Я нарочно так говорил, чтобы позлить их.

Дмитрий Эдуардович смутился, сильнее задёргался, хотел что-то сказать, но от возмущения ничего не сказал, только достал из кармана очки и нацепил на нос. Объяснила Ирина Степановна.

– Мы, Пётр Дмитриевич, понимаем, вы не самовольно захватили монастырь и разместили здесь гараж, но если уж это произошло, хотим вас попросить...

– Потребовать! – поправил Дмитрий Эдуардович.

– Об одном... одолжении.

– Во имя русской культуры! – добавила Варвара Ивановна.

– Вы в Ивановской церкви оборудуете участок для ремонта аккумуляторов?

– Ну, и что?

– Не надо этого делать! У вас там будет применяться, насколько нам известно, кислота?

– Да, серная кислота.

– Вот видите! А на стенах Ивановской церкви ценнейшая роспись. Пока ещё её можно восстановить. Но, если она будет находиться в парах серной кислоты, неминуемо погибнет.

– Ира, не унижайся! – сказала Варвара Ивановна. – Он тебя не слушает.

Замечание меня задело.

– Почему не слушаю? Очень даже слушаю, но ничего путного услышать не могу. Если б вы пришли, как серьёзные люди, и сказали: вот смета на строительство помещения аккумуляторной, вот счёт в банке, с которого пойдёт финансирование, я б вам руки пожал и в церковь эту ни ногой. Но приезжают непонятные люди и хотят в здании, выделенном мне в законном порядке, запретить размещение производственного оборудования. Кто будет кривым стартером зимой машины заводить? Вы?

– Простите, чем? – переспросил Дмитрий Эдуардович.

– Ручкой кто будет крутить двигатель, чтобы машина завелась? Аккумулятор чахлый, а ехать надо.

– Я не умею крутить ручкой, и не стану. Это не моя профессия.

– Совершенно верно, не ваша. Но вы считаете нормальным прийти и запретить мне организовывать работу так, как я считаю нужным.

Раздражали меня эти люди, Дмитрий Эдуардович в особенности. Неужели я такой, каким они меня представляют? О народе любят умно рассуждать, а я тоже народ, и мне, может быть, обидно их пренебрежение, только они этого замечать не хотят.

Оскорбились учёные люди, ушли.

Минул с тех пор почти год, оборудовал я аккумуляторный участок. Долго рассматривал те картины на стенах: женщины какие-то, старики, младенцы, ангелы, всё это потрескалось, почернело. Нечего там восстанавливать.

А в конце апреля, тридцатого, произошло со мной странное событие. Или привиделось спьяну, точно не скажу. Алкоголь я употреблял тогда без всякой меры, или, как говорится, мера была, но большая. В честь наступающего праздника воспринял я с главным инженером совхоза Соколовым Владимиром Васильевичем алкоголя такое количество, что ночевать пришлось в кабинете, на диване. Главного инженера шофёр в охапку, и унёс в машину, хотел и меня, но я воспротивился: чтобы какой-то шоферюга меня, словно куль, в машину волок?!

Заснул мёртвым сном, очнулся ночью. Открыл глаза, во рту сухо, как в пустыне, голова гудит. Махнул полный графин воды, вышел проветриться.

Прохладно, ночь лунная, звёздная. Красиво. Весной пахнет. Стою посреди двора, курю. Решил пройтись по территории. Иду. Вдруг замечаю, дверь в аккумуляторную приоткрыта. Это что ж, думаю, за гости? Не те ли, что в ночь на двенадцатое января обокрали склад запчастей? Таких гостей нам не надо, с запчастями и так бедствие. Врываюсь, вижу: стоит длинноволосый тип на коленях, глядит в стену и поклоны кладёт. На меня ноль внимания. Наглец, да и только. Интересуюсь:

– Кто такой? Какое право имеешь находиться ночью в помещении, где материальные ценности?

Поворачивается ко мне лицом, с колен не вставая, длинные волосы шнурком по лбу стянуты, хитон на нём какой-то до пят, вроде рясы.

– Я – Феодосий Коверя, – говорит, – помолиться пришёл в храм.

– Хватит придуриваться. Это тебе не храм, а участок ремонта и зарядки аккумуляторов.

Молчит.

– Где работаешь? В совхозе?

– Нигде.

– Чем живёшь?

– Милостыней.

– Не стыдно ли тебе, здоровому мужику, паразитировать на теле общества?

– Любят меня люди, вот и подают.

– Любят? Ну, ты загнул.

– Да, любят. А вот тебя любят ли, Пётр?

– Не рубль я, чтобы меня любить. Сейчас вызову милицию, она тебе про любовь всё и разъяснит. Попался на воровстве, будь добр, отвечай.

– Властвовать тебе нравится, Пётр. Кто властвует – тот одинок. И ты будешь одинок.

– Хватит болтать. Одинок, не одинок, не твоё дело. Замок сорвал, в помещение проник, значит, вор.

– Разве храм на замок запрёшь?

– Цель твоя: кража аккумуляторов с целью продажи. Хочешь болтовнёй мозги мне запудрить?

Вышел я, дверь запер, полупьяного деда сторожа Климентьева разыскал, приказал стеречь. Сам на телефон, в райотдел милиции звонить. Позвонил и как-то незаметно заснул.

Утром стучит в кабинет Климентьев:

– Домой, не пора ли вам, Пётр Дмитрич? Праздник, Первое мая.

– Я тебе ночью приказал вора в аккумуляторной сторожить. Где вор? Не упустил?

– Ничего вы не приказывали. Спали всю ночь.

– Врёшь! Он аккумуляторы украсть хотел. Я имя и фамилию помню. Ночью милицию вызывал. Где милиция?

– Никто не приезжал. Приснилось вам, Пётр Дмитрич.

На следующий день по паспортному столу проверил: не проживает Феодосий Коверя в нашем районе.

Решил позвонить учёным людям, которые в прошлом году приезжали, им наверняка все местные монахи известны. Попал на Ирину Степановну, представился, спрашиваю:

– Не знаете ли вы такого человека, Феодосия Коверю?

– Откуда вам эта фамилия известна?

Вздригнуло сердце, не приснилось, есть след.

– Кто он такой? Адрес?

– Этот человек проживал в начале восемнадцатого века в монастыре. Вы, может быть, библиотеку старинную нашли? Там, под Надвратной церковью, по преданиям, подземный ход и хранилище.

– Ничего мы не нашли, сказки это всё, чудеса. В чудеса я не верю.

Но случилось всё так, как предсказал монах: супруга моя неожиданно умерла, дочь вышла замуж за военного и уехала в город Читу. Остался я один. Сначала пил, но не шло зелье в удовольствие, как прежде. Одно дело от избытка чувств пить, другое – от безысходности.

Вскоре подоспели события известные, – перестройки да перестрелки. Власть сменилась, жизнь стала иной. Гараж мой ликвидировали, вновь открыли монастырь, стал я туда, по привычке, приходиться.

Монашки цветов насадили; в моём кабинете – иконы, свечи горят. Церковь, где была аккумуляторная, реставрировали. Святые выжили, не одолела их серная кислота, глядят на меня со стен с укором. Но в чём я виноват? В чём мне каяться? Работал честно, старательно, отчего же такой крах в жизни? В гараже – монастырь, дочь – раз в полгода пишет.

– Вы бы поехали к ней жить, в Читу, – предложил я.

Чебурков взглянул с такой досадой, что мне стало совестно за совет.

– Никуда я не поеду.

Встал, подхватил сумку, оглядел вагон.

– Кроссворды, сканворды, чайнворды. Приобретайте, вам будет интересно! – провозгласил он немногочисленным пассажирам с каким-то вызывающим отчаяньем.

Никто ничего не приобрёл, Чебурков прошаркал разбитыми кроссовками в соседний вагон.

– Следующая станция «Домодедово», – объявили по электричке.

